

196.5
B-84

ВСЕГДА В ПУТИ

848730

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ“

МОСКВА • 1966

Прозвучено
1980г.

7А6.1

В84

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Составитель Д. Е. ДМИТРИЕВ

Художник В. В. МЕДВЕДЕВ

6-9-3
879-65

шире дорогу—турист идет

Чинтаюся о будущем
"Всегда в пути"

А. Яковлев

Фото В. Чердинцева

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНОВ

Турист космоса — туристам Земли

С большой радостью откликаюсь на просьбу редколлегии сборника «Всегда в пути» высказать свое мнение о туризме.

Мне кажется, что в нашей стране слово «туризм» настолько популярно, что не нуждается ни в простран-ных разъяснениях, ни в детализации.

Из года в год увеличивается количество туристов и расширяется «география» туристских маршрутов.

Молодых и пожилых людей с рюкзаками за плеча-ми можно встретить и на дорогах Кавказа, и в пред-горьях Памира, и в долинах Валдая, и в многочис-ленных заповедниках, разбросанных по нашей необъ-ятной стране.

Туризм мне представляется не только отличным видом отдыха — он закаляет волю и укрепляет орга-низм. Исключительно велико и познавательное значе-ние туризма.

Вот почему из каждой поездки турист возвращается отдохнувшим, бодрым, обогащенным впечатлениями.

Правда, не все еще ладно у нас с организацией. Иногда бывают досадные просчеты, встречаются недостатки, омрачающие поездку. Но все это легко устранимо. Важно другое: рост туризма, его значение в жизни нашего общества, подлинно массовый характер туризма.

Мои молодые друзья, я зову вас в туристские походы.

Ближе к солнцу, воде, лесам, лугам, ближе к природе!

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

Торопитесь видеть Землю

Вот один парадокс. Техника XX века почти уничтожила расстояния. Можно (берем лишь техническую сторону вопроса), пожелав искупаться в Черном море, слетать туда между завтраком и обедом. Рассказывают, что один болельщик летал из Москвы в Ленинград на интересный футбольный матч. Еще бы: полет до Ленинграда занимает пятьдесят пять минут. Пожалуй, до московского стадиона с другого конца столицы проедешь ничуть не меньше. Путешествия, на которые раньше люди тратили месяцы и месяцы, теперь занимают десять — пятнадцать часов. Казалось бы, подобная революция в способах передвижения человека по нашей планете (вернее будет сказать: над нашей планетой) должна была бы высвободить огромное количество времени. Но в том-то и состоит парадокс, что свободного времени у нас стало гораздо меньше,

чем, скажем, во времена, когда из Петербурга в Москву ездили исключительно на лошадях.

Человек устроен так (если он активен и деятелен), что его планы, замыслы, желания намного опережают действительный ход жизни, каким бы стремительным этот ход ни был. Невозможно осуществить все свои замыслы — значит, надо осуществлять самые главные, интересные, я бы сказал, самые родные.

Когда не так давно я вернулся из путешествия по тропическому Вьетнаму, меня дожидалось уже письмо из города Архангельска от моего друга Михаила Скороходова. Это письмо заставило меня смутиться: я вспомнил, что зимой мы говорили о том, как неплохо было бы побродить по северным нашим краям, где живут суровые, простодушные люди — поморы, где плавно и свободно текут к океану холодные светлые реки, теряясь в белой дымке вечного летнего дня.

В глазах моих еще возвышались, как бы заслоняя белый свет, пагоды, да каучуконосные деревья, да скалистые острова из бухты «спустившегося дракона», а между тем в письме значилось:

«...Посмотри, какой маршрут мы здесь разработали. Еще до Ермака Север был связан с Сибирью, там был полярный Багдад — Мангазея, теперь от нее остались одни развалины, а может быть, и развалин не осталось — тундра. Из Великого Устюга купцы с товаром (смотри карту, я ее сам нарисовал, чтобы виднее было) весной спускались по Двине, поднимались по Пинеге, из Пинеги волоком — теперь там канал — в Кулой. В Долгощелье — пересадка, начинался морской путь...»

Картины Севера встали передо мной. Есть еще там замечательные места в низовьях Печоры, например Усть-Цильма. Русские люди переселялись туда в

древние времена от царских гонений и, окруженные лесами и тундрами, в целости сохранили те самые и обычаи, и одежду, и обряды, и песни, какие унесли с собой из среднерусских земель. Я, когда был в тех местах, видел в одном учреждении девушку-секретаршу. Она была одета в костюм примерно так XVI века, что не мешало ей бойко тюкать одним пальчиком на пишущей машинке. В Усть-Цильме поют такие старинные русские песни, каких уже невозможно услышать нигде, кроме тех мест. Говорят, кто побывал на Севере один раз, тот (железная закономерность!) обязательно придет туда снова. Хорошо, что есть вот эти северные, тундровые, морские баренцевы да печорские места, куда — было бы желание! — не заказана дорога.

Другое письмо, ожидавшее меня, прилетело с памирских гор. Можно подумать, что это все я придумал нарочно для статьи. Ведь получается точь-в-точь как в песне: «С южных гор до северных морей». Но вот уж несколько лет альпинист, охотник, ученый Александр Кузнецов приглашает меня в альпинистский лагерь на Памире, обещая интересный поход к труднодоступным ледникам.

Есть также одна высокогорная долина не очень далеко от Пржевальска, в которой однажды пришлось переночевать и которая с тех пор так и стоит перед глазами и зовет, и манит. Каждый год, планируя летнее отпускное время, вспоминаешь и про нее, но десятки других заветных мест и сотни дел не пускают пока в долину. Так и горит она в воображении, высоко приподнятая над землей, недосягаемая, окруженная глубочайшей тишиной вечных снегов.

В этот же день другой мой товарищ позвонил по телефону. С воодушевлением рассказывал он, что

только что вернулся из одного места на Брянщине, с которым ничто уж на земле, вроде бы, и не может сравниться.

— Представь,— рассказывал друг,— две реки соединяются, образуя мыс. Одна река побыстрее, пошире, поновористее, другая тихая да задумчивая. На мысу стоит село, тридцать дворов, а вокруг брянские, партизанские леса. Я попросился жить в избу к старику да старухе... Вот только сейчас приехал... Не знают про такие места наши туристы!..

Да, каждый год перед наступлением лета буквально разбегаются глаза. В Тарханах, в усадьбе Арсеньевой, где половину жизни провел Михаил Юрьевич Лермонтов и где он похоронен, я уже успел побывать. Но все настойчивее манят пушкинские места («Прости, Тригорское, где радость меня встречала столько раз!..»). Хорошо бы поехать туда осенью, во время тихого, спокойного листопада, побродить по пустым аллеям, по шуршащим от листвы тропинкам, посидеть над озером.

А то еще есть Солотча, не очень далеко от Рязани, а значит, и от Москвы. Широко раскинулась там приокская пойма. В высоких сочных травах разбросаны небольшие озерки, старицы, заросшие белыми водяными лилиями. По высокому берегу — сосновые чистые боры. Глядя на рязанские дали, как-то особенно чувствуешь, понимаешь, что именно здесь должен был родиться, провести детство и юность такой поэт, как Сергей Есенин. Надо было, надо бы съездить в ту деревню, где стоит его изба.

Правильно, надо побывать в Константинове. А были ты в Ясной Поляне? Это ведь так близко от Москвы. Можно дойти и пешком, и ходили люди, шли вереницами к яснополянскому старику.

Однако почему же все древние и памятные места? Конечно, их не перечислишь ни по пальцам, ни в памяти: и Ладога, и Суздаль, и могила Шевченко над Днепром, близ города Канева, и село Петрищево под Вереей, и Бородинское поле, и много-много всего. Но почему не Волго-Дон, не Московское море, не Курская магнитная аномалия? Почему, наконец, не просто волжская дельта под Астраханью, кубанские плавни или такие сказочные, неповторимые по красоте места, как Валдайская возвышенность? Может быть, именно туда-то и надо поехать в первую очередь? И наконец, есть и такой вариант: Черное море, где-нибудь в районе Пицунды... Кто побывал на Черном море, тот скажет, что это не такое уж плохое место, чтобы им пренебрегать во время летнего отпуска, в беспокойный период туристских походов.

Разнообразна природа и красота планеты Земля. Разные страны гордятся своей, подчас неповторимой, подчас невиданной природой и красотой. В Швейцарии обратят ваше внимание на Альпы, в Албании — на цвет адриатической воды (особенно если смотреть с перевала Логара), в Болгарии покажут Долину роз, в Венгрии непременно похвалятся озером Балатон, в Чехословакии знамениты Татры...

А там какой-нибудь водопад, а там оазис и мираж в пустыне, а там птичьи базары, а там пампасы и прерии. Бесконечно красива наша Земля! Бесконечны возможности путешествовать по ней, потому бесконечны, что все равно не хватит одной человеческой жизни, чтобы узнать и увидеть Землю.

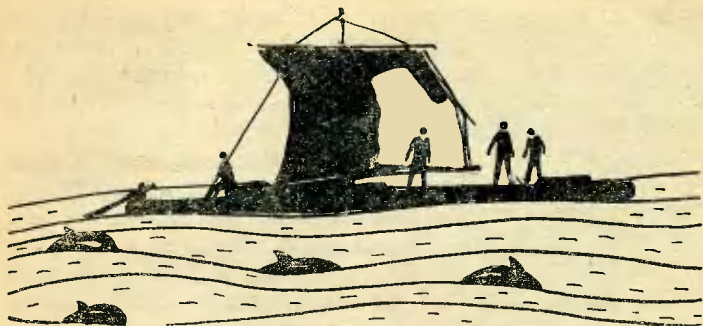
Если же окинуть взглядом нашу страну, занимающую шестую часть планеты, то нетрудно заметить, что у нас есть почти все, что можно найти поврозь, путешествуя по тем или иным отдаленным странам.

Люди, много ездившие и много видевшие, непременно подтвердят вам это. Любители пустынь, любители горных озер и горных вершин, любители водопадов, любители теплых морей, любители степных просторов, любители глухих лесов, любители широчайших или, наоборот, самых тихих тенистых рек, любители скал или камышовых зарослей, эдельвейсов или ромашек, жары или холода, кумыса или парного молока, древностей Востока или современных новостроек, грибов или мушмулы, ершей или скумбрии, охоты на глухарей или охоты в подводных зарослях, пешего хождения или бешеного полета на машинах, перегоняющих движение дня от востока к западу,— все найдут то, что им нужно.

Страна, красивейшая в мире, предоставлена в полное распоряжение каждого из нас. Это ли не великое счастье?!

Жаль вот только, подчас не хватает времени и наверняка не хватит его в конце концов на то, чтобы увидеть и узнать как следует все, что мы называем нашей Родиной.

Торопитесь летать, ездить, ходить, плавать. Одним словом, путешествовать по Земле. Торопитесь видеть Землю!

ГЕНРИХ АНОХИН

Сеньор Кон-Тики в гостях у советских туристов

В мае 1962 года и в августе 1964 года в советской прессе много писалось о талантливом норвежском ученом, выдающемся писателе и смелом путешественнике Туре Хейердале. Это он летом 1947 года, поставив целью доказать мореходные качества древних перуанских бальсовых плотов и тем самым подкрепить свою теорию первичного заселения Восточной Полинезии выходцами из Южной Америки, за сто один день проплыл 8000 километров на плоту «Кон-Тики», достигнув одного из архипелагов Тихого океана.

В знак особого уважения к капитану легендарного плота жители Полинезии называли Хейердала сеньором Кон-Тики.

Автору этих строк довелось в оба приезда Хейердала сопровождать его в Москве. Здесь же мне хо-

чется впервые рассказать читателям нашего туристского сборника о некоторых фактах жизни знаменитого норвежца, до сих пор нигде не публиковавшихся. Я собираю материал для книги о Хейердале, и это лишь маленькая часть их.

...До конца рабочего дня домашних кухонь Москвы осталось каких-нибудь десять минут, а именно торт для подготовленного нами приема Хейердала не был еще заказан. В универмаге «Москва» не приняли заказ. Я заскочил в домашнюю кухню № 41. Холодный отказ администратора, не пожелавшего даже ознакомиться с эскизом заказа. Недоуменно пожимает плечами и заведующая кондитерским цехом:

— Поздно спохватились. Возьмите готовый. Что проку в таком скучном рисунке. Вот заказ — это да! И показывает трехкилограммовый торт со стандартными розочками.

Появляется и кондитер: высокая девушка в очках.

— Девушка,— говорю я,— заказ-то особый, посмотрите,— и показываю рисунок.

Она близоруко щурится, с трудом читает латинский текст:

— Тур Хейердал. Москва. Какой Хейердал? Уже не тот ли, что плавал на плоту через Тихий океан?

— Да! Он самый. А здесь посредине торта — остров Пасха с надписью по-норвежски: «Поскеойа». Я принимаю Хейердала у себя в гостях. Возьмите заказ!

Секунду колеблется, затем решительно снимает шерстяную кофточку (уже собиралась уходить...).

— Возьмусь. Я же читала его книги «Путешествие на «Кон-Тики» и «Аку-Аку». Для Хейердала будет торт!

— Смотри, Нина,— говорит заведующая.— Опять дома будут сердиться, что задержалась.

— Ничего, подождут,— говорит кондитер.

— И материала нет.

— Найду. Через час приходите, товарищ. Все будет, как нарисовано, и того же цвета, как здесь.

Обо всем этом я рассказал вечером, когда в кругу друзей перед Хейердалом мы торжественно водрузили на стол торт. Он напоминал громадную медаль. На светло-зеленом поле (море!) вздымался крутым берегами коричневый остров. На нем — россыпь вулканов с кратерами. В восточной части острова белая полоса — ров, отделявший остров от полуострова Поике, последнего прибежища таинственных длинноухих. Красные стрелки указывают стоянки экспедиции Хейердала на острове.

Тур несколько мгновений изумленно смотрит, потом широко улыбается, и глаза его по-мальчишески озорно искрятся:

— Спасибо, друг! Это так неожиданно и прекрасно! А как точно вылеплен остров! И эти вулканы! И стрелки! И ров Поике! Долг за мной. Когда будешь у меня в гостях, в Италии, и ты ожидай сюрприза!

Торт, на котором изображен остров Пасхи. Такой подарок для Тура Хейердала изготовила московский кондитер Нина Шакирова.

Фото Г. Анохина

Хейердал спрашивает, кто изготовил торт, хочет немедленно отблагодарить кондитера и по-норвежски пишет для нее на экземпляре своей книги «В поисках рая»: «Нине Шакировой с благодарностью за чудесный торт. Тур Хейердал. Москва. 9. 8. 1964».

Он в отличном настроении, хотя видно, что очень утомлен напряженной деятельностью на конгрессе, работой по ночам над статьями по срочным заказам «Правды», «Известий», «Литературной газеты», постоянным, от рассвета до глубокой ночи, общением с людьми — множеством ученых, журналистов, просто почитателей его таланта или собирателей автографов.

Цель встречи у меня, в кругу семьи, дать ему отдохнуть. Мы давно знаем друг друга. Сначала по переписке — с осени 1958 года, когда он, задыхаясь от радостных объятий соотечественников и устав от бесконечных возлияний в его честь — национального героя Норвегии, покинул на время родину, чтобы в укромном уголке Италии, вблизи Савоны, выстроить виллу и здесь писать свой научный отчет — трехтомную монографию об археологических раскопках в восточной части Тихого океана. В апреле 1962 года мы познакомились уже очно, в Москве.

У этого человека небывалая выносливость тренированного туриста и спортсмена и удивительное восприятие жизни, непокидающее чувство юмора. Я вспоминаю, что в 1962 году, как и в этом, 1964, он способен был с утра до вечера выдерживать множество визитов, выступал, дискутировал, подписывал сотни автографов, отвечал на вопросы. И как отвечал! Умно, остро, с юмором, зажигая бодрим смехом.

«Извините за сентиментальный вопрос,— написали ему в записке в Отделении исторических наук Академии наук СССР, где он встречался с учеными Инсти-

Три лектора по "Всегда в пути" на Тихоокеанском 12.8.1964

Тур Хейердал (слева) на Международном конгрессе этнографов и антропологов

(Подпись под фото — читателям «Всегда в пути» Тур Хейердал
12/VIII 1964)

тутов археологии и этнографии,— но хотелось бы узнать, какие психологические мотивы толкнули Вас на опасное и далекое плавание на плоту «Кон-Тики»? Как сохраняли Вы постоянное чувство юмора? И было ли это чувство у перуанских водителей плотов в Тихом океане в доинковский период?»

— Здесь два вопроса,— отвечал капитан прославленного плота.— Что касается меня, то мой юмор был выражением постоянного лозунга всей моей жизни: «Береги искру бодрости! Пока она есть, будет и огонь жизни». Что же касается древних перуанских мореходов, то надеюсь, что мы сможем узнать, с каким чувством воспринимали они трудности, лишь тогда,

когда ученые, и прежде всего советские, которые этим занимаются, расшифруют письма ронго-ронго. Если там окажутся и анекдоты об их плаваниях, значит, и они берегли искру бодрости.

— Вы говорили, что, начиная плавание на «Кон-Тики», вы были плохими моряками? — спросили его в Московском университете.

— Совершенно верно, — последовал ответ. — Иначе я не отправился бы в такое плавание. Я и сейчас не знаю, как плавать на обычных морских судах под парусами, и только плавание на плоту до сих пор кажется мне простым.

«Не скучаете ли Вы по своему плоту «Кон-Тики»? — написали ему в Центральном доме литераторов.

— Если бы наш плот разбило вдребезги, для нас это было бы равносильно гибели нашего товарища, — мягко улыбаясь, говорил под одобрительный гул зала Хейердал. — Мы полюбили наш парус, наши ванты, нашу бамбуковую хижину и наши бальсовые бревна. Когда полинезийцы помогли провести в лагуну наш поврежденный плот, а затем он был доставлен на корабле в Осло, мы соорудили для него музей. И когда не было посетителей, забирались в бамбуковую хижину и поглаживали ее старые, такие знакомые нам стены и потолок.

В 1962 году Хейердал был в Москве с супругой Ивонной, его спутницей в год раскопок на острове Пасхи. Три его дочери оставались в Италии, два старших сына, от первой жены Лив, — в Норвегии. Теперь он приехал один. За столом он улыбчив, разговорчив, и его лицо совсем не такое строгое, каким было на заседаниях Конгресса, где он напряженно выжидал натиска научных оппонентов. Сейчас он говорит о своей семье, о себе, о простых человеческих заботах.

Старшему, тоже Туру, двадцать шесть лет. Он студент естественно-географического факультета Университета в Осло, изучает океанографию, собирается посвятить себя исследованию планктона. В 1963 году он был в Советском Союзе, в Москве, путешествовал по Западному Кавказу. Во время раскопок на острове Пасхи в 1956 году Тур-младший был рабочим в археологической экспедиции своего отца, и Тур-старший доволен им.

— Я не навязываю детям специальности и не хотел бы указывать дорог в жизни. Я хочу, чтобы они были честными людьми и избрали себе такую работу, которая была бы им по душе. Тур сам себе избрал путь в науку,— говорит отец.

Несколько лет назад неудовольствие отца вызывал второй сын — Бьёрн. Тому нравилось легко пожить в кругу таких же бездельников, каким становился и он. Отец вмешался, и Бьёрн стал по его настоянию простым рабочим — «Чтобы знал, как создаются ценности!» — в бригаде литейщиков на Металлургическом заводе в городе Тронхейме. Рабочая среда оздоровила Бьёрна. Он работал, потом стал учиться по вечерам, окончил курсы счетных работников. Сейчас ему 24 года и он в Южной Родезии. Там возникла норвежская кофейная плантация, и он заместитель управляющего по труду и зарплате.

Дочерям Тура одиннадцать, семь и пять лет. Старшая, Аннет, учится в сельской итальянской школе. В этом году туда же пойдет Мариан. И все трое с крошкой Элизабет проводят время вне стен дома, в кругу своих сверстниц — деревенских детишек.

— Они в таких же ситцевых платицах, босоногие и чумазы, как и их подружки. Они свободно говорят по-итальянски. Но чтобы не забыли родного языка,

дома мы говорим только по-норвежски,— сообщает Тур. Кстати, сам Тур читает, пишет и говорит на девяти языках: норвежском, шведском, датском, голландском, немецком, английском, французском, испанском и итальянском.

— Мне много приходится работать и дома,— продолжает Тур,— и жена много лет уже умоляет меня выделить время для отдыха. Но мои противники в науке не дают передышки. Однажды, устав от кабинетной работы, я вышел, как обычно, побродить в горах, в лесу. На дороге стояло несколько автомашин с иностранными туристами, а вокруг толпились дети с букетиками полевых цветов в руках. Уровень жизни итальянцев довольно низкий, и крестьянские дети подрабатывают для родителей продажей цветов. Я увидел в толпе высокую белокурую девочку и узнал в ней свою старшую дочь. Я подошел ближе, чтобы спросить ее, что она здесь делает, когда увидел и других двух дочерей. Все трое, как и итальянские дети, тянули букетики туристам — продавали цветы.

— Хотели помочь своему папе? — улыбнулся я.

— Нет, своим подругам,— серьезно ответил он и продолжал: — Когда я работаю, я совсем отвлекаюсь от окружающего. Если меня окликнут в этот момент, я вздрагиваю и пугаюсь. Даже если Ивонна накрывает на стол, а я приду и ем, она ни о чем не спрашивает меня: она знает, что и сейчас я работаю, думаю и ем автоматически, может быть даже не понимая в этот момент, какая еда — вкусная, горячая? У меня заполненная жизнь, и я доволен этим. Я чувствую себя счастливым. Потому, что у меня хорошее здоровье. 6 октября (1964 года.— Г. А.) мне исполнилось пятьдесят лет, а я не помню, чтобы когда-нибудь я чем-нибудь болел. Потому, что я люблю семью — и

своих детей, и жену. Потому, что у меня хорошие друзья и в Скандинавии, и в СССР, и в США, и в других странах. И потому, что у меня интересная научная работа, и ее хватит на всю жизнь. Единственное, чего мне не хватает,—это времени, часов в сутках. Я много и быстро пишу, если не мешают. «Путешествие на «Кон-Тики» написал на горном хуторе в Норвегии за три месяца, «Аку-Аку» — за пять месяцев в пансионате возле Осло, три месяца я писал первую свою книгу — «В поисках рая». Научные же труды отнимают значительно больше времени и сил.

Я спрашиваю нашего друга о судьбе его спутников по плоту «Кон-Тики», которых знают и в нашей стране.

— Кнют Хаугланн сейчас директор музея «Кон-Тики» возле Осло. Этот музей я построил на свои средства, появившиеся от многих переизданий моих книг, прежде всего «Путешествия на «Кон-Тики», и доходы от музея идут в помощь норвежским студентам: этнографам и антропологам. Недавно норвежское правительство поручило Хаугланну создать Музей антифашистского сопротивления 1940—1945 годов.

— Эрик Хессельберг декорирует шведское метро в Стокгольме. Он художник. Герман Ватцингер, инженер по холодильникам, увидев обилие рыбы в тихоокеанских водах, решил, что его место рядом, и осел в Перу, где строит сейчас большие холодильники. Единственный на нашем плоту не норвежец, швед Бенгт Даниельссон, завершает книгу о жизни знаменитого французского художника Поля Гогена в Полинезии. Хотя он этнограф и доктор наук, из-за этой книги он не смог приехать даже на Международный конгресс в Москву. А собирался. Но издательство задержало. Живет он на Таити и там занимается этно-

графией — изучает культуру и быт полинезийцев. Его я видел в последний раз два года назад в Лондоне.

— Зарубежная, в том числе норвежская, пресса упоминала, что Робю много пил и умер в 1964 г. — прервал я Тура. — Не этим ли и расшатал он сердце?

— Да, — грустно согласился Тур. — Ему из всех нас особенно тяжело пришлось в прошлой войне наряду с Кнютот Хаугланном. Робю участвовал в двух важных парашютных операциях и закончил войну с тяжелым состоянием нервной системы. Он остался холостяком, вел жизнь одиночки, нанимаясь радистом на заполярные станции, и сигара, и виски все более становились его спутниками.

И после долгой паузы продолжал:

— Вернемся к работе. Для меня самое главное в ней — встряхнуть науку, ту ее часть, которой занят я, — этнографию полинезийцев. Мало по кирпичику строить науку. Иногда невредно устроить в ней землетрясение. И тогда увидишь: прочно ли это здание. Я никогда не забываю, что ученый может в корне ошибаться, но, встряхнув других, заставит и их пересмотреть мнения. Моя теория — первые люди пришли в Восточную Полинезию не из Юго-Восточной Азии, а из Южной Америки — казалась ересью, и первые годы я чувствовал себя борющимся в одиночку, прижатым к стене. Но факты — упрямая вещь. Их было сначала мало, а становится все больше, и они подкрепляли мою теорию. Могу сказать, что только в этом году, впервые за четверть столетия моей работы, я получил признание во всех странах, где изучают этнографию Полинезии, причем последними меня признали ваши ученые.

...Утро 13 августа выдалось холодное. Туман, дождь. Я и переводчик Лев Жданов провожали на Шереме-

тьевском аэродроме нашего друга. На старте лайнер «Москва — Прага», далее «Прага — Милан».

— Спасибо за дружбу, сотрудничество и помощь,— говорит Тур, пожимая руку.

— Счастливого пути, друг. До встречи,— отвечаем мы.

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

Лоцман „Кон-Тики“— советским туристам

Я очень интересуюсь спортом, если под спортом понимают физическую подготовку, которая укрепляет тело. Правда, я никогда не участвовал в спортивных соревнованиях. Всегда, и даже в молодости, я был настолько увлечен сначала сбором коллекций животных и чтением книг по зоологии, культуре и быту народов мира, а потом разгадками научных этнографических проблем, что, как правило, для регулярных занятий спортом у меня попросту не оставалось времени. В детстве я редко гонял «футбол» на пустыре или на улицах, но никогда не отставал в физическом развитии от моих сверстников благодаря ежедневным прогулкам в лес, в поле и еженедельным более далеким путешествиям по выходным дням. Короче говоря, мне нравилась жизнь в пути под открытым небом во всех ее видах, когда и сердце, и легкие, и мускулатура всего тела получали сильное и гармоничное развитие.

Еще в дошкольные и первые школьные годы я частенько уходил за 7 километров от дома, из городка Ларвика, где родился и провел детство, в городок

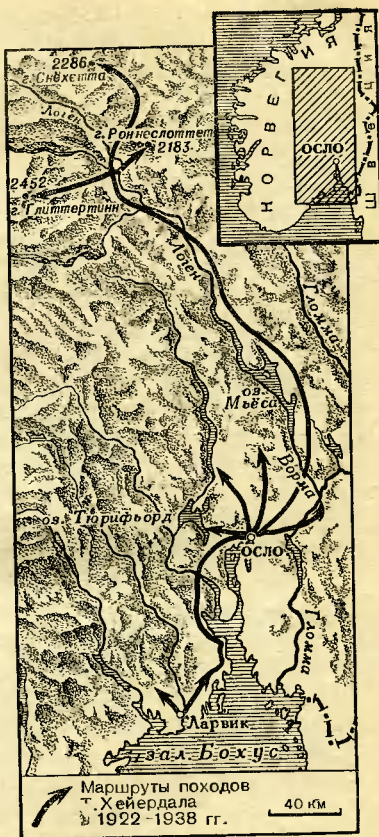
Ставерн. Тогда целью походов была ловля животных — ежей, птиц, насекомых, гадюк — для моей зоологической коллекции. Ведь сначала я увлекался зоологией. Но по мере того как становился старше, все более возрастал интерес к дальним походам, изучению чужих стран. Мы жили в центре Ларвика, на холме, откуда открывается изумительный далекий кругозор на весь фьорд. Когда в доме все ложились спать, я нередко вставал, садился на подоконник, искал глазами корабли и мысленно отправлялся с ними далеко по свету. Все мои самые необузданные фантазии развивались именно в эти одинокие ночные часы в том домике, где я провел детство. И меня всегда интересовало, как живут и трудятся племена и народы этих далеких стран. И мои путешествия и в детстве, и позднее никогда не были праздным ротодейством или пустым отмериванием километров.

Когда я стал студентом университета в Осло, я купил большую гренландскую собаку и уходил с нею зимой и летом в дальние походы. Пес мог нести на любой местности выюк до пятнадцати килограммов. Даже по сильно пересеченной местности мы успешно тащили на санях до пятидесяти килограммов. С ним не раз восходил я на горные вершины Глиттертинн (2452 м), Снѣхетта (2286 м) и Роннеслоттет (2183 м), проделывал длинные лыжные переходы. Я имел обыкновение вставать в воскресенье с рассветом, садился в поезд, который шел до станции Руа, и оттуда направлялся на лыжах в Осло.

Не всегда это были легкие прогулки и восхождения. Так, однажды на вершине Роннеслоттет нас застала непогода и темнота, и вместе с другими попавшими в беду туристами мы соорудили снежный дом — иглу — и провели в нем ночь.

Опыт этих горных походов понадобился мне в 1937—1938 годах, когда я впервые отправился на научную студенческую практику на гористые Маркизские острова. А местные туристские путешествия легли в основу моих первых журналистских проб — очерков с фотоснимками и рисунками, которые я публиковал в ежедневной норвежской газете «Тиденс Тейн».

В годы второй мировой войны, когда я добровольцем пошел в части норвежского движения Сопротивления, чтобы освободить мою родину от немецко-фашистских оккупантов, мне невольно пришлось осваивать новый для меня вид спорта — парашютный. А после войны — плавание на плоту. Построенный из бальсового дерева по древним чертежам, без единого гвоздя, наш плот «Кон-Тики», как известно, проплыл с ветрами и течениями за сто один день 8000 километров. Этим плаванием я доказал мореходные

качества древних перуанских плотов, что помогло мне в борьбе с научными оппонентами за мою теорию о появлении первых людей в Полинезии из Южной Америки, а не из Юго-Восточной Азии.

И сейчас я в перерывах между научной работой увлекаюсь пешими и лыжными походами, занимаюсь слаломом в горах Италии (ведь я живу с 1958 года в этой стране), нередко с маской и дыхательной трубкой погружаюсь в мир голубого безмолвия — в прохладные воды норвежских фьордов или теплые струи Генуэзского залива. И не могу пожаловаться на свое здоровье: в пятьдесят лет я абсолютно здоров и не могу припомнить, когда болел.

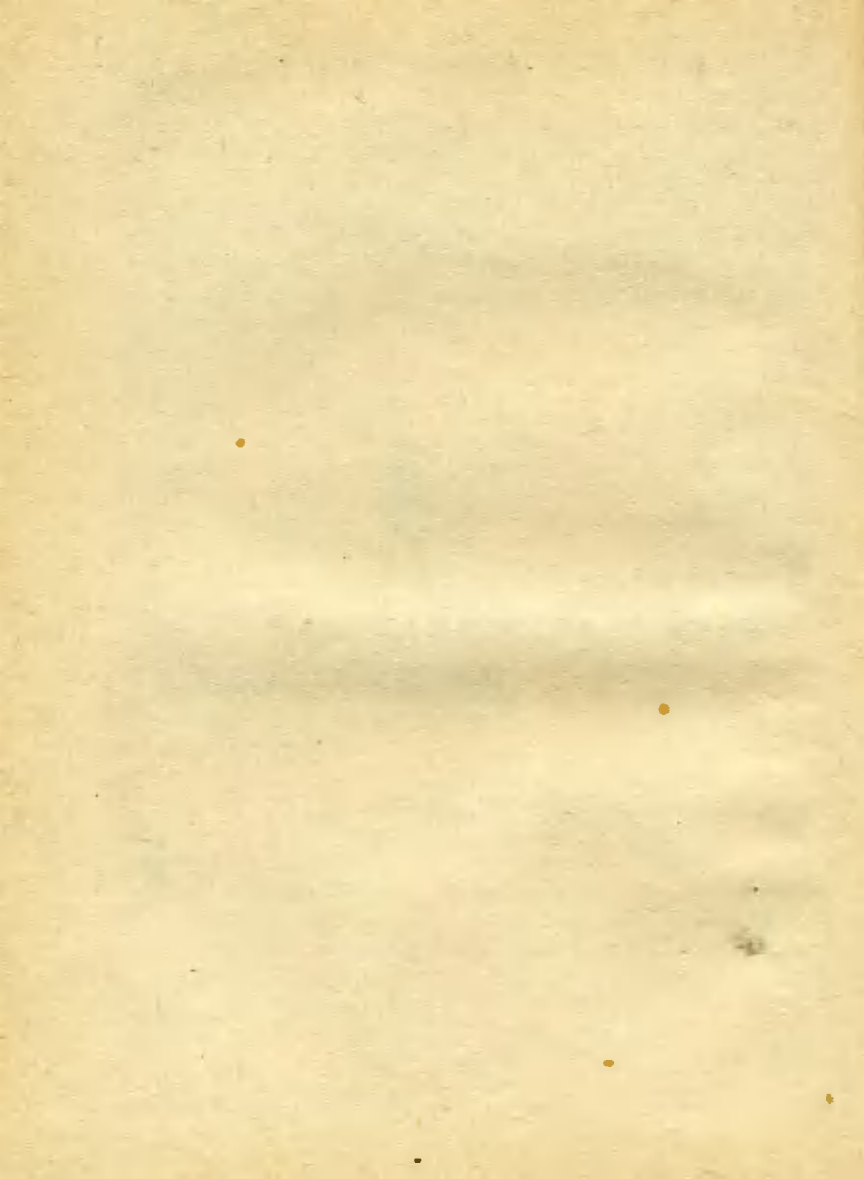
Первый мой приезд в Москву весной 1962 года был очень знаменательным для меня. Я впервые в открытой научной дискуссии встретился с моими советскими коллегами, а Московский университет наградил меня медалью М. В. Ломоносова. В августе 1964 года я приехал в Москву делегатом VII Международного конгресса антропологов и этнографов.

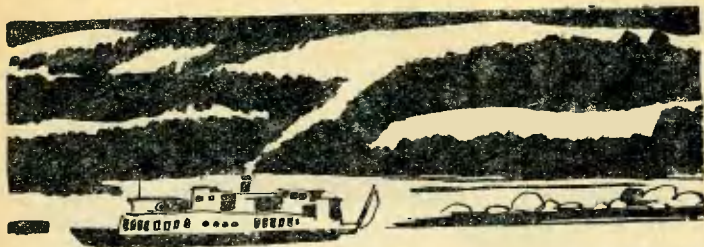
Меня радует, что в Советском Союзе развит туризм — и местный, и дальний, что многие миллионы советских людей совершают пешие, горные, лыжные и водные путешествия, что среди туристов-водников у вас немало близких сердцу моему плотогонов — водителей местных «Кон-Тики», преодолевающих речные, озерные и морские просторы на этих примитивных и в то же время удивительно практичных средствах путешествия.

Хочу пожелать советским туристам новых троп и новых, еще более крупных успехов в путешествиях с целью укрепления тела, познания окружающего мира и помощи людям.

**бывалые
путешественники
рассказывают**

Г. С. ОРЕШКО

Здесь путешествовал Ильич

Между тем и здесь окрестности города, по реке Енисею, напоминают не то Жигули, не то виды Швейцарии...

В. И. Ленин. Письмо М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой. 17 апреля 1897 г.

А Маняше тоже бы отдохнуть летом—на Жигулях где-нибудь, а?

В. И. Ленин, Письмо М. А. Ульяновой. Мюнхен, 2 апреля 1902 г.¹

Глубоко и горячо любил Владимир Ильич родную Волгу. Живя в Самаре с мая 1889 по август 1893 года, он крепко полюбил, запомнил на всю жизнь и чудесные наши Жигули с их «кругосветкой».

...В 5 часов утра 8 мая 1890 года от Самарской пристани отчалила лодка «Нимфа». Кроме Владимира Ильича в ней находились члены первого самарско-

¹ *В. И. Ленин.* Соч., изд. V, т. 55.

го марксистского кружка Алексей Павлович Склярено, Иван Александрович Кузнецов, Николай Яковлевич Полежаев, Алексей Александрович Беяков, Александр Павлович Нечаев, Викентий Викентьевич Савицкий.

Весело с шутками и песнями вели свою лодку «кругосветчики» по весенней, широко разлившейся Волге до села Переволоки.

Здесь на длинных, специально приспособленных дорогах-люшнях перевезли «Нимфу» на реку Усу. Вниз по Усе до впадения в Волгу и опять вниз по Волге от Ставрополя до Самары — таков был четырехдневный маршрут друзей-марксистов вокруг Самарской луки. Чудесные незабываемые картины род-

ной природы открывались перед путешественниками. Но и в Екатериновке, и в Жигулях, и в Царевщине — во всех трех селах, где приставала «Нимфа», видели молодые революционеры крестьянскую нищету, безысходную бедность, рабское бесправие.

...И теперь этот ленинский маршрут — наша жигулевская «кругосветка» — пользуется огромной популярностью не только у туристов Куйбышева, но и далеко за его пределами. Каждую неделю отчаливают от базы Областного совета по туризму вместительные морские ялы вниз по матушке по Волге. Традиционной стала у нас и первомайская «кругосветка» в честь туристского путешествия В. И. Ленина. Еще больше групп уходит в лыжные и пешие походы по маршруту.

* * *

Город Куйбышев (бывшая Самара) в 1966 году будет отмечать 380-летие. Одним из крупнейших промышленных и культурных центров Поволжья и всей Родины стал город за советские годы. Почти в шесть раз за это время выросло его население и теперь приближается к миллиону. Навеки вписаны в историю города имена В. И. Ленина и А. М. Горького, А. Н. Толстого и Г. М. Кржижановского, М. И. Ульяновой, М. В. Фрунзе, В. И. Чапаева, многих славных сынов и дочерей народа.

С 27 января 1935 года город носит имя Куйбышева, провозгласившего 8 ноября 1917 года Советскую власть в Самаре. Прямые, утопающие в зелени кленов и тополей улицы, просторные площади с памятниками Ленину, Куйбышеву, Чапаеву, проспект Гагарина, «куйбышевские Черемушки» — микрорайон и но-

вый Куйбышевский район города, более чем двести школ и восемь вузов, пять музеев и четыре театра — вот далеко не полный перечень нового.

* * *

Под Ульяновским спуском, рядом с комбинатом — родиной Жигулевского пива, переправа. Каждые двадцать минут уходят к Заволжскому острову проворные «москвичи» и солидные самоходки. Остров встречает нагретым песком и приятной прохладой в тени вековых осокорей и плакучих ив по берегам многочисленных озер, ароматом луговых цветов и непроходимыми зарослями ежевичника. До революции здесь происходили многочисленные маевки и тайные собрания большевиков, ныне остров стал излюбленным местом отдыха туристов, рыболовов, любителей природы.

От пристани уходят грузовые такси на Самарскую луку. Едем до села Шелехметь. По мостику через Рождественскую воложку въезжаем в Рождествено — одно из старейших сел. Ныне здесь есть школы, плодовоовощной техникум, больница, клуб и кинотеатр, библиотека и стадион, леспромхоз. Минутах в десяти от села неоднократный участник Всесоюзных выставок — птицефабрика.

От села через всю Самарскую луку тянется Екатерининский тракт. В 1767 году по нему в сопровождении своих фаворитов графов Орловых проезжала Екатерина II. Год спустя вся огромная лука стала собственностью Орловых. Кое-где вдоль тракта до сих пор стоят «аракчеевские березки».

За большим сосновым бором на берегу озера село Новинки, километрах в трех — Шелехметь. Вплотную к селу подходит гряда невысоких шелехметских гор.

Много диких яблонь, малины, рябины, смородины, грибов. Невдалеке гора Ош-Панда-Ньерь (по-мордовски Город-Гора-Мыс). У подножия заваленная камнями пещера, на вершине остатки древнего мордовского городища XI—XII веков.

Продолжим путь по малоезженной дороге на запад; по краю волнующегося под ветром пшеничного поля, через ароматный пестрый луг. То пересекая солнечные полянки, то скрываясь в тенистых дебрях извивается дорога по лесу. Лес расступается, перед нами тихо дремлющее под лучами летнего солнца озеро, только всплески рыб редкими кругами разбегаются по воде. Бесчисленные ужи охотятся на рыб и лягушек, греются на камнях, наводя панику на неопытных туристов, оправдывая название на деле безобидного Змеинового озера.

Из-под огромной нависающей глыбы «Вислого камня» вырывается родник. Сюда приходят на слеты туристы, разбивают биваки обитатели ближних туристских лагерей.

Раскинем и мы палатки первого привала.

* * *

Второй день пути. Узкой колесной дорогой, то берегом сплошь заросшего ежевичником озера, то живописными лиственными лесами выходим на берег Волги. Горы здесь выше, до 110 метров, называются они Винновскими. Многочисленные щели, трещины и овраги, густые леса. Выбежала к Волге и как бы застыла на берегу голая безлесая гора. Долгие годы тут, у крупного залегания гипса, работал алебастровый завод: склоны, изрытые карьерами, искрятся

переливами разнообразных гипсов, прозрачными кристаллами «Марфина стекла».

Если посмотреть сверху на берег, можно увидеть на надпойменной террасе раскинувшиеся в тени осокорей палатки туристских лагерей Куйбышева, Новокуйбышевска, Чапаевска. Ближе к берегу разношерстные палатки и марлевые пологи, удочки, сачки и прочая снасть рыболовов.

Пройдешь глубокий Гранный овраг, и сразу видна самая высокая точка Винновских гор, двадцатиметровая Давыдова гора. Склоны ее изрыты многочисленными карстовыми воронками, одни из них уже сгладились и заросли лесом, другие только недавно возникли. Чуть подальше, в устье пятнадцатикилометрового оврага, село Винновка. Основано оно при Иване Грозном, но еще с давних времен в этих благодатных местах жили люди. Свидетели этому раскопанные в окрестностях селища III—V веков. Возле села замечательный песчаный пляж, километром ниже излюбленное место привалов «кругосветчиков» — Веселая поляна.

На пути к селу Ермакову на высоком обрывистом склоне заброшенная «часовня Люпова». От нее видно село Осиновку, на плоскогорье, километрах в трех ниже по течению, — Ермаково. Оно основано казаками Ермака Тимофеевича, не пошедшими в Сибирь. Ныне это большое рыбацкое село. Жители его — исконные бакенщики и рыбаки, создавшие устойчивую на любой волне «ермаковскую» лодку.

Окрестности села богаты обнажениями пермских доломитов и юрских известняков с аммонитами и белемнитами, тут же залежи тугоплавкой белой глины, прекрасных кварцевых песков, а также железистых песков и глины — сырья для производства охры.

Путь до горы Лбище на протяжении семи километров проходит по каменистым осыпям. Берег усеян палатками и шалашами: место считается рыбным. Гора Лбище на правом берегу одного из самых больших в Жигулях — Аскульского оврага похожа на огромный лоб допотопного чудовища. Село Аскулы в его верховьях ведет начало от древнего чувашского городища Асла-Хула — «Большой город».

Дорога от Лбища до поселка Новый путь усеяна камнями. А вдоль Волги тянется «золотой пляж». Но стоит увлечься его красотами, как через несколько километров вы окажетесь перед глубоким и широким заливом. Переплыть не на чем, придется возвращаться сквозь «джунгли» с травой выше человеческого роста, колючим кустарником, полчищами кровожадных комаров и оводов. За эти беды с лихвой вознаградят заросли ежевики, лужайки ароматных цветов, зеркала пойменных озер. Усталые, но довольные выходим к селу Мордово.

До Малой Рязани тропа ведет вдоль Волги. На пути встретятся два родника — довольно большая роскошь для Самарской луки. Один в лесочке, им пользуются для водопоя, второй — неподалеку от пристани, чистый и обильный, отсюда берут воду туристы. Решили сделать привал в тени огромных осокорей. Возле пристани замечательный песчаный пляж. Прощаемся на время с Волгой.

Краем села двигаемся на север мимо массивов пшеницы, сахарной свеклы, картофеля. Слева поросшие душистым разнотравьем отроги Попова оврага. За лесочком Большая Рязань. Пройдя километра полтора лесом к востоку, выйдешь к большому эллипсообразному холму высотой 30 метров, длиной 70 метров. На краю земляной вал Разина-городка. По

преданию, Степан Разин зарыл тут много серебра и золота, вершина изрыта кладоискателями, находившими только нехитрое походное снаряжение да обломки оружия.

Село Большая Рязань, в прошлом одно из самых глухих, стоит на широкой асфальтированной магистрали, связывающей Куйбышев и Волжскую ГЭС имени В. И. Ленина с Сызранью и Москвой.

От села уходим на северо-восток. Вдоль оврага спускаемся к Усе, еще недавно почти целиком пересыхавшей за лето. Только весной, пока не спала полая вода, можно было пройти по реке на небольших лодках. Долина Усы в старину слыла самым глухим, разбойничьим местом. Дремучие леса, глубокие овраги были надежным убежищем для вольных людей, бежавших от произвола.

Теперь Уса — огромный шириной более 3 километров залив Куйбышевского моря. На 60 километров вверх от устья до большого села Шигоны ходят все лето пароходы.

В 10 километрах западнее Большой Рязани, на водоразделе Волги и текущей в противоположном направлении Усы, знаменитое старое село Переволоки. Здесь из Волги в Усу по трехкилометровому перешейку перетаскивали лодки. Теперь, когда разлилось море, перешеек стал еще меньше, чуть больше двух километров. Энергетики решили использовать тридцатиметровую разницу уровней Усы и Волги: прорыть здесь канал, поставить турбины — получай дешевую энергию! Не нужно ни плотины, ни водохранилища. Недалек день, когда лодки туристов проедут не на колесах, а своим ходом через шлюзы и канал.

Когда выходишь на берег молодого моря, дух захватывает от могучей его красоты и необъятного простора. Огромным голубым зеркалом раскинулось море. Еще заметны на противоположном берегу домики, невысокая щеточка леса. Вокруг прекрасный песчаный пляж под сенью берез, пронизанная солнцем бухточка, стаи рыб возле полузатопленных деревьев. Тихо, чуть слышно шелестя, накатывают волны. Хорошо провести здесь несколько дней, купаясь, загораая на горячем морском песке, вдыхая щедрый целительный воздух приморья!

То и дело путь пересекают глубоченные овраги, густо заросшие орешником, дикой яблоней, черемухой, татарским кленом.

Жигули, одно из старейших сел на луке, основано в 1670 году. Орловы построили здесь благоустроенные фермы, недалеко ютились в жалких избенках крепостные. Не раз восставали они против произвола, но только туже затягивалась петля.

Сейчас в селе большой совхоз «Жигули», где разводят тысячи коров и свиней высокопродуктивных пород. Большие каменные корпуса ферм, богатый машинно-тракторный парк, большой красивый клуб, больница, лаборатория, несколько магазинов, столовая — все говорит о крепком, хорошо налаженном хозяйстве. В красивом двухэтажном особняке, где жил управляющий, учатся потомки бывших крепостных.

На север, в устье оврага Жигулевская труба, овеянный легендами Молодецкий курган. Полого спускаясь к «трубе», он отвесной почти трехсотметровой стеной обрывается в воду. Из многочисленных отверстий вылетают с резкими криками дикие птицы.

На вершине тишина. Только иногда налетит порыв ветра и зашумит в ветвях. Замечательный вид открывается с вершины! Далеко в туманной дымке колыхается море. Дремлет на противоположном берегу залива село Березовка. Чуть видны поселки Комсомольский и Портгород. Размахивая руками, кричат что-то проплывающие под курганом «кругосветчики», но слов не слышно.

Любят свой Молодецкий курган куйбышевцы, жигулевцы. В ночь с 1 на 2 мая горят у подножия десятки огней, сотни туристов зажигают на вершине традиционный костер дружбы.

Рядом с курганом Девья гора. Крутой спуск приводит к живописной бухточке.

Туристы и рыбаки протоптали по склону торную тропу. Через липовые леса по каменистым осыпям приводит она к Яблоневому оврагу. В 1937 году здесь была получена первая жигулевская нефть, через семь лет с больших глубин хлынул первый в Союзе фонтан девонской нефти. Немало лет прошло с тех пор, изменился облик этих мест. В годы строительства Волжской ГЭС здесь выстроен один из крупнейших комбинатов строительных материалов. Миллионы тонн цемента, миллиарды плиток кровельного шифера, сотни тысяч километров асбоцементных труб ушли отсюда на стройки.

По прекрасному асфальтированному шоссе едем в Жигулевск. Он вырос в годы послевоенных пятилеток на месте старого волжского села Отважного. Огромное светлое здание. Волжская ГЭС имени В. И. Ленина. Мощность — 2300 тысяч киловатт, производительность 11 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год. В зале, превышающем по объему главное здание МГУ, расположено двадцать могучих агрега-

тов. Обслуживает гигантское производство смена из двадцати человек.

У пятикилометровой плотины начинается крупнейшее в мире искусственное море. На 580 километров вверх по Волге и на 300 километров вверх по Каме разлилось оно, достигая местами ширины 38 километров. Больше 6 тысяч квадратных километров его площадь, объем — более 58 миллиардов кубометров! Предъявив маршрутную книжку, последуем за экскурсоводом. Через каждую из двадцати турбин ГЭС проходит столько же воды, сколько через Дон в среднем его течении.

Широкое асфальтированное шоссе бежит по гребню плотины, с края железнодорожный путь. Они связывают Куйбышев с Москвой.

Всего полчаса идет автобус от центра Жигулевска до поселка Моркваши. Еще в XIII веке основали село волжские болгары. Теперь оно перенесено на десяток километров в глубь луки, на его месте выросли крупный деревообделочный комбинат и большой благоустроенный поселок. Крутым оголенным склоном спадает к долине Лысая гора с остатками городища. На вершине огромный камень с полустершейся от времени надписью. В 1722 году сюда поднимался Петр I и собственноручно высек ее на камне, названном Петровым.

От подножия горы к Поляне Туристов ведет пешеходная тропа. Пройдя километра два, окажемся у подножия огромного утеса Шелудяк. Название его хранит память о сподвижнике Степана Разина — атамане Федоре Шелудяке. На вершине утеса традиционная туристская почта: здесь можно найти письма групп из самых далеких городов. Отсюда хорошо видны нижние шлюзы, часть судоходного канала, поселок

Федоровка. Огромными зелеными волнами убегают вдаль горы. Под утесом на полянке можно поставить палатки и развести большой костер, поиграть в волейбол.

Четыре с половиной километра тенистой лесной тропой — и мы на Бахиловой поляне, которая входила в Жигулевский заповедник. На территории бывшего Жигулевского заповедника около семисот видов растений. Среди них много реликтовых, сохранившихся с доледникового периода, несколько эндемиков: чабрец жигулевский, боярышник волжский, пырей инееватый, молочай жигулевский. На лизунцы — специально заложенную в горах каменную соль — выходят на рассвете и пятнистые олени маралы, завезенные с Дальнего Востока, и хозяева этих лесов — лоси. В непроходимых лесных дебрях охотятся за мелкой живностью куницы, хорьки, горностаи, ласки, норки, на участках каменистой степи мышкует красная лисица, прячутся осторожный, редко встречающийся песчаный барсук и белка, соня-полчок и слепушонка, заяц и различные виды мышей.

Каждое лето на Бахилову поляну приходят десятки групп туристов. У берега Волги разбивают свои лагеря куйбышевские школьники, по воскресным дням приезжают целыми коллективами нефтяники Зольного и энергетики Жигулевска, строители и химики Тольятти и нефтепереработчики Сызрани. Летом 1955 года на поляне проходил Второй всероссийский слет юных туристов. Шесть дней и ночей горел, не затухая, на вершине трехсотметровой Большой Бахиловой горы огромный костер.

Еще краше станет поляна в будущем. Общество охраны природы разработало проект создания здесь естественного парка.

С бивака на поляне мы совершим несколько радиальных выходов — на вершину Большой Бахиловой горы, вверх по оврагу в пещеры Медвежью, Барсучью, Ледяную.

На пути к Зольному в откосах гор и оврагов много действующих скважин. Бежит по металлическим трубам «черная кровь» Жигулей. В устье Молебного и Стрельного оврагов огромные резервуары. Отсюда нефть льется в трюмы танкеров, по нефтепроводу уходит к нефтеперерабатывающим заводам. Над устьем Стрельного оврага поднимается Стрельная гора — самая высокая в Жигулях (370 м).

С Солнечной поляны туристы обычно уходят на кордон Колоды, к знаменитой Каменной чаше. Тропа сначала поднимается сквозь густую чащу леса на перевал, потом спускается ступенями к Каменной чаше. В километре от кордона из-под огромной скалы бьет родник. В соседнем овраге еще два родника. На влажной земле возле родников многочисленные следы маралов и лосей. Если залечь с вечера в густых зарослях над ключами, обязательно увидишь на рассвете этих лесных красавцев.

Вдоль ручья спускаемся к кордону Колоды. Огромные деревянные колоды, в которые стекает вода источников, дали ему такое название. Долина Каменная чаша окружена со всех сторон горами. На восток уходит Ширяевский овраг — самый длинный в Жигулях (35 км). По пологим склонам гор полянки, с весны до осени покрытые цветами, ковром клубники и земляники. В лесу дебри обильно плодоносящего орешника, много ягод, одичавших яблонь, грибов.

Возвращаемся от кордона той же тропой или по Ширяевскому оврагу до одноименного села, где летом 1870 года жил Репин. У оврага Козьи рожки и

Царева кургана сделал он множество этюдов для своих «Бурлаков» и менее известной картины «Шторм на Волге».

Из Ширяева хорошо виден Царев курган. Легендами окутана тайна его возникновения, с именами многих замечательных людей и событий связана его история. По преданию, на него поднимался Иван Грозный, обозревал с его вершины окрестности Петр I. Прошли времена, иные люди на кургане спорили о будущем народа. Развевалась здесь под свежим волжским ветром крылатка буревестника революции — молодого Горького. В бурном 1905 году лежащее у подножия село Большая Царевщина (ныне поселок Волжский) стало центром «Старобуянской республики» — одного из первых в стране Советов крестьянских депутатов. Издалека видны были с Волги выложенные из белого камня огромные слова: «Долой самодержавие!» Бывал на кургане и Куйбышев.

В годы строительства ГЭС имени В. И. Ленина пригодились прочнейшие доломиты кургана. Одна за другой отходили баржи с известью и щебенкой.

От Ширяева по осыпям старых каменных карьеров узкая небезопасная тропа ведет к глубокому, стесненному двумя остроконечными горами оврагу. Громадный, нависающий над оврагом камень «Верблюд-гора» напоминает лежащее животное. В глубь горы уходит несколько штолен — остатки заброшенных каменоломен. Тихо... Где-то капает с каменной кровли вода, да иногда сорвется откуда-то камень! Даже в жаркий день прохладно и сумрачно под массивными сводами. Кое-где в дальних закоулках не тает все лето занесенный сюда зимними бурями снег.

С площадки, обойдя слева скалу, можно подняться на «Верблюд». Нелегко подъем, рука с трудом нахо-

дит углубления в скале. Но чудесный вид заставляет забыть все трудности и опасности. Чуть ниже по течению видны Жигулевские ворота — самое узкое место в среднем течении Волги, между двумя высокими горами: Серной в Жигулях и Тип-Тяв в левобережных Соколых горах. У подножия первой по указу Петра I был построен примитивный заводик, на нем выплавлялось до тысячи пудов серы за год. Название второй горы восходит к легенде о коварной красавице Волге, двух братьях — Жигуле и Соколе — и их верной собаке, погибшей от рук красавицы, но предупредившей предсмертным криком хозяев. Рыбаки, охотники, туристы — все, кому хочется провести свой выходной на лоне природы, стремятся к Гавриловой поляне. Здесь тенистые леса и рощи, чудесные песчаные пляжи на берегу, рыбные места, чистые лесные озера, горы Жигули у берега.

Частенько выезжают сюда и туристы на свои слеты и соревнования, заканчивают здесь свои маршруты туристские группы, собравшиеся в Куйбышеве по путевкам. Они уезжают отсюда полные незабываемых впечатлений о Волге, о древних, неузнаваемо помолодевших за годы Советской власти Жигулях, о нелегком, но таком увлекательном туристском маршруте — маршруте, по которому семьдесят с лишним лет назад прошел В. И. Ленин.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беляков А. А. Юность вождя. Воспоминания современника В. И. Ленина, изд. 2. «Молодая гвардия», 1960. 110 стр.

Чуев В. Ленин в Самаре. Госполитиздат, 1960. 92 стр.

Лялицкая С. В Жигулях. Куйбышев, Куйбышевское кн. изд-во, 1962. 126 стр. Историко-географический очерк о Жигулях, об их чудесной природе, замечательных лесах, скалах и утесах, пещерах и оврагах, животных и растениях.

В. ПЕСКОВ

Музыка древнего топора

— Едут, едут. Архитекторы едут, плотники едут, художники едут, разные другие граждане едут. Тыщ сорок за лето. Художник Рерих бывал, Пришвин, писатель. Из других государств приезжают. Нашего края люди плоты гонят или рыбу везут — в Кижях обязательно остановка. Тыщ сорок за лето. Вы-то откуда?

— Я из Москвы, из редакции.

— Да-а, с Дальнего Востока бывают. Нынешним летом трое из Африки были. С лица темные. Тоже, видать, красоту понимают. Подняли головы. Лопочут по-своему, нравится, стало быть... Нечего сказать, старики свое дело хорошо знали. Эку песню сложили. Восьмой десяток живу, пора для последнего дома доски стругать, а не успел наглядеться. Топором, одним топором, без гвоздя и железа сработано. Старики знали, как ставить...

Стариками нынешний плотник Михаил Кузьмич Мышев зовет плотников, живших на острове лет триста назад.

— Михаил Кузьмич, а известно, кто строил?

— Э-э, не тебе одному узнать интерес. Ищут в бумагах. Нету. Кому надо было записывать плотников? Умерли, и мир праху. А она вот стоит, и разные люди едут глядеть...

На Онежском озере, как уверяют путеводители, тысяча семьсот островов. На больших — деревянные избы поселков. На малых — одинокие маяки, полосатые щиты навигации, чтобы не сбились с дороги пароходы. На ином острове видишь часовню. Стоит, как игрушка. Кто молился, когда? Кроме часовни, никаких следов человека. А есть острова совсем малые — два десятка узорчатых елей, синие от лишайников валуны, и все. Пожалуй, только змеи мирятся с одиночеством на этих камнях среди холодной светлой воды.

Один остров лежит на великом пути из Новгорода в «поморские страны». Высокий холмистый остров зовется Киж. Двести пятьдесят лет назад на Кижском острове, будто бы в честь победы над шведами, церковь поставили. Она-то и сделала Кижский длиной пять километров остров известным на всей земле.

Два года назад в Риме в магазине у букиниста я листал дорогую книгу архитектурных шедевров. Коллизей, собор Парижской богородицы... И вдруг в разделе деревянной архитектуры читаю: «Russia Kijzi», тут же фотография во весь лист. Стыдно стало: я, русский, не видел этого чуда, сотворенного русскими.

...И вот свидание с чудом. Стою в рубке у капитана. «Ракета» пожирает синие километры. Мелькают чайки, треугольные бакены, рыбацкие лодки.

— Вот так, по курсу глядите, сейчас покажется.— Капитан дает тяжелый морской бинокль.

На воде особенно чувствуешь, что земля — шар. Откуда-то, «с той стороны», плывут навстречу деревья... ага, кажется, купол. Из воды поднимается целый букет куполов. Резная серебристая пирамида стремительно приближается. Видишь рядом другую церковь и колокольню, видишь уже кружевную резьбу куполов, старые серебристые бревна, карнизы. Не верится, что все это необычайно высокое и большое построено из дерева.

Замирает «Ракета». Прыгаем на дощатую пристань, осматриваемся. Справа, за низкой оградой из камня, церкви, слева чуть качается на волнах «Ракета». Чудо из дерева и белое легкое чудо из металла на крыльях. Какому чуду кланяться? Мы много кланяемся белому чуду. И справедливо. Оно нам ближе, оно сделано нами сегодня.

Но глянем и на правую сторону, туда сейчас смотрит, широко расставив ноги на палубе, молодой капитан. Он вынул бинокль, любитесь вязью осинової кровли на куполах. О чем думает капитан, в сотый раз любуясь древней работой? Не о бoге, конечно. О художниках-плотниках думаем мы, глядя на чудопесню из дерева. Не вина, а беда мастеров, пращуров наших, что их работа дошла к нам только в виде церквей, царских палат да барских домов. Счастье, что работа дошла, пережила время. Создавая свою красоту на земле, мы должны знать, как глубоко уходят корни нашего природного мастерства. Не по химическим формулам создана кровь в наших жилах.

Древняя сказка Киж

Фото В. Пескова

Такая же горячая кровь текла в руках плотника, нашего предка. И потому есть незримые нити между красотой этой церкви и красотой чуда — «ракеты». И слово «родина» только тогда имеет для человека свой великий и полный смысл, когда гордится он и тем, что сам сделал сегодня, и тем что отец его сделал вчера. Такие мысли приходят в голову, когда сходишь на дощатую пристань в Кижях.

Вряд ли главный мастер в артели плотников, сказавший «Вот так надо ставить!», знал чертежи и делал расчеты, без каких сегодня не строят даже и гаражи. Строилось на глазок. Но глаз у первого мастера был безукоризненно точным. Знатоков дела Преображенская церковь и теперь поражает совершенством формы, нарядностью, величественной красотой, пропорциональностью всех деталей. Слишком дорогое по тем временам железо в дело не шло. Только дерево! Только топором работали мастера. «Двадцать два купола разных размеров бегут наверх ступенчатой пирамиды. Каждый купол стоит на «бочке», напоминающей стрельчатую подкову. Каждый купол и каждая «бочка» покрыты резной осиновой «черепицей», которая истари называется лемехом. Она-то и придает всей постройке особую сказочную нарядность, особую легкость.

Специалист, приглядевшись к хитрым сплетениям кровли карнизов и переходов, заметит в них тщательно продуманный водосток. Вода не проникала в тело постройки, если шел прямой дождь и если шел косой дождь. Множество граней, углов, уступов и поворотов

Закат в Кижях
Фото В. Пескова

постройки, и всюду бревна подогнаны ладно и плотно друг к другу, так плотно, что лезвия бритвы и теперь не удалось бы сунуть между бревнами. Оттого и стоит постройка счастливо долго. И красотой не убавилась, хотя и видела несчетно дождей, много снега оседало на куполах, знала много ветров и солнца постройка, а стоит, как невеста.

Рядом с нею еще одна церковь — Покровская. Это родная сестра первой, появилась на острове полустолетием позже. К этому времени мастера, спевшие первую песню, поумирали. Но умение искусно обращаться с деревом жило в Заонежье в каждом селении, в каждом доме. А среди большого числа мастеров всегда вырастает большой художник, которому по плечу работа, способная пережить человека. Покровскую церковь строил большой художник. Он взял все доброе и нужное от отцов, но спел свою неповторимую песню. Девять чешуйчатых куполов венчают граненый бревенчатый сруб с пристройкой и нарядным высоким крыльцом. Четкие, строгие линии, легкость и благородство рисунка. Все вместе: две церкви, колокольня более поздней постройки, ограда и полоска суровой каменистой земли — делают неповторимо прекрасным и притягательным для людей этот пустынный остров.

Дома на островах гораздо моложе церквей, но всюду увидишь: топор держал истинный мастер — резные балконы во всю ширину лицевой стенки, резные наличники, крыльцо с широкой лестницей, резными столбами и кружевным «полотенцем» под кромкой крыши.

Один из домов, огромный и красоты необычной, мудрые люди перевезли недавно на Кижский остров по бревнышку и так сумели собрать, будто весь век стоял он на острове. Заходишь. Хозяев нет. Как буд-

то только-только все, до малых детей, вышли из дому. Утварь на месте. Все из дерева. Бревенчатые стены. Скамейки вдоль стен. Кадки. Лохань. Ковшики маленькие и огромный, с ведро. Само ведро тоже из дерева. Стол. Обувка — калоши и сапожки из бересты. Мешок берестяной. Туеса. Прялка. Ткацкий станок. Посуда. Ложки. Огромный черпак для скотины. Бидон для молока и отдельно для творога из бересты. Солонка. Кровать. Сундук. Дудочка на окне. Корыто... Два шага в сени — ларь для зерна. Сани. Мялка для льна. Вилы. Грабли. Соха. Борона и так далее. И все только из дерева, без единого гвоздика. Все практично и необычайно красиво. Все служило века и теперь быстро и невозвратно уходит.

И если не собрать остатки сейчас, не сохранить на память хоть бы в музеях, то уже дети наши будут думать, что всю жизнь мы ели из пластмассовых чашек металлической ложкой.

Надо беречь старину, потому что есть незримые нити между величавой постройкой древнего плотника и благородными контурами белой «ракеты». И слава богу, люди это, кажется, понимают.

Едут, едут. Архитекторы едут, плотники едут, художники, разные другие граждане едут. Тыщ сорок за лето...

Мы сидим с плотником Кузьмичом на меже у края поспевшей ржи. Чуть шевельнешься — за ворот падают теплые зерна. За островом полыхает закат. Темные, как будто тушью по зареву писанные, стоят две церкви и колокольня. Как будто уцелели в прекрасном пожаре и только обуглились.

— Восьмой десяток живу. Не нагладелся. Будто вчера было: стоял молодым на этом вот месте. Таким же был и закат.

Михаил Кузьмич — сам редкого мастерства плотник. На соседнем острове он родился, с другого острова жену на лодке привез. Отец тоже плотник. И дед его плотником был. И может быть, именно его предок звенел топором, когда валили тут бревна и ставили первую церковь. Такого мастера, как Кузьмич, не только на Онеге, не только в Карелии, но, может, сейчас и на всей земле такого плотника нету. Это и сами архитекторы говорят. Когда ученые люди хотят определить, сколько лет деревянной постройке, без Кузьмича не обходятся.

Немало исходил Кузьмич по земле с топором. Был на работах в Финляндии, был в Новгороде, в Ярославле, строил дома пограничникам, звали его чинить постройку в кремле Ростова-Ярославского, много ездил по островам Онежского озера, но всегда возвращался сюда, в Кижи. Хозяйским глазом присматривал, не повело ли куда старое дерево, подправлял, клал новый осиновый лемех на купола.

Артель плотников под руководством ученых и Кузьмича по бревнышку собирает привезенные с островов курную избу, водяную и ветряные мельницы с потертыми жерновами и огромными деревянными шестеренками. За такой работой нужен глаз да глаз.

Живет плотник на острове в большом доме возле церковной ограды. Летом в доме не протиснуться от приезжих. Летом к острову плывут белые пароходы, плоты, катера, приходит «Ракета». Но замерзает озеро и остров с церквями, старым домом и мельницами погружается в сон. Бывают дни — ни звука. Даже старые бревна давно уже не трещат от мороза. Только самолетом можно добраться зимой на остров. Уедет молодой архитектор Костя. Уедут экскурсоводы. Два человека останутся. Михаил Кузьмич и ста-

руха его Марья Васильевна. Как всегда, старуха ворчать будет: «Какая жизнь, пора бросать, к сыновьям бы...»

У стариков есть где жить в городе. И пенсия Кузьмичу, если бросил бы остров, выходила бы такая же, как и зарплата. Не бросает. Мария Васильевна долго и не ворчит, знает нрав старика. Зимуют вдвоем. Остаются на острове еще лошадь Мушка, коза Машка и кошка того же имени. В морозные дни на остров будут приходить плотники из островных деревень. Будут работать. А в метельные дни, когда ветер гудит в дырявой трубе и замерзшие галки с криком носятся над крестами, старики будут думать о лете. И лето приходит. Опять идут пароходы, плоты и лодки. Едут и едут люди. Едут люди за радостью и красотой.

...Тихо. Закат из красного стал лимонным. Остывшие сухие зерна ржи, чуть шевельнешься, падают за воротник. Упала звезда в темные деревья соседнего острова. Тихо шевеля воду винтами, подошел к берегу трехпалубный белый «Чайковский».

— Кузьмич, а хорошо видеть, как люди радуются?

— Семьдесят годов, а будто один день пролетели,— думает о своем старый плотник...

* * *

Авторы будут рады, если сумели пробудить своими рассказами аппетит к путешествиям. Для того же, чтобы читатель мог утолить его, мы сопровождаем наши описания краткими справками о маршрутах и основной литературе по этим местам. Принятые сокращения: «авт.» — автомобилем, «ж. д.» — железная дорога, «д.» — дней, «руб.» — рублей, «р.» — река. Все справочные материалы по маршрутам составлены О. А. Архангельской, рекомендуемая литература — Р. И. Стомахиной.

КИЖИ

Центральный совет по туризму ВЦСПС организует путешествие, во время которого туристы могут познакомиться с этим замечательным памятником архитектуры.

Маршрут № 12 «Ленинград — Онежское озеро». Осмотрев за 6 дней Ленинград, вы уезжаете на комфортабельном теплоходе по р. Неве, Ладожскому озеру, р. Свири и Онежскому озеру в Кижы и возвращаетесь в Ленинград. Поездка на теплоходе длится 6 дней. Продолжительность всего путешествия — 12 дней. Стоимость путевки (с питанием и обслуживанием): каюта «люкс» — 90 руб.; I категории — 84 руб.; II категории — 71 руб.; III категории — 61 руб.

Маршрут действует с мая по сентябрь.

Путешествия по Волго-Балтийскому каналу на теплоходах, организуемые Московским и Ленинградским советами по туризму, а также путешествия по Волге и Волгобалту, организуемые Ростовским, Азербайджанским и другими советами, также включают в маршрут посещение Кижей.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Карелия. Альбом фотографий. Петрозаводск, Карельское кн. изд-во, 1964. 110 стр. с илл.

Текст параллельно на русском и финском языках.

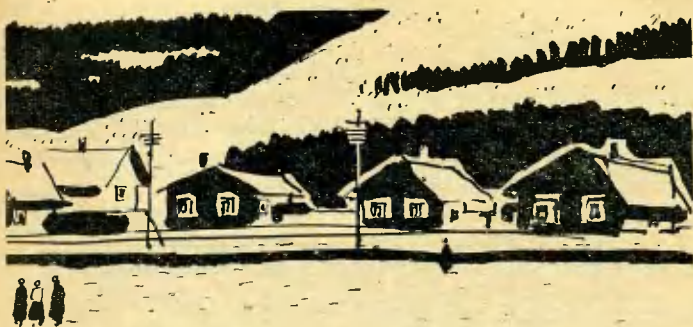
Кижы — архитектурно-бытовой музей-заповедник (Карельская АССР). Путеводитель. Петрозаводск, Карельское кн. изд-во, 1963. 15 стр. с илл. (Музей-заповедник под открытым небом). Составитель Воробьев Н. В.

Мулла И. М. Памятники и памятные места Карелии. Петрозаводск, Карельское кн. изд-во, 1963. 147 стр. с илл.

Оринский В. П. и Тарлер Л. Ю. Кижский погост. Путеводитель. Петрозаводск, Госиздат Карельской АССР, 1957. 49 стр. с илл.

Предубайло А. Т. Край озер, лесов и рек. М., «Физкультура и спорт», 1960, 56 стр. с илл. (По родным просторам).

Описание туристских маршрутов по Карельской АССР и Мурманской области.

Б. БАЗУНОВ

Гуцульский орнамент

Заднеэстровские Альпы

Я не успел смыть с лица дорожную пыль и мой дружище рюкзак еще лежал у порога, когда в дверь постучался сосед.

— Ну как?..

Бедняга, он ждал целый месяц, чтобы задать этот вопрос. С прошлого года он терзался мыслью об отпуске. Впрочем, понять его не так-то сложно: свой отпуск этот рабочий парень хотел отпраздновать путешествием в какой-нибудь чудесный край. И вот теперь, когда он дождался моего возвращения из Закарпатя, ему не терпелось узнать, каково там, на западном краю страны, что лежит за Днестром.

— Ну как?..— повторил он.— Не жалеешь?

— Жалею,— сознался я.

— Я же говорил!.. И Закарпатье, и Крым, и Кавказ — все исхожено вдоль да поперек. Куда же податься, чтобы не жалеть потом?

— В Закарпатье,— посоветовал я соседу, доставая из рюкзака походные сувениры: срез букового деревца, деревянного орленка — подарок резьбара-гуцула, кусочек черного мрамора, белоснежный кристалл соли и что-то еще.

— Но я ведь серьезно...— взмолился парень.— У меня уж заявление об отпуске написано.

— Поезжай в Закарпатье, и ты тоже пожалеешь, что у тебя всего месяц отпуска.

Через несколько дней я провожал соседа на вокзал. В кармане у него лежал билет до туристской столицы Закарпатья — поселка Ясиня.

Как же завидовал я ему! Он скоро увидит сразу две Тисы — Черную и Белую. С вершины Говерлы предстанут перед ним гуцульские Альпы. Наверняка он найдет водопад Шипот. На альпийских лугах ему удастся посидеть у пастушьего костра. А потом его ждет свидание с красавицей Тисой, что течет среди золотистых садов и полей, мимо древних замков и тихих городков, течет вдоль границы... И я снова был там, в солнечном краю, навек согревшем сердце северянина.

Воспоминания — это бесценное сокровище, приобретенное человеком в путешествии,— привели меня снова на Верховину. Горная страна на севере области открыла мне угрюмую тишь каменистых лабиринтов, крутое кипение речных потоков, небесную чистоту горных озер, словно сошедших с холста искусного живописца, девственные чащи букового сплошняка, пастушеские зори, непрямые тропы альпийских лугов.

Нет, я не стал бы сравнивать Верховину с суровым Тянь-Шанем или роскошным Кавказом. В Карпатах нет островерхих вершин, непроходимых ущелий, могучих хребтов. Все черты верховинского пейзажа мягче, спокойнее, плавнее, будто сглажены умелым скульптором-великаном. Зато и смена гор тут чаще. Чередование их разнообразнее и приятнее. А вершин так много на пути, что, кажется, не хватит у человека фантазии дать им всем имена. И верно: не каждый верховинец упомянет горы, среди которых прожил. Спросите старика гуцула, что это за вершина в стороне. «Это про какую?» — лукаво ответит он вопросом на вопрос. «Да вот та, что правее от перевала». — «Ах про ту...» Старик усердно почешет затылок: международный жест озадаченного человека. Потом небрежно произнесет: «Гора-Попадья то будет». «Разве так? — усомнишься ты. — Попадья же слева — самая высокая». «Та бис ее знает, как величают, — сознается наконец дед. — Гор у нас богато. Все и не упомянешь».

Ни с чем не сравнимы и верховинские леса. Кажется, поставлен тут зеленый кордон, чтобы озадачить ученых. Пихтовое дерево растет у подножия гор. Выше рассажены дубравы. А у самых вершин снова отведено место ели, сосне да пихте. Диковинное расселение, не правда ли? А дело в том, что природа осталась верной себе и тут. Да вмешался человек: вырубил снизу дубовые колоннады, яворовые рощи и посадил леса, что быстрее растут.

Спросите верховинца: велик ли лес в его стране? И услышите в ответ: мало кто прошел его от Черной Тисы до Верецкого перевала. В самом деле: стоит он, непроходимый и безграничный, с оврагами, лощинами, скалами и ущельями. Углубишься в чащу, и ка-

жется погружаешься в извечную глубину веков, которая сохранилась тут в таинственной красоте своей. И в этом зеленом царстве берет верховинец дивное богатство — великолепное дерево, из которого мастерит игрушки и мебель, дома и мосты. Потому и прославлено дерево в названиях закарпатских поселений: Ясиня, Дубовое, Березово, Зеленая, Буковинка, Яблоница.

Красивы горы, подпирающие само небо, и леса, что стоят, подернутые трепетной дымкой на рассвете. Сколько ни гляди — глаз не отвести. И довершают этот неброский ласковый наряд реки и речки, ручьи и родники, озера и источники. Подобно звонкому хрустальному ожерелью брошены они на грудь Верховины. Нет числа потокам, рожденным у облаков. Поят они пастухов и лесорубов. Движут турбины электростанций. Несут на себе плоты. И у всех рек, бурных да порожистых, одна мать — Тиса, которая отдает извечную дань брату своему — Дунаю.

Впрочем, Тиса тоже родом с Гуцульщины. Дают ей жизнь два потока — светлый и темный. Они так и названы: Белая Тиса и Черная. В горной теснине сливают они свои воды и летят через пороги, галечные отмели в одном русле. И если пойти следом за водой, то приведет она в долину, полную до краев солнцем.

Как не похожа Притиснянская низменность на Верховину! Звонкая, полная света долина ведет на запад. Кулисы гор отодвинулись от реки. А Тиса течет здесь покойно и вольно, украшенная серебристыми всплесками. И тянет река за собой пестрядь виноградников, кукурузных полей и садов. Рядом с нею многолюдное шоссе в коридоре деревьев. После лесистых Карпат, где теснятся шапки гор и небо ка-

жется совсем близким, поражает раздолье широких полей.

Восточный край Притиснянского «стола» украсила природа своим чудесным творением — закарпатской солонкой. Из копален достают шахтеры белоснежные соляные кристаллы. И в центре крупнейшего в Европе месторождения — город Солотвино.

А потом Тиса течет среди тячевских яблоневых садов. И самый малый хлопец в Закарпатье знает: нет лучше яблока тячевского!

У подножия одинокой сопки, увенчанной развалинами замка, принимает Тиса воды Рики. Они омывают город Хуст, над которым витают легенды. Одна из них рассказывает о Червоной скале. На скале той воевода Хуст, основавший, по преданию, город, убил своего сына, которого принял за врага, после чего сам покончил с собой. Кровь их обагрила скалу. И с тех пор она окрашивается в алый цвет при закатном солнце.

Прощается Тиса с советским Закарпатьем у стен Виноградова — города виноградной лозы. А спутница ее, прекрасная автомагистраль, продолжает путь до столицы края — Ужгорода.

Прекрасны закарпатские тропы — и те, что лежат на Верховине, и те, что протянулись вдоль Тисы. А населяют этот край люди щедрого сердца и безмерного таланта. Это они — резчики по дереву и плотогонь, лесорубы и мебельщики, добытчики мрамора и пограничники, виноделы и солекопы — открыли мне чудесную страну за гуцульскими Альпами.

Резьбарь

Верховино, світку ти наш,
Гей, як у тебе тут мило!

Народная песня

Утро в горах... Сколько раз встречал я его на Верховине! И будто всегда знакомился с ним заново.

Первые радужные вспышки света высекает солнце из вершин. Откуда-то с края земного бьет оно в глаза слепящим снопом лучей. Светятся горы. Сияние разливается по долине. Просыпается лес. Спадает тяжелая дрема с ручьев. Рождаются тени нового дня.

Таким утром шел я из Ясиня с рюкзаком за плечами искать человека, о котором слышал во Львове да и в Киеве: «Михайло Илькович Тулайдан — резчик первой руки. Один такой, пожалуй, на всей Верховине».

Иду навстречу водам серебрянотруйной Стебны. Несет речка их по каменистому ложу с поднебесья. Оттого и свежа, как утренник.

В непрестанном труде живет поток: точит подводный камень, кладет на него узоры, открывает новые грани на мокрых боках россыпи разнокаменья. И на работу, что творит быстрина речная, в век не налюбоваться.

Вторя потоку, капризно ведет в горы дорога, поделившая надвое гуцульское село. Дома его раскиданы по горным склонам. Крайний дом нумерован трехзначной цифрой, а тот, с которого счет положено вести, стоит где-то посередине села. Осталась, оказывается, в старых гуцульских селах своя, утвержденная традицией планировка: приглянулся, скажем, хозяину участок за околицей — ставит дом на доброе житье.

И получает дом-новичок порядковый номер. Впрочем, никто в селе не испытывает от этого затруднений. Каждый знает, где живут старики, а где построились молодые. В диковинку шестикилометровая улица только гостю.

Хитроумная планировка заставляла меня поминутно останавливать прохожих. Навстречу девочка с кринкой.

— День добрый! — певуче произносит она, опережая мой вопрос. — Михайло Ильковича ищете? Его дом пятьсот сорок девять.

Этот «день добрый» слышишь от каждого встречного. Добрый обычай!

— За гатью, по правую руку на пригорке, дом новый — то его дом, — ответила русая гуцулка в яркой вышиванке¹.

— Видишь, человеке, идут над Стебной новые столбы, — вступил в беседу гуцул, приподняв свою древнюю шляпу. И верно: оседлав свежие с золотистым отливом столбы, монтеры тянули провода, которые уже обживают птицы. — Возле его хаты и кончают линию монтеры.

Ориентир оказался самым верным. И скоро я знакомился с высоким человеком в латаной гимнастерке. Едва пожал его сухую ладонь, как вдали грянул гром, будто дуб дуплистый надломился, и на землю пали тяжелые капли дождя.

— Подождите... сено... — извинился хозяин и побежал на примыкавшую к дому луговину.

Оставив на пороге рюкзак, я двинулся вслед: сено ж мокнет.

¹ Верхняя женская рубашка гуцулок, национальный костюм.

Мы сидим под навесом, отжимаем потяжелевшие от дождя рубахи. На лице хозяина смущение, словно он виноват в том, что у гостя предательски полиняла майка, а на руках вспухли мозоли.

И дождь, и свидетельства моих поползновений заняться сельским хозяйством скоро были забыты: разговор пошел о резьбе. Под шум дождевой капли и дальних громовых раскатов слушал рассказ о трудной, но сладкой любви человека к дереву. Говорил Михайло Илькович неторопливо, красивых слов не искал. Гуцулы немногословны: нельзя же слово ронять как попало.

— Гей-гей, нелегка жизнь была у гуцула. Как дорога горная: то вверх петляла, то вниз опрокидывала. Когда подрос, школы не было рядом. До ближней ходить — с утра и до обеда. Да и какая там школа! Батько среди бедняков — последний бедняк. Недоученный я остался. Пришла пора — ушел на заработки.

Много на Верховине полонин¹. Верно, все притоптал. Ходил за чужими стадами. Богаты в Карпатах леса. Стал он мне вторым домом: ночевал под его крышей, грелся у костров с лесорубами. И был топор товарищем неразлучным. Валил лес в буковом краю, на Буковине. Брал дерево у самой Говерлы². Потом уж сил набрался — на плот стал. С лесом по Черной Тисе ходил.

Вся жизнь в лесу. И в зной, и в стужу. Полюбил его: и ель хмурую, и ясень-красавец, и явор-тонколист. Любо смотреть, как молодеет дерево по весне, как одевается в новые наряды и осенью, и на зиму.

Впервой резать стал еще в пастухах. У бога-то дней много, у пастуха тоже. Идешь, бывало, за ста-

¹ Полонины — закарпатские горные луга.

² Говерла — главная вершина Закарпатья.

Оживает кусок дерева в руках резчика-гуцула
Фото автора

дом. В руках нож да палка. Мастерил как умеешь, узор насекаешь: то прямые, то косые иль поперечные линии, а там накрест их сведешь либо ленточкой пустишь.

Дед — старший он над пастухами был — увидит рукоделие мое, скажет:

— Узор кладешь мелкий да аккуратный.

Иногда и больше похвалит:

— Молодец, Михалко, схватываешь резьбарство, как огонь сухую ветку.

Сколько ни ходил по чужбине, а вернулся с пустой тайстрой¹.

Дома новость услышал: в Ясинях курсы прикладного искусства открыты. Хоть возрастом немал был, но учения душа просила. Пересилил стыд, пошел на курсы.

Побыл там зиму. Толковали правильно о нашем орнаменте: сложен, мол, и красив. Да вот чем хорош, не разумели. А у нас каждый хлопец от деда слышал: режешь кружок с лучиками — солнце — это на счастье; линию волнистую ведешь — гадючку — обережение дома от бед. Цвет — трилистник, пряник, колосок, заборчик, крючки, завитки, всего и не перечтешь, что в орнамент гуцульский ложится. Одно спасибо курсам — рисовать там выучился.

Позвал как-то к себе директор.

— Нечего тебе, Тулайдан, делать у нас. Видно, другие у тебя учителя были. А переучиваться не советую.

Хороший человек криво не скажет. Будто знал он, что у нас целая династия резьбарей от прадеда идет. Батько — резьбарь, его батько — тоже. Ну и мне до-

¹ Тайстра — заплечная гуцульская сума.

сталось дедово дело: только камень без корня растет. Но особо искусным был брат Иван. И все потому, что рисунком владел. Отец, правду сказать, без рисунка управлялся. У него своя хватка была: с полгода мудрит над уголком или завитушкой, но таких ему несколько требуется, вырежет и укладывает на отструганную доску. И на солнцепек. Через недельку вся доска побуреет, а на месте заготовки след свежий. Тогда и брался за нож.

У брата ловчее выходило. Безделушек не резал. Только за большую работу брался. Зато какие чудеса ножом творил! Помню один барельеф. Картина... Охотник-медвежатник с добычей. Взял барельеф староста за долги. Сторговали у него ту вещь господа и преподнесли раховскому фабриканту. А он разорился да и продал ее в Пражский музей. Теперь, как писали газеты, барельеф тот в Швейцарском музее.

Отменно резал Иван. А хотелось ему сделать украшение особенное, какого не видели на Верховине. Да взяла его война в четырнадцатом году. Осталась память об Ивановом резьбарстве — икона. Тонкая работа. Полста лет живет. Не старится. Будто вчера кончили ее: краски, инкрустация, резьба — загляденье.

Сам я раньше много не резал. Налогами ведь могли заморить. Потом годы голодные пришли. За ними война нагрянула. Когда вступила на Верховину армия братьев наших, спустился и я с гор, ушел за хлопцами со звездами на пилотках.

И кровь, и любовь — всего повидал на войне, хоть к концу она шла. Мало отдыха в ту пору было. А выдаться день без грома да огня, достанешь нож из вещмешка, направишь как надо, и... Когда удавалось ложку вырезать, когда папиросницу, а то и шкатулку попроще. Ничего, правда, себе не оставлял: или пова-

ру за борщи подаришь, или командиру в день рождения солдаты преподнесут. Случалось, ни щепки, ни полена кругом не сыскать. Клал тогда орнамент на ложе своего автомата.

Был тот автомат, как прежде топор, другом надежным. Прошел я с ним по Венгрии, Румынии, Чехословакии. И в столичных, и в иных городах любил после боев в музеи ходить. Скажу так: у каждого, видно, своя хата — своя правда, своя застреха — своя утеха. Работа резьбарская или стеклодувная, фарфориста или златокузнеца во многих местах хороша. Увижу ее, на Верховину душа просится, к лесу, к горам быстрее бы.

Пришло время, и вернулся до дому. В колхозе руки приложил, отстроился. Женился. Зажили в достатке. И снова за резьбарство принялся. Прознали о том в столице Киеве. Как сработает вещь, шлешь шкатулку или тарелку на выставку. Что ж, думаю, пусть люди посмотрят. Может, и мое клеймо приметят.

Дождь давно отшумел. Траву, прибитую грозовым вихрем, подымал от земли солнечный припек.

— Да что старое поминать!.. Старое, как дорога пройденная: оглядываться будешь, не разглядишь, что впереди, — раздумчиво произнес резьбарь. — Пойдемте в хату. С утра домовничаю один. Василина, жена, на ферме, дети — на речке.

Неприметный снаружи дом чем-то напоминал внутри уголок краеведческого музея. Правда, я не увидел вывешенных или выставленных напоказ украшений. Но на всей домашней утвари — на вешалке в прихожей, оконном карнизе, шкафу, сундуке, буфете, подзеркальнике, деревянных кроватях, стульях — нанесен искусной рукой неповторяющийся рисунок.

— Мне и показать-то вам нечего, — извинился хозяин. — Приехали бы зимой, увидели бы винный бочок резной. Да в Ужгороде он. А лучше бы вам весной приехать. Кончил я тогда шкатулку инкрустированную. Да и она на выставке.

Позже, в Ужгороде, я видел шкатулку, о которой обмолвился Михайло Илькович. Пожалуй, невозможно сделать вторую, подобную. Кажется, что из грубого дерева создано невозможное: изящество в сочетании с геометрической правильностью линий. Шкатулка довольно большая, однако не громоздкая. Не раскрашена. Цвета свежерубленого бука. На этом естественном фоне строго высеяна черная с серебристым кантом инкрустация. Художники и специалисты насчитали триста бисеринок-инкрустаций. Самое привлекательное в шкатулке — поэтическая простота гуцульского орнамента. В нем нельзя не увидеть то веточку ели, то соляные кристаллы, то снежинки, то соцветия шестилепесткового эдельвейса. Но была ли это копия того, чем так богата закарпатская земля? Нет! Иначе все было бы очень близко к ремеслу. То, что уместилось на букowych дощечках, освещено самой поэзией.

Ничего не тая, говорил Михайло Илькович о технологии резьбарства: для простой поделки берет в лесу липу или тополь, для инкрустаций идет яблоня или груша. Показал он и мастерскую, уместившуюся в стареньком ящике. Это почти сотня ножей и ножичков, разнокалиберных стамесок, замысловатых пилкок.

Но самое заветное для него — обыкновенные с виду бревнышки. Эти грушевые срубы запас еще дед. Хотел создать из лесного дерева самое радостное творение рук своих. Счастье обошло гуцула. Не улыбнулось оно и сыну. Досталось младшему Тулайдану.

Сколько ночей отняло у резбяря дедово «наследство»! Сколько раз наяву сны проверял, откладывал работу, жил надеждой и снова откладывал.

— Думал, иссушит дума голову. Но помнил наказ деда: «Не торопись. Дерево не любит торопливых рук. Такая работа не богатит, а горбатит».

Закончил резбярь рассказ о грушевых бревнышках, но о задуманном — ни слова. И я не спрашивал. Знал: не ответит, не скажет, пока не решит, что будет «это», завещанное дедом.

Скоро мы расстались. Той же дорогой держал я обратный путь. Солнце ушло за дальние вершины. С лугов возвращался скот, а там, на полонинах, уже паслись низкие туманы. С темного края небосвода спускалась на землю тишина.

Шумела только речка. Теперь я был ее попутчиком. И хотя долго шагал рядом, не мог разобрать, о чем говорила она... Жаловалась ли на кого? Торопилась поведать о своих суетных делах?.. А мне чудилось: досказывает поток что-то про художника с Верховины, про будущее его творение, которое украсит невиданный гуцульский орнамент.

Леса поют

Гигантская лесная просека, словно по ступеням, взбиралась в горы и, казалось, упиралась прямо в небо. В полуденный час мы поднимались по ней к лесорубам. Впереди легко ступал немолодой уже мастер лесоучастка Иван Иванович Косюк. По всему видно: привык мерить склоны.

Шли долго. Но лес не отставал. Колоннады вековых буков, ели-великанши тяжело карабкались ввысь. Справа и слева лес, лес и снова лес... Стоит взять

немного в сторону с просеки — и удивит он, непроходимый и бесконечный, пещерами и ущельями, где, наконец, в сумраке хоронится само время.

Далеко внизу, откуда идем, голубая ленточка реки Брустурянки, серебристые нити одноколейки, разбросанные невпопад у лесного склада домики, горки бревен и люди. А над головой ветер играет песню в проводах подвесной дороги, которая мчит сверху охапки древесных стволов.

Горные километры без пота не пройдешь. И мы присаживаемся отдохнуть на старом пне.

— Нравится? — коротко спрашивает Иван Иванович.

И я понимаю: не ради того, чтобы услышать восторженное «ах», задан вопрос. Видно, в душе старого лесоруба не умещается щедрая любовь к лесу, и не поделиться ею он просто не может.

— Хоровое пение любите?

Вопрос так внезапен, что не сразу свяжешь его с прежним. А спутник, помолчав немного, заговорил:

— Леса наши добре поют. На все голоса. В пред рассвете, в тумане еще, утренний ветерок тон задает. Потом птицы подхватывают да ручьи... Э-х! Как работается под эту песню! И в хоре общем человек голос подает.

Придет в чащу лесоруб и выстукивает по дереву топором, что дятел. Это уж деды обычай завели: не ходить в лес без топора. Нужен он верховинцу, чтоб воткнуть в трещину и подняться на камень. С ним по бурелому дорогу найдешь, дров на костер запасешь, склотишь кровлю для ночлега. Топор — и оружие, и кормилец. А в иных местах лесорубы и ныне носят хоронить товарища на топорах с длинными топориками.

Правда, теперь уж хозяйка в лесу — пила. Как муравьи на соломинку, сходятся лесные работники к поваленному дереву: чистят ствол от сучьев и коры, готовят пустить его с горы. Эй-ой! И летит бревно по ризам¹.

Раньше лесоруб бревно свое метил. Придет оно сверху, счетчик зарубку делает на палке. У кого зарубок больше, тот при расчете богаче. Давно уже лесорубы меток не ставят. Работают на лесосеке один за всех, все за одного. И зарубка на всю бригаду одна... Да увидите, какие хлопцы мастера. Только торопиться надо: суббота сегодня, короткий день.

Наконец выбрались на вершину, где обрывался трос воздушного моста. На склоне горы натруженно зазвенела пила, выстреливая сизые облачка отработанного бензина и струйки опилок. Потом стихла. Лесорубы задрали вверх головы. А ель затрепетала от корня до макушки, подскочила на пне и со стоном повалилась, теряя хвою и птичье гнездо.

— Здесь берем дерево,— и мастер широким жестом повел рукой... Вокруг в лиловой дымке тонули очертания еловых массивов.— Лес добрый, спелый.

— И крупный,— заметил я.

— Попадается. Иное на шесть, даже девять кубометров. Из одного хоть хату клади — на венцы, на столбы и на дранку хватит.

Со склона донеслось протяжное «Конча-ай!...».

— Опоздали! Конец работе,— сокрушался Косюк. Лесорубы, увидев мастера, заторопились к нему.

— Вот и бригадир,— сказал Иван Иванович.

— Сойма... Иван,— мягко произносит невысокий русый крепыш, протягивая огромную ладонь.

¹ Ризы — сбитый из бревен гигантский желоб, по которому спускают с гор срубленный лес.

По воздушной дороге уходит последняя подача бревен. Сложил флажки сигнальщик. Собрали тайстры, куртки, инструмент лесорубы.

В долину, к жилью, спускались той же просекой. Шли один за другим: в горах толпой не ходят. Люди пахли ветром — небо и облака их соседи.

Внизу бригада, побритая, умытая, приодевшись, подтянутая, собирается на берегу реки возле Ивана Соймы. Скоро поезд. Заберет добычу лесорубов и тех из них, кто живет вдали от лесосеки. Вот и собрались потолковать бензопильщики, резовщики, грузчики, механики, раскрижовщики.

Достает Иван записную книжку, разграфленную, в цифрах. Ждет бригада, когда он подумает, посчитает и скажет о работе за неделю, о неполадках, о зарботке.

Едва ли года два назад вышел бы общий разговор о кубометрах, спецодежде, литрах бензина, рублях, механизмах... За свой рубль трудился лесоруб в одиночку. А теперь собралась бригада Соймы вместе. «Один за всех, а все за одного», — вспомнил я слова мастера.

...Ночь давно опрокинула над лесами омут звездного неба, когда паровозик дотащил нас до поселка.

Последний плот

В Устьчорне — шумном поселке лесорубов и железнодорожников — от всеведающих туристов услышал: по Теребле плоты пойдут. И на два дня отдался во власть горного бездорожья, чтобы увидеть смелых людей. А в дороге новость выросла до размеров события: плоты будут последними в Закарпатье.

Несчитанные километры того пути вели поначалу по реке Мокрянке, известной многими притоками,

минеральными источниками и дождями, которые оправдывают ее название. Легла потом дорога вдоль Калачавы. За селом по неверной Теребле тянутся непрестанно села, хутора, поселки. А на горизонте облачная стража гор, одетых в леса. Туда уходят туристские тропы, петляет лесовозная дорога, доступная только верховинским шоферам. Один из них и довез меня на Росток, порожистый приток Теребле.

Подъехали к стану плотогонов — бокорашами здесь их называют — затемно. Дом светился одним окном. Значит, кого-то сон не берет. И будто в подтверждение, услышал песню о нелегкой доле гонщика леса.

Увидев на пороге гостей, сплавщики оборвали песню.

— Ночуйте,— пригласили они.— Мы вот вечераем. Завтра с плотами идти.

Сплав — праздник для верховинца. По заведенному обычаю, собираются бокораша вместе перед спуском леса на воду. И звучит песня, теплится разговор, где правды и небывальщины — всего вдоволь.

— Сказывают, сплав-то с разбойника одного пошел. Годов тыщу прошло с того. Поймали власти его и говорят: либо голову клади, либо лес рекой проведи! — то ли в шутку, то ли всерьез произнес приемщик Иван Мокрин и, обернувшись к печи, у которой притулился старый гуцул, сторож, добавил: — Так ли было, дед Андрий?

А тот, будто не слушая молодых, набивал табаком трубку с бронзовой крышицей.

— Сказка для смеха, а правда — утеха, — наконец отозвался старик. Сухое лицо его оживилось. — Годы мои немолодые, десятков столько, что плечам тяжело, а вот дед мой от своего деда слышал иное... Шел однажды горами лесоруб. Топор на одном плече, кеп-

тарик¹ на другом. Песню пел, солнцу радовался. Захотелось воды испить. Приметил родничок. Да придавлен родничок камнем. Отвалил его, расчистил землю, поклонился воде — напился. И шуткой молвил:

— Пойдем, водица, со мной!..

— Куда?

— Вниз, к Тисе.

— С радостью бы, да не пробиться одной: камни, горы.

— А ты подружек покличь.

Сказал лесоруб и пошел. Вода же ниткой серебряной следом, соседние родники и протоки собирает.

Долго шел лесоруб. Все три деда — Вечерник, Полуночник и Звездник — отгуляли на небе, когда он к Тисе вышел. Оглянулся — за ним настоящая река пришла: шумит, сердится, никак берегов не найдет.

Поднялся лесоруб снова в горы. Сладил плот, в реку столкнул его и к Тисе приплыл. «Спасибо, говорит, тебе, вода, что в работе помогла».

С той поры и ходят люди плотами к Тисе. А то и до Дуная.

Дед Андрий замолк, посасывая трубку. Задумчивы стали грубоватые, обветренные лица бокорашей. Видно, коснулась легенда их сердец доброй песней.

Докурил старый гуцул трубку — верный признак того, что отдыхать пора.

* * *

В тот час, когда солнце затевает зоревую игру с теньями, когда ночной холодок тает у берега и утренняя теплынь не испила еще росы, над рекой раздался перестук топоров. Побритые, в белых рубахах встретили день бокораши.

¹ Овчинная расшитая безрукавка.

Андрей Степанович Ковач, Степан Михайлович Поликанин и Иван Нирода раньше всех пришли на свой плот. Позади на добрых полкилометра легли связки леса по дну каменистой Ростоки, которая смогла затопить их всего на полбревна. Этим троим плыть во главе каравана. Разведчиками пойдут, первыми пробуя воды, обходя остроскальные берега и незримые мели. Твердая рука, глазомер, выдержка нужны ежесекундно плотогону в многочасовом плавании.

Они вытесали себе по рулю, вместе закрепили сто-як, проверили связки плотов. Все трое красивы в работе: спокойный, с умным взглядом Ковач, ладно скроенный Поликанин и во всем любящий размах Иван — младший на плоту. Потом закурили, прислушиваясь к шуму реки.

— Пошла... Пошла! — воскликнул вдруг Иван, уловив новые звуки, рожденные водой.

И верно: ставник открыл на плотине шлюзы, державшие до определенного часа уровень озера. Косматый водопад медленно поднимал реку, и она ярым валом накрывала донные камни, раскачивала плоты. Теперь озеро, Ростока и Теребля были тремя водяными ступенями: вверху — неистощенное водохранилище, ниже — смешавшиеся стоячие и проточные воды притока, совсем внизу — не обводненный еще главный сплавной путь. В это же время на двух других притоках Теребли тоже открылись створы плотин. И там упругая волна гнала перед собой щепу, прошлогоднюю листву.

Два часа полнили горные озера реку. Для плотов нужно много воды.

Передний плот вытянулся, словно разминая упругое тело. Дед Андрий рубил уже топором чалки —

стальной трос, крепящий плот к береговой ели. Сплавщики сжимали в руках рули. Наконец плот рванулся за водой. Река подхватила и понесла его. Отодвинулась в сторону фигура деда Андрия, скинувшего шляпу.

Горная речка... Нет ничего коварнее ее. То мягко стелется у галечного берега, то вскипает, шипит, пенится, пузырится, бурлит, клокочет, мечется, ревет у неожиданных поворотов или порожиистой гряды камней.

Плотогоны срослись с рулями. В едином напряженном ритме выгребают на середину стремнины, ведя лес то среди извилистых круч, то по широкому мелководью. А вода уже почти вровень с берегами. И от этого, казалось, ближе сошлись они, тесня тело

Трое бокорашей правят плотом по горной кипящей стремнине

плота в клокочущем горле реки. Плот скрежещет, гудит, ходит под ногами, задевая кашицы¹.

На одном из поворотов отрывается бревно. На крутом изломе реки обгоняет плот, упирается одним концом в берег и... встает поперек потока.

В час сплава бревно на реке — гибель. Сколько раз могучий еловый ствол разбивал плоты, а сумасшедший водоворот реки брал людей.

— Топить... — коротко бросает Ковач.

Три тяжелых руля поднимаются над водой, целя в бревно, вставшее поперек реки. Плот несет на него. Пять... четыре... три метра до преграды... Рули разом обрушились на ствол, топят один конец. Бревенчатый настил с людьми, краем скользнув по другому, поднявшемуся концу ели, снова упал на воду.

На левом берегу мелькнула почерневшая крыша одинокой часовенки — память о людях, водивших лес по Теремле. Ковач и Поликанин, будто невзначай, охлаждая голову встречным ветерком, скинули шляпы.

А впереди новое препятствие.

— Плотина! — воинственно кричит Нирода.

Растут, приближаются очертания разрушенной плотины. Снова замерли в воздухе рули.

Передний конец плота показался из воды. Глухой рокот реки ушел куда-то вниз. Под ногами пропасть. Плот врезается в воду, упругая волна в полроста человека проходит по настилу. Плотогоны тяжело выгребают.

Будто испытал мужество бокорашей после трехметрового сброса у плотины, устремляется в долину река. Шумным хороводом толпятся по обеим сторонам

¹ Кашицы — обложенные бревнами крутые извилины сплавной реки.

села. Машут вслед босоногая детвора, женщины, девушки.

— Как там соседи с Озерянки вышли? — зачерпнув пригоршню воды смочить губы, осведомляется Поликанин.

Товарищи отвечают молчанием. Да и трудно ответить иначе. Ведь тем, кто вышел на плотях с Озерянки, еще труднее... Те начинали путь не с реки, с озера. Когда вода на нем упадет настолько, что почти сровняется с нижней частью шлюзного створа, они должны проскочить в реку. Такое под силу только самым опытными.

Горные дали безмятежно млеют под солнцем. В голубой выси величественно плывут облачные паруса. С ними наперегонки мчался по Теребле наш плот. Когда навстречу приближался мост, деловито подавал голос левый рулевой, Ковач: «У-ва-жа-ай!..» Традиционный клич бокорашей заставлял пригибаться всех, кто находился на бревенчатом настиле плота.

У Калачавы, где Теребля принимает последний крупный приток, мрачно высится над речной далью громада горы Бояринской. Кажется, будто с подозрением глядит на путников речных: куда и зачем торопятся? Но река, широкая и размашистая, легко несет плот, оставляющий за собой серебристые всплески.

Гляжу на ладные фигуры сплавщиков, которые наконец закуривают «Верховину». Проникаешься великим уважением к людям, умеющим ладить плоты и водить многие кубометры леса по быстрым рекам.

Закатное солнце опустило в воду золотые весла. Зябкая тень накрыла пригорки. Усталая река уходила к плотине Теребле-Рикской ГЭС, что бетонной стеной уперлась в склоны ущелья.

Водная дорога привела плот в широкую запань.

Он медленно пристал в гавани сплавного леса. Осмотрев его истерзанные бока, покачав головой, бокораши выбрались на пригорок, откуда далеко просматривается река.

Один за другим приходили плоты. Сплавщики подсаживались к нам обсушиться, закусить тем, что положила в сумку заботливая женская рука. С Иваном Ниродой отправились мы смотреть, как расширенные плоты грузят в вагоны одноколейки.

— Смены за три плот выловят, бревно за бревном всю тысячу кубиков, и... что-то станет с нашим лесом? Что из него сделают люди? Дом? А может, на доски или на мебель пойдет? — задумчиво говорит парень.

* * *

А на пригорке между бокораши вовсю гремел спор.

— Быть не может этого. Как же лес вывозить будут? Дороги лесовозные в негодности, а сплаву-то конец? — растеряннo басил кто-то.

— Где не горит, там не дымится, а я вот что сказать хочу, — начал скороговоркой сплавщик, которого все называли Семеном. — Приехал до нас начальник леспромхоза. Мне же враз в Буштин ехать требуется. Вот и прошу: так, мол, и так — довезите. Ну, поехали. Разговор, само собой, в дороге.

— Сколько у тебя детей? — спрашивает.

— Шестеро.

— Ну? — удивился. А чего тут дивного?

— Шестеро, — говорю, — а седьмой в дороге.

— Да ты, Семен, о деле, — перебил рассказчика Поликанин.

— Так я о деле и толкую, — обиделся тот. — Тогда, значит, я ему вопрос: слышно, сплаву шабаш? А?

— Да. В последний раз плоты пойдут.
— Так и сказал: «В последний»? — переспросил кто-то.

— Как тебя слышу, так и его слышал.
— Спросил, почему да как? — обернулся Ковач к Семену.

— Не. Неудобно показалось.
— Эх! Язык на холостом ходу у тебя, — заметил бокораш в солдатской фуражке.
— Рабочие с запани тоже толкуют: конец сплава, — добавил приемщик.

Уже в сумерках машина повезла сплавщиков в горы. Ущелье затянули белесые туманы. Склоны, словно гигантские новогодние ели, светились огоньками селений. Но темень не загасила спора, что теплился и в дороге.

Закарпатская солонка

Отглаженной лентой легло на восток Ужгородское шоссе. Будто река, что притоки принимает, ведет оно за собой проселочные дороги.

Рейсовый автобус катил по шоссе — этому фруктовому коридору вдоль притиснянских полей. Остались позади города подгорья: промышленная столица области — Мукачево, центр закарпатской Шампани — Берегово, оплетенный лозой Виноградов.

Мой сосед, старый дорожный мастер, размышлял вслух о капризных излучинах дороги:

— Работал тут. Тракт вели. Мўка — не работа. Заказчик-то корчмарь. Каждый ловчил тракт мимо своего заведения пустить. Только сейчас путь спрямили.

У курортного города Хуста дорога спадает с перевала, будто струя горного потока, и петляет по зеленоторью. Кручи сошлись, пропустив между горами Тису, железнодорожную колею, автомагистраль. Эти три попутчика и ведут в Хустскую котловину, щедро залитую солнцем. Поля уже сулят урожайную осень.

Богата солнечная долина не только черноземом. В дальнем краю ее спрятан крупнейший в Европе соляной клад. Там два приграничных города, разделенных Тисой, встали друг против друга. На высоком берегу Солотвино, древнее поселение закарпатских соледобытчиков, на другом — Сигет, город румынских тружеников.

Оба поровну делят солнце. Если идет дождь, то накрывает их одна туча. В один час начинают рабочую переключку паровозы, в сумерки смешиваются в водах Тисы огни обоих городов.

* * *

С Романом Юзвой, недавним выпускником горного института и совсем молодым начальником работ, спускаемся на двухсотметровую глубину «закарпатской солонки», как шутливо называют солотвинскую шахту. На дне ее невольно останавливаешься, пораженный радужным сверканием прозрачных кристаллов.

Можно бесконечно долго бродить по «улицам» и «площадям» этого города, вдыхать насыщенный солью воздух, который чище и свежее, чем на морском пляже, слушать тысячеусто повторенное эхо взрывов... Все здесь поражает: и галерея величественных залов, своды которых поддерживают целые соляные горы, и отблески света, что бродят по кристальным гротам, и безукоризненная акустика белоснежных дворцов,

где, думается, и музыка могла бы зазвучать необыкновенно.

Трудно поверить, что все это и есть шахта, откуда соль начинает свое путешествие к нашему столу.

А от стариков солекопов можно узнать и другое. Помнят они, как в начале века в подземелье была построена церковь, точнее сказать, вырублена в белоснежной скале. Рудничный попик спускался в шахту и служил молебны во здравие солекопов. А люди помоложе помнят другое: выступление на соляной эстраде Московского цирка и шахтерской самодеятельности.

Мой спутник терпеливо ждал, пока гость вдоволь налюбуется. Может, и ему вспомнились первые минуты знакомства с шахтой?

— То правда. Кто ни спустится в шахту, долго в себя прийти не может. Есть чему подивиться,— произносит Роман.

Мы все дальше удалялись от ствола. Идти по широкой и светлой галерее легко.

— Все поначалу в диковинку было. Я же рудокопом собирался стать, а пришлось... Прямо в забое и учился. Шахтеры — спасибо им — помогли.

Помолчав, Роман продолжал:

— Научиться ремеслу в наш век недолго. Полюбить свою профессию, полагаю, сложнее. Не знаю, отчего к соляной шахте привязался. Кажется, книга Бела Иллеша виновата. Узнал я, что здешний промысел ведется почти два столетия и традициями революционными шахта издавна славилась. Особенно, помню, сильно о труде солекопов в книге сказано. Работали тогда шахтеры голыми по пояс, ковыряли соль кирками и ломиками. Проработают семнадцать часов да тут же, в забое, и спят, место их на работе занимают

другие... Только из книги и узнаешь, как прежде соль брали. Теперь все иначе.

В том, что все теперь иначе, нетрудно убедиться: гроыхали скреперные лебедки, эхо вторило им под сводами, мчались по узкоколейке электропоезда. В дальнем забое я увидел проходческий комбайн.

«Гордость шахты и мучение наше» — так со вздохом отрекомендовал его мне Роман. Металлическое тело агрегата тяжело лежало на рельсах, упершись передней частью в соляной пласт.

— Опять что-то неладно... — нахмурился Юзва. — Вот ведь! Всем хорош комбайн: на Брюссельской выставке одно из призовых мест занял, по калийным солям идет, как нож по маслу. А наша, каменная, не по зубам ему.

Знакомлюсь с бригадиром проходчиков, стройным черноволосым Степаном Зомбори. Виски и брови припудрены соляной пылью, лицо озабоченно.

— Плохо идет машина, — сдвигает он на затылок каску.

— Но не бросать же комбайн, Зомбори, — возражает Роман. — С машиной пройдешь до пяти метров за смену, с взрывниками — не больше метра.

— Есть, правда, кое-какие мысли, — начал Зомбори.

— Что придумал, бригадир? — подсел к нам плечистый рабочий.

Степан блеснул темными глазами:

— Отец, когда пьян бывал, любил приговаривать: «Я знаю толк в жизни. Без меня король не прожил

Ломка мрамора возле Рахова. Верхолазы обрушивают
каменные глыбы

Фото автора

бы и дня». А тебе, Петро, добавлю: без смекалки нам не прожить и часу.

— Нравится мне Степан,— говорит на обратном пути Юзва.— Самый молодой в бригаде, а шапку снять перед ним никто не стыдится. На шахте вырос.

Роман подумал, добавил:

— Пойдет у него машина! Уверен. Интересно, что же он придумал?

Долго пришлось ждать, когда нас поднимут на землю. Кончилась смена, и вагонетки с солью шли вверх зеленой улицей.

Возле шахтной клетки снова заговорили о механизмах, которые за последние годы пришли под землю, о возрасте Солотвинского месторождения, о завтрашнем дне.

— Сколько соли взял человек у земли — и не считать. Но осталось еще больше. Бурили как-то до отметки тысяча двести пятнадцать метров, а подошвы пласта не достали. Бездонная, выходит, солонка наша. Щепотку только и взяли из нее. Скоро полной пригоршней зачерпнем. На третьем горизонте соль будем брать, не притрагиваясь руками: комбайном да экскаватором. Вот тогда далеко шагнем...

Это уверенное «далеко шагнем» и запомнилось.

* * *

Все эти закарпатские встречи — на Верховине и в долине Тисы — и вспомнились, когда провожал соседа в первое его путешествие.

Дождусь я его возвращения из Закарпатья. Сбросит он у дверей рюкзак, а я спрошу: «Ну как? Жалеешь?» И он, пожалуй, ответит: «Жалею... Жалею, что у нас с тобой всего месяц отпуска».

Один из популярных туристских районов. Летом и зимой, пешком, на лыжах или автомашинах двигаются по Карпатам многие тысячи туристов. На территории Закарпаття 19 туристских баз и приютов в самых живописных местах.

№ 50. Закарпатский (автомобильный): Львов — 3 д. — Ясиня — 3 д. — Рахов — 4 д. — Хуст — 3 д. — Мукачево — 3 д. — Ужгород — 4 д. Всего — 20 д. Май — сентябрь. 65 руб.

№ 50а. Закарпатский (автомобильный): по тем же пунктам в обратном направлении.

№ 171. На Синевирское озеро: Воловец — 2 д., авт. — Межгорье — 4 д. — поход — 3 д. — Синевирское озеро — 2 д. — поход — 1 д. — Межгорье — 2 д., авт. — Мукачево — 2 д., авт. — Ужгород — 4 д. Всего — 20 д. Май — сентябрь. 65 руб.

№ 172. По Закарпатья: Ужгород — 4 д., авт. — Мукачево — 2 д., авт. — Воловец — 1 д., авт. — Межгорье — 3 д. — поход — 1 д. — Синевирское озеро — 2 д. — поход — 3 д. — Межгорье — 3 д. Всего — 20 д. Май — октябрь. 65 руб.

№ 53. По Лесистым Карпатам (пешеходный, I категории сложности): Ясиня — 4 д. — поход — 2 д. — Усть-Черная — 2 д. — поход — 2 д. — Синевирское озеро — 2 д. — поход — 3 д. — Воловец — 1 д., авт. — Мукачево — 4 д. Всего — 20 д. Июнь — сентябрь. 54 руб.

№ 53а. По Лесистым Карпатам (пешеходный, I категории сложности): по тем же пунктам в обратном направлении.

№ 98. По Западным Карпатам (пешеходный, I категории сложности): Львов — 3 д., ж. д. — Волосынка — 1 д. — поход — 3 д. — Жденьево — 1 д. — поход — 2 д. — Лумшоры — 3 д. — поход — 4 д. — Ужгород — 3 д. Всего — 20 д. Июнь — сентябрь. 60 руб.

№ 90. По курортам Закарпаття (пешеходный, I категории сложности): Мукачево — 4 д. — поход — 2 д. — Сияк — 3 д. — поход — 3 д. — Лумшоры — 4 д., авт. — Ужгород — 4 д. Всего — 20 д. Май — сентябрь. 60 руб.

№ 105. Закарпатский (лыжный, I категории сложности): Ясиня — 6 д. — поход на лыжах — 2 д. — Рахов — 2 д., — поход на лыжах — 3 д. — Ясиня — 2 д. Всего — 15 д. Январь — март. 44 руб.

№ 105а. Закарпатский (лыжный, I категории сложности): Рахов — 6 д. — поход на лыжах — 2 д. — Ясиня — 2 д. — поход на лыжах — 3 д. — Рахов — 2 д. Всего 15 д. Январь — март. 44 руб.

№ 96. Лумшоры (радиальный). 20 д. Май — сентябрь. 60 руб.

№ 521. Воловец (лыжный, радиальный). 15 д. Январь — март. 45 руб. По полонинам Закарпаття (пешеходный, I категории сложности): Ужгород — 5 д. авт., Лумшоры — 4 д. — поход — 4 д. — Жденьево — 2 д. — поход — 2 д. — Лумшоры — 3 д. Всего 20 д. Май — сентябрь. 60 руб.

№ 97. По Закарпатья: Рахов — 5 д. авт., — Казымешик, вкл. походы на Кокуль и Петрос — 11 д., — 5 д. — Казымешик — 3 д., авт. — Ясиня — 4 д. Всего — 20 д. Май — сентябрь. 60 руб.

Кроме того, с Закарпатьем можно познакомиться и во время путешествия по Украине на туристских поездах. Они отправляются из городов: Баку (№ 304), Ереван (№ 545), Алма-Ата (№ 3296), Кемерово (№ 404), Ленинград (№ 334), Москва (№ 226), Свердловск (№ 563), Киев (№ 594), Харьков (№ 361). Продолжительность от 8 до 25 дней. Стоимость от 37 до 200 руб.

Путевки на маршруты № 50, 50а, 171, 172, 53, 53а, 96, 98, 90, 105, 105а, 521, 97 продаются в областных (краевых, республиканских) советах по туризму, на туристские поезда — в советах по туризму городов, откуда отправляется поезд.

Закарпатский автобусный: Львов — 3 д., ж. д. — Ясиня и поход на Близицы — 4 д., авт. — Рахов — 4 д., авт. — Хуст — 2 д., авт. Мукачево — 3 д., авт. Ужгород — 4 д. Всего 20 д. Май — июнь.

По Западным Карпатам: Ужгород — 6 д. — поход — 2 д. — Лумшоры — 2 д. — поход 2 д. — Жденево — 2 д. — поход 2 д. — Волосьянка — 1 д., ж. д. — Ужгород — 3 д. Всего 20 д. Июнь — сентябрь.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Г а л я п и н В. Т. и Щ е р б а к о в С. А. Туристы в Карпатах. Путеводитель. Ужгород, Закарпат. обл. кн.-газ. изд-во, 1962. 175 стр. с илл. и карт.

Знакомьтесь: Мукачево, Берегово, Хуст! (Фотоочерки. Фото А. А. Ендрика и др.). Ужгород, «Карпаты», 1964. 111 стр. с илл.

Фотоальбом Закарпатской области.

Львов — Ужгород. Путеводитель. Ужгород, Закарпат. обл. кн.-газ. изд-во, 1961, 23 стр.

С м ы с л о в Д. В. Мы идем по Карпатам. М. «Физкультура и спорт», 1960. 93 стр. с илл. (По родным просторам).

Автор рассказывает об интересном путешествии туристов по лесистым Карпатам и солнечному Закарпатыю, знакомит с богатой и разнообразной природой этого края, с городами и селами и их историческим прошлым.

Советское Закарпатье. Справочник. Ужгород, Закарпат. обл. кн.-газ. изд-во, 1961. 224 стр. с илл.

Щ е р б а к о в С. А. и др. Закарпатские горнолыжные, Изд. 2, доп. Ужгород, «Карпаты», 1965. 72 стр. с илл.

Путеводитель по лыжным туристским маршрутам по Закарпатской области.

Ю. КИРИЛЛОВА

В кольцо дорог

С приближением отпускной поры в каждом пробуждается романтик. Его тянет к озерам, в горы, тайгу, в сторону от привычного уклада жизни, взгляд все чаще останавливается на рюкзаке, слух привлекают, словно намагниченные, слова: «костер», «парус», «хариус».

Если впереди у вас дни отдыха и хочется путешествовать без особых забот, берите азимут на Литву. Здесь нет, правда, непроходимых джунглей и бурных порожистых рек. Это край, исполненный лирики: вереницы тихих зеленоглазых озер, обрамленных мягкой линией берегов, светлые лесные дали — неповторима прелесть здешних пейзажей. Едва ступив на землю Литвы, вы попадаете в сказочно прекрасный мир, поэтичный и радостный. Тому, кто хоть однажды провел здесь отдых в туристском плавании, Литва видится опутанной густой сеткой водных маршрутов и хочется снова и снова прокладывать свой путь в

этом чудесном голубом лабиринте. Представители «колесных» видов туризма непременно возразят: лучше всего путешествовать тут на велосипеде, мотоцикле, автомобиле — великолепнейшие дороги ведут в самые заповедные уголки. Серая лента шоссе опоясывает, кажется, неисчерпаемую коробку сюрпризов: здесь и песчаные дюны, и необозримая ширь лугов, и штормовое море, и идиллия дремлющих озер, по зеркальной глади которых скользят белоснежные лебеди,— настоящее «природное ассорти», полное неожиданностей даже для испытанного поклонника музыки дальних странствий. Поэтому-то и съезжаются сюда сотни тысяч людей отдохнуть, подкрепить здоровье, полечиться у самых замечательных врачей мира — солнца, леса, моря.

Если вы соберетесь в Литву, наш совет: не торопитесь выбирать какой-то один вид путешествия. Конечно, удобно иметь с собой разборную байдарку. Коли нет ее, не огорчайтесь, на турбазах республики всегда можно взять напрокат лодку. Но лучше всего путешествовать здесь налегке, так сказать с «автомобилем в кармане». В Литве вот уже несколько лет действует «Автостоп», наиболее удобный и самый дешевый вид транспортных услуг для туристов. Воспользуйтесь этим походным сервисом, и вам не придется заранее беспокоиться о маршрутах автобуса (кстати, они курсируют здесь по пятистам направлениям), о расписании поездов. В какую сторону бы ни забросила вас походная судьба, достаточно поднять руку с книжкой «Автостопа», и тормозят машины, предлагают занять свободное место в кабине улыбающиеся шоферы. Это действительно так: большинство шоферов участвуют в республиканском конкурсе «На самого вежливого водителя».

Путешествовать по Литве надо «пешком, на автомобиле». Вы свободны в выборе направления и времени, можете в любом месте прервать маршрут, чтобы посмотреть интересный памятник или пересечь на свой «корабль», начать сплав по Неману или реке Нерис. Именно такое комбинированное путешествие позволит познакомиться с литовской землей во всей ее красе и многообразии.

Описываемый ниже маршрут меньше всего следует считать стандартным, раз и навсегда выработанным. Он велик, но тем не менее годится даже для самого короткого отпуска, любая часть его может быть пройдена самостоятельно, вы вольны выбрать любой вариант предлагаемых путей. А главное, они под силу любому. В случае чего можно прекратить поход и отправиться домой.

Начать путешествие можно в любом месте республики (автомобилисты, скажем, попадают сюда с Минского шоссе через Молодечно в Вильнюс, или через Даугавпилс в Зарасай, или из Риги в Шяуляй и Каунас), но, естественно, что прежде всего надо познакомиться с Вильнюсом, ставшим более шестисот лет назад столицей Литвы. Окруженный амфитеатром зеленых лесистых холмов город-музей расположен у слияния рек Нерис и Вильняле. Не жалейте времени на прогулки по главному городу республики, они принесут вам массу впечатлений, особенно если совершите их вы в сопровождении опытного гида (Вильнюское экскурсионное бюро расположено: Укмергес, 1).

В 1895 году здесь побывал В. И. Ленин, в местной гимназии учились Ф. Э. Дзержинский, писатели П. Цвирка, Э. Ожешко, Я. Купала, польский поэт-революционер А. Мицкевич, геолог Черский. Дома и

улицы города хранят память о многих знаменитых людях. Здесь бывали Кутузов, Пушкин, в одной из церквей Петр I крестил Ганнибала.

Если мы обратились к старине, то надо пойти на улицу Тиесос, где сосредоточены замечательные архитектурные памятники, среди них шедевр готики XVI века костел Анны (при его строительстве каменщики использовали кирпичи тридцати трех различных форм). Здесь же в старом городе узенький переулок Пилес (Замковый), где каждый дом — архитектурный памятник XVII—XVIII веков. Древние камни Вильнюса — свидетели революционных событий: на самой старой площади города, Музейной, в здании ратуши Художественный музей, а в 1901—1902 годах проходили рабочие собрания, на улице Гарялиса хранилась в тайном складе ленинская «Искра», в здании государственной филармонии в 1918 году была провозглашена Советская власть.

Ансамблю университета имени Капсукаса без малого четыре сотни лет. Здесь около семи тысяч студентов. Уютные тенистые дворики, арки и галереи соседствуют с главной магистралью города, улицей Горького.

Есть здесь и местные «Черемушки» — район Антакальнис (вам слышится нечто знакомое? Да, да, скульптор Антокольский родом из Вильнюса). Этот светлый и радостный городок-модерн, между рекой Нерис и зелеными холмами, хранит и выдающееся произведение зодчества XIV века — костел Петра и Павла. Более двух тысяч скульптур украшает здание. Если вы захотите познакомиться с нынешними достижениями вильнюсских зодчих, побывайте в гостинице и кафе «Неринга», кафе «Таурас», «Рута» — они умело вписаны в общий рисунок города, придают ему

национальный колорит и своеобразное очарование современности.

На высоком холме над городом реет укрепленный на старинной башне красный флаг. Впрочем, вам знакома эта картина, ставшая эмблемой города. Местный «Кремль» — одна из первых каменных готических построек. Отсюда, с башни Гедиминоса, открывается великолепная панорама.

Литва вошла в семью братских советских республик в 1940 году. Во время Великой Отечественной войны чуть ли не половина Вильнюса была уничтожена гитлеровцами. Сегодня же этот восстановленный город — один из самых красивых в стране. Ему присущи обычные столичные атрибуты: театры, вузы, музеи (художественный, историко-революционный, историко-этнографический, литературный и другие). Но пора перейти в главный «зал» города-музея — промышленный. В Нижнем Панеряе заводы пластмассовых изделий, телевизионных узлов, электросварочного оборудования, «фабрика домов» — завод железобетонных конструкций. Впрочем, путешествуя в зависимости от их профессии может быть интереснее познакомиться со станкостроительным заводом «Жальгирис» или заводом счетных машин. По всей стране знают марку завода «Эльфа», выпускающего магнитофоны.

Завершим экскурсию в лесопарке Вингис, тенистые аллеи которого — излюбленное место тренировок легкоатлетов. В парке вы увидите и оригинальную эстраду, которая в дни республиканского праздника песни собирает несколько десятков тысяч исполнителей.

Стрелка компаса указывает теперь путь в юго-восточную Литву. Природа щедро наделила ее водой

и лесом. Многочисленные озера, речки, прорезающие холмы, поросшие сосняком, извилистые берега, живописные бухты и заливы — недаром Дзукия славится разнообразием и привлекательностью маршрутов. Путь можно выбрать на любой вкус — пешком, на байдарке, катере, лодке, машине, велосипеде.

Несколько километров асфальтированного шоссе отделяют нас от XIV века, излюбленного туристами Тракая, бывшего в XIV столетии столицей Литвы. Окруженный со всех сторон озерами город тянется вдоль узкого длинного полуострова. Самое большое зеркало воды у Гальве — главного среди тридцати четырех озер, в числе которых Лукское, Тоторишкяй, Акмяне, Скайстис. Ваше внимание привлечет романтический замок на острове озера Гальве. Поднимитесь по старинным ступенькам, воспетым поэтами. Ансамбль замка окружен могучими стенами с пятиярусными башнями. С главной сторожевой башни открывается великолепный вид на окрестности Тракая. Перед вами водная станция и турбаза, на лодочной станции которой можете получить напрокат необходимый «флот», отправиться по озерам. Пробираясь от одного острова к другому, вы словно листаете книгу легенд, многие из которых еще ждут расшифровки. Вот остров Крестов, рядом — Бажнителе (маленький костел), где когда-то стояла часовня. Неподалеку густо заросший лесом Караимский, напоминающий о привезенных сюда в XV веке пленных караимах (от них необычный тип домов, которые сохранились в Тракае, и огурцы, которые были до этого не известны). За островом с замком небольшой клочок суши, несколько севернее остров Причитаний и очень красивый — Алмазный.

На центральной площади города построена красивая туристская гостиница, ресторан и столовая, рядом парк. Здесь сохранились остатки укреплений, которые не раз штурмовали крестоносцы. Местные сказания воскрешают страницы борьбы крестьян против помещиков. Одну из них воспроизвел в «Ночлеге» А. Мицкевич.

Много героического и печального произошло здесь в годы Великой Отечественной войны. В лесах Рудник-кай во время гитлеровской оккупации действовали отряды народных мстителей, сейчас в этих местах лесной заповедник. А кто не знает трагедию села Пирчюпис, где озверевшие оккупанты заживо сожгли почти всех жителей? В 44 километрах от Вильнюса, у шоссе, проложенного через Рудницкую пушу, величественный монумент из гранита. Памятник «Мать» Г. Йокубониса удостоен Ленинской премии, к нему стекаются толпы экскурсантов.

Пирчюпис не единственное место для путешествий. Можно отправиться из Тракая на юго-запад к группе Вилокнишских озер. Можно совершить несколько радиальных выходов: Тракай — Лентварис — Григишкес (22 км), Тракай — Электренай (около 40 км), Тракай — Рикантай (14 км). Первый ведет к бывшему дворцу Тышкевича в зеленый городок, славящийся ковром качеством Лентварис и в Григишкес, где находится крупный бумажный комбинат.

Второй маршрут — встреча с новым городом, где строится крупнейшая в Прибалтике ГРЭС. На берегу озера Аникштос высятся радующие глаз строгими линиями современной архитектуры многоэтажные дома. Дорога из Тракая в Рикантай протекает по живописной холмистой местности, богатой археологическими памятниками (остатки древних могил, городищ).

Неподалеку от Рикантая обрывистые берега реки Нерис. Если байдарки с собой, спускайте на воду и плывите к Каунасу, где воды Нерис примет Неман, который приведет ваш «корабль» к Балтийскому морю. Можете открыть навигацию неподалеку от Пирчюписа, через заповедные леса которого течет главная река Дзукии — Меркис. Если выберете направление на северо-восток, через десяток километров ниже Руднинкай попадете в канал, соединяющий Меркис с рекой Воке, которая, минуя Вильнюс, впадает в Нерис.

По Меркису (длина около 200 км) можно доплыть до Немана. Из Меркине, где встречаются три реки — Неман, Меркис и Стангеи, посмотрите красивое городище XII века, отсюда 30 километров до широко известного курорта Друскининкай.

Ну уж коль скоро вы соберетесь совершить поход по Неману, лучше всего начать поход в Друскининкай. Здравница славится минеральными источниками, прекрасной грязелечебницей и парком лечебной физкультуры с каскадными купальнями. Здесь же филиал музея художника и композитора М. Чюрлениса. Невдалеке золотые пляжи Немана, живописные берега в нарядной зелени лесов, небольшие островки, которые так и манят: остановись, полакомься ежевикой. А кого из любителей рыбной ловли оставят равнодушным местные хозяева вод: щуки, усачи, судаки, лещ, рыбец.

Неман — главная река республики. Он начинается в Белоруссии и на протяжении 462 километров плавно несет свои воды через Западную Литву. Маршрут не представляет особых трудностей, доступен начинающим. Даже ночью белые и красные огни обозначают фарватер. Плавание по Неману на плоту, лодке или байдарке доставит много удовольствия.

Взгляните на карту: голубая нитка реки унижена, словно бусинами, значками туристских объектов, колесиками городов.

Неторопливо катит свои воды река. Поднимите весла, оглянитесь: как замедленные кадры кино, проплывают мимо высокие, крутые берега, покрытые лесом. Словно не торопясь покинуть эти места, Неман делает двойную петлю у центра Дзукии Алитуса (56 км от Меркине), крупного промышленного города, выросшего после гитлеровской оккупации из руин. И снова река ведет в естественный музей. Особенно красив Неман около местечка Пуня и курорта Бирштонас.

В лесу олени, белки, много редких растений. Здесь и самая высокая ель Литвы, высота — 43 метра. От Бальберишкис всего 20 километров до уникального орнитологического заповедника — озера Жувинтас, где живет большая колония лебедей (50 пар).

Бирштонас знаменит не меньше Друскининкая. Вода здешних минеральных источников широко известна у нас. В Алькснякемском бору турбаза, опорный пункт путешественников. 80 километров до Каунаса, а уже дает о себе знать Каунасское море. Выше уровень воды, течение медленнее.

Вот и водохранилище, поверхность которого вспарывают быстроходные «ракеты» (курсируют до Балтийского моря). Каунасское море «построено» в 1960 году, когда завершилось создание Каунасской ГЭС. Длина нового моря — 83 километра, его площадь — 64 квадратных километра. Пажайслисский лес на берегу водохранилища — великолепный уголок отдыха. Раздолье любителям плавания под парусом (в Панемуне яхт-клуб) и рыболовам.

Спустив на левом берегу лодки с верхнего бьефа в нижний, можно продолжать путешествие. Начнем с осмотра Каунаса, второго города Литвы.

Каунас — студенческий город. Тут учатся будущие инженеры, врачи, агрономы. Каунасцы любят спорт. Даже путешественники (клуб туристов на улице Мицкевичюса, 38) увлекаются спортивным туризмом, слывут мастерами ориентиринга.

Если вы рассчитываете подробно ознакомиться с городом, на экскурсии уйдет больше времени, чем на путешествие по Неману. Длина улиц сегодняшнего Каунаса более 500 километров. Каунас — город богатых революционных традиций. Здесь жил и работал Ф. Дзержинский. В здании нынешнего горсовета на проспекте Ленина была провозглашена Советская власть в Литве, на улицах Паневеже, Вильняус, Капсу работали подпольные типографии, на улице Чяпониса, 24 погиб комсомолец Чяпонис — Герой Советского Союза, на окраине Жемайтинского шоссе — IX форт, в годы фашистской оккупации здесь погибло в застенках, в печах более восьмидесяти тысяч человек.

В числе достопримечательностей и промышленные гиганты Каунаса. Продукция фабрики шерстяных тканей «Дробе» и фабрики шелковых тканей «Кауно Аудиняй» удостоена медалей на Брюссельской выставке.

Каунасский радиозавод на проспекте Красной Армии (можно добраться на фуникулере) выпускает известные повсюду приемники и магнитолы. Судоремонтный завод дает стране речные суда, «Пяргале» — паровые турбины, бумажная фабрика Янониса — высококачественную бумагу, на которой печаталась Большая Советская Энциклопедия.

Каунас — город на все экскурсантские прихоти. Лакомкам он дарит изделия местной знаменитости — кафе «Тюльпе», любителям сувениров — чудесную бижутерию художественного комбината «Дайле». Интерес к флоре удовлетворит Ботанический сад в Верхней Фреде, поклонники поэзии посетят Долину Мицкевича. Поэт жил в Каунасе, здесь создал одну из своих баллад — «Ода Юности». Рядом с Историческим музеем (улица Донелайтиса, 54) — могила литовской поэтессы Саломеи Нерис. Недавно на берегу Каунасского моря открылся дом-музей Нерис. Ценители живописи посмотрят богатейшую коллекцию произведений выдающегося художника и музыканта Литвы М. Чюрлениса (улица Нерис, 45).

Перегруженному городскими впечатлениями человеку особенно приятно попасть на лоно природы. Гостеприимный Неман ждет вас: до устья немногим больше 220 километров. И снова вы в плену прекраснейшей из сказок жизни — путешествий. Вереница курортов: Лампеджайй, Качергине (16 км от Каунаса) с кольцом для авто- и мотогонок, Кулаутава (21 км от Каунаса) — и всюду сосняк, золотые пляжи, настоенный на хвое воздух, пейзажи, которые так и просятся в походный альбом.

Отплывая из Каунаса, вы могли обратить внимание на светлые корпуса сельскохозяйственной академии в Норе́йкишкес. В Литве около двух тысяч колхозов. Многие из них мы увидим, путешествуя по Неману. Вы можете посмотреть в Вилькии (32 км от Каунаса) большой совхоз. Колхоз «Нямунас» славится не только урожаями, но и богатым Домом культуры, художественным музеем, музыкальной школой. В русненском рыболовно-рыбоводческом хозяйстве разводят также уток.

Так Неман, словно на машине времени, то демонстрирует нам настоящее, то уносит в глубь веков. Вот Вялюна, где сохранились остатки замка, защищавшего литовцев от крестоносцев. Неподалеку, на родине П. Цвирки, в Клангяе, музей писателя. Еще десяток километров — и перед нами Раудоне со старинным замком, парком, овеянным легендами могучим дубом Гедиминаса (в обхвате 7,5 м), новый десятикилометровый отрезок пути — Витенай, новый замок и парк XVI—XVII веков.

Поистине неиссякаем неманский каталог впечатлений!

Миновав Юрбаркас (около 100 км до Каунаса), вы движетесь по образуемой Неманом естественной границе с землями Калининградской области. По-прежнему прекрасны леса и речная долина. Над ними поднимается гора Рамбинас, фигурирующая во многих преданиях. Здесь проходят ежегодные традиционные сельские фестивали.

А вскоре появляются многоэтажные каменные здания Советска.

Это последний большой город на Немане.

Словно чувствуя приближение конца пути, отступают леса, исчезают памятники прошлого, все чаще ветры доносят дыхание Балтики. «Литовские джунгли» — так называют широкую дельту реки со множеством рукавов. Впереди просторы Куршского залива.

Много бед приносило Балтийское море литовским рыбакам. После жестоких штормов не досчитывались то одного, то другого. Отважная девушка, могучая Неринга, не раз спасавшая погибавшие парусники, насыпала песчаную косу, отгородившую залив от моря. Ее называют Куршю Неринга. Говорят также, что

однажды тридцать лет бушевал шторм, ветер насыпал холмы в устье реки. Шторм угрожал гибелью крепости на мысу Вентес. Тогда Неринга набрала полный передник песку и камней, чтобы построить насыпь. Не выдержали завязки передника тяжести, оборвались, так и осталась каменная гряда у Вентес рагас.

Бухта мелководна (средняя глубина — около 4 м), поэтому едва повеет ветерок, как Куршю марес штормит. А ветры тут дуют часто и подолгу. Но походить здесь под парусом — наслаждение. На лодке лучше держаться у берега, вдоль него самая глубокая часть бухты.

Можно совершить поездку по водохранилищу на речном трамвайчике, на «ракете» от Клайпеды. Длина залива — 97 километров, вода пресная. Неман приносит в три с половиной раза больше воды, чем может вместить чаша бухты. На востоке у острия косы узкие (400 м) морские ворота Литвы.

Клайпеда — шумный портовый город. На высоком постаменте площади Ленина в честь освобождения последнего опорного пункта фашизма в Литве водружено орудие. В южной части города швартуются океанские корабли. Торговый порт пестрит разноцветными флагами. Вдоль берега тянутся корпуса судоремонтного и судостроительного заводов. Могучие траулеры, фабрики переработки рыбы, плавучие доки составляет первенец послевоенных строек.

Клайпеда одновременно и речной порт. На берегу реки Данге вас ждет тяжеловесный паром. Приняв на борт грузовики, легковые автомобили, людей, он медленно отчаливает, чтобы высадить пассажиров на Куршской косе. Северная часть полуострова — излюбленное место отдыха горожан.

Высокие дюны и мягкий ковер пляжа. Дорога идет через сосновый бор, ныряя с холма на холм. Дорога — отличный гид: смотрите, слушайте, узнавайте. Для умного странника нет скучных мест. Вот и сейчас, казалось бы, ничто не должно привлечь ваше любопытство. Но справа долина со странным названием Медвежья берлога. О медведях и слухом не слыхать. Почему же она так именуется? Неизвестно. А дальше природа устроила фестиваль сосен: каких только видов и расцветок не увидишь.

Дорога сбегает к Юодкранте (21 км от Клайпеды), обладательнице самых красивых лесов Куршской косы. Дюны лежат поперек косы, как и три-четыре столетия назад. (Первые поселенцы появились здесь в XVI веке.)

Когда-то на месте Янтарной бухты (Гинтаро планко) было болото, в котором оказалось много янтаря. В прибалтийском эльдорадо в середине XIX века началась «янтарная лихорадка». Более 2 тысяч тонн «золота Балтики» добыли здесь за несколько десятков лет. Дом, где живут сейчас рыбаки колхоза «Заря Балтики», принадлежал Герингу, который приезжал охотиться на лосей и кабанов.

Каждый из гостей Юодкранте побывает на Гиркшу калнас — Горе серых аистов, издавна облюбованной птицами, на Горе грехов, где во искупление своих грехов жители приносили жертвы языческому богу Куршасу и богине Лайме.

Южнее Юодкранте, в Пальве, в сыром густом лесу хозяйничают белки, косули, лоси, дикие кабаны, зайцы.

Неподалеку от рыбацких поселков Прейлы и Первалки находилась деревушка Карвайчяй, жители которой долго боролись против наступающих песков.

Приходилось делать двустворчатые двери, чтобы, открыв верхнюю часть, можно было бы откопать нижнюю. Но дюна погребла под песками деревню и сползла в залив. Если бы замечательного литовского фольклориста XVIII века, собирателя народных песен Людвикаса Резу спросили, где он родился, ему пришлось бы теперь ответить: в деревне, которой не существует. Однако память о старой деревне до сих пор живет в народе. А сыпучие дюны, погубившие не одно селение, называются тут мертвыми (Нешвосёс копос). Высота их 40 метров.

Среди песков — оазисы лесов, живописнейший курорт Нида (43 км от Клайпеды). Нарядные, раскрашенные в разные цвета домики в старинном стиле с резными ставнями и коньками крыш перемежаются с современными зданиями домов отдыха.

Слышен стук моторов: рыбацьи лодки колхоза «Неринга» возвращаются с уловом.

Прекрасный вид открывается с высокого холма, где стоит вилла немецкого писателя Томаса Манна, с горы Урбо, подмигивающей огнями маяка (80 м над уровнем моря). К югу от Ниды опять царство песка. Жарит солнце, бесшумно клубятся песчинки, ветер замечает ваши следы. И только чайки, аисты, журавли нарушают безмолвие. В поселке Рыбачьем самая большая в Прибалтике (на территории Российской Федерации) станция кольцевания птиц Академии наук СССР. Местные рыбаки специализируются на добыче угря, слава о котором давно идет среди гурманов всего света.

Коса сужается до 400 метров (поселок Лесной), и вы вступаете на Самбийский полуостров. Неожиданно справа из леса протягивается гостеприимная рука указателя: в нескольких сотнях метров на берегу

моря турбаза «Хвойное». Трудно придумать лучшее место для отдыха: вокруг грибные «базары», ягодные уголья, рыба ловится чуть ли не на газетный клочок.

И снова цепь курортов: Зеленоградск (32 км до Калининграда), «Северное Сочи» — Светлогорск, крупнейший в мире янтарный прииск — поселок Янтарный. Утопая в зелени парков, среди ста тридцати озер и прудов раскинулся Калининград (областной центр РСФСР) — крупнейший порт нашей страны, город, история которого насчитывает семь столетий, свидетель суровых битв и беспримерного героизма советских солдат.

В центре, на острове Преголи, сохранились развалины кафедрального собора XIV века, у подножия могила немецкого философа Э. Канта, который родился и жил в Кёнигсберге. На Театральной площади памятник Ф. Шиллеру. С городом связана деятельность Э. Тельмана, ученых К. Якоби, Ф. Бесселя, Г. Гельмгольца и других.

Вернемся в Клайпеду (самолетом, поездом, автобусом), чтобы продолжить путешествие по Литве. От Клайпеды до Паланги (26 км) тянется естественная зона отдыха. Она включает Гирулаву — «пионерскую республику» на взморье, многочисленные дома отдыха и санатории.

Паланга оделяет приезжающих золотистым загаром, остросвежими ароматами хвои, природным сувениром — янтарем. Знаменитый курорт ежегодно вбирает тысячи отпускников. По утрам кипит людской прибой на необозримых просторах пляжа. Если вы включитесь в общий ритм жизни курортников, в расписании дня появятся и прогулки по Аллее Тайкос (Мира), которая стрелой пролегла между дюнами и лесом. В конце ее гора Бируте, где некогда соверша-

лись жертвоприношения богу грома Перкунасу. Любуясь отсюда морем, невольно припомните тонкие, прозрачные полотна «Морской сонаты» Чюрлениса, очень любившего приморье Балтики.

Природа и мир искусства удивительно гармонируют в Паланге. Великолепно вписана в темную зелень парка (самый большой ландшафтный парк в Литве) скульптура Р. Анитиса «Эгле (Ель) — королева ужей». Когда вы возвращаетесь с взморья, зажав в кулаке чудесный дар волны — янтарь, взгляд невольно привлекает скульптурная группа Н. Гайгалайте «Юрате и Каститис». Может, и впрямь вы несете застывшие слезы дочери морского владыки, осмелившейся полюбить сына земли, или осколки ее янтарного дворца, разрушенного разгневанным отцом. Ожившая сказка моря! И вы повернете к Музею янтаря, открытому неподалеку от Дома творчества художников. К вечеру, окончательно став язычником, торопитесь поклониться морю и солнцу, включаетесь в шествие по молу и набережной, традиционные проводы солнца.

Пойдем навстречу солнцу и дальше по дорогам Жемайтии. После первых километров пути вы попадете в семисотлетнюю столицу Жемайтии — Тельшый (80 км от Паланги). В 20 километрах от опоясанного живописной речушкой Бабрунгас районного центра Плунге курорт Плателяй — популярный среди туристов и рыболовов. В сокровищнице местной природы три красивых озера: Плателяй, Ильгис и Бяржорас, украшенные островами, большой водно-спортивной станцией, яхт-клубом. Невдалеке от Плунге течет главная река Западной Жемайтии — Миния. Прodelав 213 километров она вливает свои воды в один из рукавов дельты Немана. Даже стоящий не-

сколько в стороне от оживленного туристского перекрестка Шяуляй (158 км от Паланги) щедр на всевозможные блага для отдыхающих.

Шяуляй отстроен заново после Великой Отечественной войны, и каждое предприятие, будь то кожевенный комбинат «Эльняс», велозавод или завод прецизионных станков, имеет пока небольшую историю. Изменились жители города. Они стали жизнерадостнее, словно каждому из жителей Шяуляя подарили... солнце, ведь Saula в переводе на русский язык означает «солнце». История внешне банальная и вместе с тем поучительная. Десятка два энтузиастов, объединившись, взялись за «переселение» своих земляков на природу. Нынче в Шяуляе отличный клуб туристов, открывший двери всем в дотоле не изведенную окрестную страну романтики. Колумбы туристской тропы располагают целой коллекцией интереснейших местных маршрутов. Будете здесь, побывайте в Пагелаве и Бубае (15 км от Шяуляя). В сосновом лесу, около речки, несколько домиков. Вместо номеров названия — «Ромашка», «Дубиса». Тихо и очень уютно. Перед крыльцом кормушка для птиц. Чистый половик у порога.

Толкните дверь, и вы попадете в большую комнату. На стене красочная карта района на холсте. Рядом в углу стенгазета, плакаты. Эта лесная гостиница — самодеятельная турбаза. Любому путешественнику тут рады. С готовностью расскажут, что интереснее всего поход по реке Дубиса. Здесь сохранились остатки незаконченного строительства канала, соединяющего Дубису с Вентой. Затеяливая, веселая речка Дубиса пробегает 145 километров до Немана. Встречает ее с Неманом неподалеку от Вилькии в местечке Крюкай. Шяуляйцы непременно пригласят вас побы-

вать и на близлежащих озерах (готовьтесь поднять паруса на Рякиве) и в окрестных лесах.

Расставшись с Шяуляем, не ждешь ничего нового от Литовской земли. Однако в книге путешествий осталась непрочитанной глава Аукштайтия. Маршрут от Шяуляя идет через промышленный центр Паланежис с крупнейшим в Прибалтике льнообрабатывающим комбинатом.

И снова перед вами разнообразнейший ассортимент походных маршрутов и туристских объектов. Озеро? — Хотя бы Рубикай к югу от Аникшяя. Река? — Швентойи, одна из самых живописных (250 км). Рыба? — Лосось, форель. Лес? — Аникшяйский сосновый бор, воспетый литовскими писателями и поэтами. Диковинки? — Гигантский валун в лесу «Пунтукас» (длина и ширина — около 7 м, высота — немногим меньше 6). Предание гласит, что камень уронил черт, намеревавшийся разбить костел.

В туристской коллекции Литвы осталась еще неповторимая выставка озер на востоке. Здесь три водно-туристских центра: Зарасай, Молетай, Игналина. Местечко Зарасай на автостраде Каунас — Даугавпилс с трех сторон окружено озерами. На восточном берегу озера памятник восемнадцатилетней партизанке Марите Мельникайте (скульптор Ю. Микенас), зверски замученной гитлеровцами. Сохранился и домик, где жила юная героиня.

Удобнее всего здесь, пожалуй, будет совершить путешествие по кольцевому маршруту, избрав местом старта и финиша город Дукштас (28 км от Зарасая). Суда должны быть максимально легкими, многие из голубых троп весьма мелки, да и часты волокы, нужны разборные байдарки, оснащенные парусами, — они

пригодятся на широких просторах Дисная, Друкшая, Луодиса.

В полутора километрах южнее железнодорожной станции Дукштас озеро Диснай (площадь 2490 га). Мелководье пришлось по вкусу разнообразным видам рыб, здесь даже разводят судака. После небольшого волока нитка маршрута нанизывает одно за другим темные, серебристые, голубые, зеленые кольца вод Алкснаса, Ружаса, Прутаса, Апвардая. В этом сверкающем ожерелье самое крупное озеро в Литве — Друкшай или Дрисвяты. У озера три хозяина — Литва, Латвия, Белоруссия. Силами колхозников трех братских республик и сооружена ГЭС «Дружба народов».

После широкого зеркала Друкшая мелкие осколки вод, настоящий маршрутный кроссворд, решив который, опытный моряк попадет в озеро Смалвос. Небольшая передышка, снова волок, и... Если есть желание продолжить решение дорожных загадок, путь лежит по озерам Швинтос, Самавас, Дусятос и далее по заповедным лесам, озеру Сартайе с его многочисленными островами, реке Швентойи, о которой говорилось выше. Если же пора кончать походную страду, из Смалвос перебирайтесь на озера Дукштос и Луодис. Круг завершен.

Другое излюбленное кольцо маршрутов — в Игналинском районе. Среди четырех с половиной тысяч озер республики наибольшей популярностью пользуется именно игналинский заповедник.

Это длинная цепь озер, каждое из звеньев которой — интересный маршрут для походов на лодке, байдарке, небольшом паруснике. Прогретые солнцем песчаные пляжи, напоенный лесными ароматами воздух, узкие коридорчики проток, живописные острова,

зеленое кружево извилистых берегов — разве не напоминает все это Селигер? На здешних маршрутах встречаются и пожилые, и степенные, и молодежь — каждому Игналина сулит отличный отдых.

Хотите убедиться? Берите старт в городе туристов Игналине. Уютные белые домики в зелени садов привлекают внимание оригинальной архитектурой. Поднимитесь на Ажушиле — одну из самых больших гор республики. С высоты 285 метров открывается панорама окрестностей Игналины, с которой связана легенда о романтической любви Игнаса и Алины, давших название местечку.

Турбаза в 6 километрах от Игналины. Приступающим к освоению района нелишне поговорить со старожилами, инструкторами базы. Разобраться в сложном, запутанном лабиринте голубых дорог новичку довольно трудно. На турбазе же можно взять напрокат лодки и снаряжение, купить продовольствие. Ежедневно в поход уходит какая-нибудь группа: вас с удовольствием присоединят к ней. Игналинская турбаза находится в лесу, у деревни Палуше, на берегу озера Лушис.

До постройки железной дороги здесь пролегал основной путь из Вильнюса в Ригу, устраивались ярмарки. Конечно, на фото- и киноплёнке вы запечатлеете не только окрестные пейзажи, но и местную достопримечательность — деревянный костел XVIII века, украшенный традиционной национальной резьбой. В походном дневнике появятся и записи об экскурсии в соседнее село Аукштакальнис, крестьяне которого в числе первых захватили власть в 1917—1918 году.

Традиционный маршрут, предлагаемый турбазой, рассчитан на десять дней, его протяжение около 240 километров. Он начинается с озера Лушис, на берегу

которого раскинулась старинная рыбацкая деревушка Мейроняй, ведет через испещренные островами воды Думблис и Дрингикштис в самое длинное озеро Литвы — Дрингяй (кстати, путешествие можно начать с Игналины и, минуя перечисленные выше озера, пробраться прямо в Дрингяй). Впереди небольшой волок, и вы снова у туристского причала озера Балошас. В окрестных лесах в годы Великой Отечественной войны сражались партизанские отряды. Сейчас здесь разгуливают лоси, дикие кабаны, рыси, зайцы, серны. В местечке Гинучай на озере Стравинайтис при встрече с водяной мельницей необходим волок. Затем очередная серия озер: Алмаяс, Асекас, Линкменас, Алкснайтис, Укояс, хоровод которых скрепляют мелкие речушки.

Озера Укояс, Линкменас и Алкснайтис опоясывают подножие высокого холма Лядкальнис, с которого открывается великолепный вид. За Асалнай просторы озера Лушис, вдалеке виднеются знакомые очертания Палуше. С Палушинской турбазы можно проложить маршрут в Вильнюс: по озеру Жейменис, извилистой реке Жеймена, через 80 километров он приведет вас в реку Нерис, которая через заповедные леса стремится к Вильнюсу.

* * *

Вот и окончено путешествие по Прибалтике. Но отныне, собираясь в очередной отпуск, вы всегда будете иметь в виду горсть голубых огней на карте Литвы: не сплывать ли снова? Конечно, собирайтесь в путь, повторений не будет.

ЛИТВА

№ 147. По Литве. Игналина — 4 д., ж. д.— Тракай — 5 д., авт.— Бирштонас — 4 д., авт.— Вильнюс — 3 д., ж. д.— Паланга (взморье) — 4 д. Всего — 20 д. Июнь — сентябрь. 75 руб.

№ 148. Тракай — 8 д. — Вильнюс — 4 д. Всего — 12 д. Июнь — август, 32 руб.

№ 149. Бириштонас — 10 д. Июнь — август, 28 руб.

№ 150. По Литве. Игналина — 2 д. — поход на лодках по Игналинским озерам — 3 д. — Игналина — 2 д., ж. д. — Тракай — 4 д., авт. — Вильнюс — 5 д., ж. д. — Паланга (взморье) — 4 д. Всего — 20 д. Июнь — сентябрь, 70 руб.

№ 151. Игналина — 10 д. Июнь — август, 28 руб.

№ 546. Паланга — 10 д. Май — июнь, 28 руб.

По Литве проходят маршруты:

№ 369 и 370. «По Белоруссии и Литве». Брест — 5 д., ж. д. — Минск — 5 д., авт. — оз. Нарочь — 5 д. — Вильнюс — 5 д. Всего 20 д. Май — сентябрь; № 370. Идет в обратном направлении.

№ 120. По прибалтийским республикам. Таллин — 3 д., ж. д. — Аг-вийду — 4 д., ж. д. — Сигулда — 3 д., ж. д. — Рига — 4 д. — Тракай — 3 д., авт. — Вильнюс — 3 д. Всего — 20 д. Май — сентябрь, 80 руб.

№ 146. По столицам прибалтийских republнк. Таллин — 4 д., ж. д. — Рига — 4 д., ж. д. — Вильнюс — 4 д. Всего — 12 д. Январь — апрель, октябрь — декабрь, 52 руб.

№ 440. Северо-западный. Вильнюс — 4 д., ж. д. — Рига — 4 д., ж. д. — Таллин — 4 д., ж. д. — Ленинград — 8 д. Всего — 20 д. Январь — декабрь, 90 руб.

№ 616 (По озерам Белоруссии и Литвы). Минск, турбаза «Белорусь» — 6 д., авт. — оз. Нарочь и поход на лодках — 7 д., авт. — Игналина и поход на лодках — 7 д. Всего — 20 д. Июнь — сентябрь; № 617. Идет в обратном направлении.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Мацейка Ю. и Гудинас П. Вильнюс. Путеводитель по городу. Пер. с литов. Вильнюс, Госполитиздат, 1962. 391 стр. с илл. и схем.

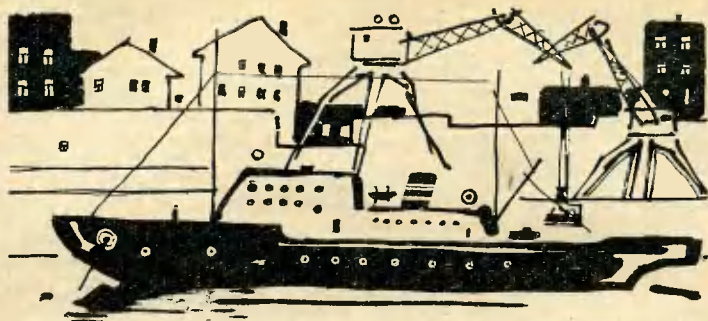
Медонис Ар. По Балтийскому побережью. Вильнюс, Госполитнаучиздат, 1962. 48 стр. с илл.

Путеводитель по Литовской ССР.

Мешис Ю. Куршю Неринга. Вильнюс, Госполитнаучиздат Литов. ССР, 1959. 128 стр. с илл.

Описание туристских маршрутов по Куршской косе в Литве.

Яиушкис В. 147-м маршрутом по Советской Литве. Вильнюс, «Минтис», 1964, 32 стр. с илл.

Н. ШВЫТОВ

Обелиск севера

Над рейдом прокатился раскатистый гул орудийного салюта, наш теплоход отвалил от пристани. Как ни жаль было покидать Архангельск в День Военно-Морского Флота, но график маршрута требовал этой же ночью быть на острове Мудьюг [Мудьюгский]. Оттуда начиналось наше путешествие по рекам Беломорско-Кулойского уступа, к древнему поморскому селу Долгощелью, к деревянной Мезени.

Мудьюг. Километрах в пятидесяти от Архангельска, у самого входа в Двинскую губу, небольшой остров. С запада его лижут волны Белого моря, с востока — Сухое море: узкий мелкий пролив. Плоская полоска земли заросла до самой воды заболоченным лесом; у отмели колючая проволока, за нею гробы барачников. Это каторжная тюрьма, созданная в конце 1918 года интервентами. Здесь сорок шесть лет назад, осенью 1919 года, горстка смелых людей бросила вызов смерти.

Белой ночью мы высадились на остров. Зыбкий свет ночи незаметно перешел в солнечный день.

Стоим на узкой отмели. Справа просторы Белого моря, слева гладь пролива. Начальник метеостанции Петр Александрович Малыгин в ответ на наши расспросы сначала машет рукой: не умеет, мол, рассказывать. Но потом неторопливо зажигает сигарету и оглядывает нас, туристов из Москвы.

I. Счастья не ждут

— Надежда? Да никакой надежды! Остров. С одной стороны море — его не переплывешь и на шлюпке. С другой — Сухое море, место мелкое, а плыть все равно надо. И немало — в самом узком месте километра два, а то и три до материка. — Малыгин прищурил светлые глаза, всматриваясь в серый простор пролива. — И это не все. Народ в лагере был разношерстный: офицеры царские, красные солдаты и моряки, крестьяне и советские работники, дезертиры из Добровольческой армии. Это раз!

Петр Александрович провел носком сапога черту на мокром песке.

— Теперь оружие. Его не было. А стражи было до ста человек.

На песке появилась вторая черта.

— Предположим и это не препятствие. Вырвался народ из бараков и бежит к лесу, в сторону Сухого моря. А тут проволочный забор! В несколько рядов. Чем его брать? Голыми руками.

На прибрежном песке уже три черты, волны размыли их в канавку.

— Пусть и это удалось.— Малыгин нервно затянулся.— Выбежали каторжане к берегу, чудом переправились на материк, скрылись в тайге. А куда идти? Места незнакомые, болота, реки, гнус. Гиблое дело,— рассказчик углубил канавку на песке.— Допустим, набрали беглецы на село. А там белые или народ, казнями запуганный. Не то чтобы кусок хлеба дать, смотри, как бы не выдали...— Малыгин тяжело вздохнул, глядя, как волны пытаются размывать углубление у ног. Не спеша зажег погасшую сигарету и оглядел наши лица.— И все же бежали. Бежали!

Рассказывают, что задумали побег пятеро большевиков. Поскакухин, Стрелков, Коновалов, Бечин и Молчанов. Хотели тринадцатого сентября. Но кто-то выдал, и конвой был усилен. На другой день партию заключенных отправили в Архангельск. Пошел слух: повезли на Иоканьгу — тоже остров, тоже каторжная тюрьма, но пострашнее Мудьюгской. Ждать нечего! Пятнадцатого Стрелков передает записку Поскакухину: «Надо восстать». Тот отвечает: «Сегодня в час дня обезоруживай свой конвой». В час дня погнали на работу. В ожидании сигнала работали плохо. Стрелков держался поближе к часовому. Вдруг со стороны барака выстрел! Стрелков вырывает у часового винтовку. Зыков выдергивает засов у дверей: «Выходи, братцы! Свобода!» Те, кто выбежал, обезоружили других часовых, сняли и с вышки. Некоторые бросились к колючей проволоке, и лишь небольшая группа вступила в борьбу с подоспевшим конвоем. Многие остались в бараках, не веря в благополучный исход.

Когда первые беглецы оказались у проволочных заборов, из караульного помещения раздались выстрелы. Усилились. Падают убитые и раненые. Из барака

выскочили заключенные. Конвой отступил, но разоружить его не удалось. «Бежать, кто как может». Те, кто перелез через проволоку, стремились на южную оконечность острова, к складам оружия. Там их встретили выстрелами. Уцелевшие направились к Сухому морю. Вдруг там еще стоят карбасы, на которых крестьяне за сеном приехали. Карбасы стояли! — почти выкрикнул Петр Александрович. — Стали отгрывать, хватились Стрелкова. Карбас Посакаухина задержался. Видят, выбегает из лесу Стрелков, бросается в воду, пытается плыть, да не может. Товарищи спешат к нему, но приближается и погоня. Стрелков еле добрался до кола одной из расставленных рюш и повис, теряя сознание. Оттуда его и сняли.

Рассказчик умолк, помял окурки, бросил.

— Что дальше, Петр Александрович? — взмолились туристы.

— Однако пора ехать, — вместо ответа сказал начальник метеостанции, направляясь к катеру. — У Патракеевки дорасскажу.

Несколько часов шли мы Сухим морем. Слева тянулся плоский лесистый берег Мудьюга. Уже давно не было видно ни белого обелиска вблизи сохранившихся каторжных бараков, ни маленьких домиков. Справа надвигалась кромка материка, густо заросшая камышом. К вечеру достигли устья заросшей Мудьюги. Пугая стаи уток, медленно втягиваемся в мелкое устье. Тишина. Малыгин у мотора, рука на рычаге. Он потомственный помор из многочисленных Малыгиных, издавна поселившихся в устье Койды. В 30 километрах от родных мест остров Моржовец. Туда ходил юный Петр с дядьями за тюленем. Зимой и весной прилив прижимает к берегу шугу. По ней-то и подкрадывался молодой Малыгин к тюленям. По-

долгу ждал на сыром льду, рискуя провалиться. Но об этом не думал: лишь бы взять первого зверя. Тогда признают поморы за мужика, будут брать в море.

Но рыбаком и охотником Петр не стал, окончил метеорологическую школу, учился в институте. Теперь начальник метеостанции на Мудьюге. Место неприветливое: узкая пятнадцатикилометровая низменная полоса тянется с юга на север, болота, полные гнуса леса, унылые, зыбкие песчаные холмы, вязкие отмели. Весной остров затопляет на сотни метров море, гонит ураганом, зимой лютуют снежные бураны. Недавно уезжал Петр Александрович в Архангельск, ураган нагнал море, до самого леса залил остров. В воде оказался почти весь поселок. Залило и метеостанцию. Смыло огороды, забило плавником побережье. Аврамом руководила жена Малыгина. Детей и женщин переправили в избу на холме, спасли продукты, спокойно дождались помощи. «Жена из наших краев,— сказал Петр Александрович,— поморки моря не боятся».

Начальник метеостанции в одном верен семейной традиции: выдался свободный часок — на берег моря с удочками, в лес с ружьем, зимой на лыжах по льду моря за зверем.

...Белая ночь стояла над сонными берегами. Дымился костер, сновали люди. На сырой траве одна за другой появлялись байдарки, собранные из хаоса стрингеров и шпангоутов. Флотилия спущена на воду, уложен груз, дежурные зовут к костру. Здесь и Малыгин. Держа горячую миску на коленях, он смущенно благодарит за угощение, слушает наши песни, потом продолжает рассказ.

— Высадились беглецы примерно в этих местах. Их было пятьдесят четыре. Шестеро погибли в перестрел-

ке. Стали спорить, куда идти. Единства не было, решились попробовать разные пути. В первой группе — тридцать два человека. Вожак — Стрелков. Во второй — остальные. Стали считать запасы: тридцать две картофелины, котел, банка для вычерпывания воды, топоры.

Перво-наперво испортили кабель между Мудьюгом и Архангельском. Потом, разделив припасы, разошлись. Стрелков повел своих на восток, к Пинеге. Там, по слухам, были красные. Первый ночлег у реки Ульмицы. Рано утром хлынул проливной дождь, потом подул холодный ветер. Шли еще пять суток. Питались ягодами, грибами. У одного раненого началась гангрена. Пришлось оставить. Потом оставили еще одного. По их воле. На Лодьмозере набрели на развалившуюся охотничью избушку. Нашли с полпуда соли, пустые ведра. Стали солить грибы.

Одиннадцатый день. Болота, болота. Сил не было. Но Стрелков заставлял ползти. На двенадцатый день разделились на три группы. Семнадцать человек повел Стрелков, другую часть — Поскакухин, самую маленькую группу — Городев. На пятнадцатые сутки к Пинеге на красноармейскую заставу Стрелков вывел обросших, грязных, до предела истощенных людей.

Группа Поскакухина тоже вышла к красноармейцам, но в другом месте. Остальных частью выловили, кое-кто выбрался за линию фронта.

Малыгин умолк. Плыла белая ночь, угрюмо чернел лес, желтая река колыхала катер, кидала байдарки. Сорок шесть лет отделяли нас от легендарного побега. Сорок шесть! Но мы до мельчайших подробностей видим... в сумерках, мимо бараков ведут к морю тринадцать. Их расстреляют за тех, кто уже далеко...

Белой пеленой висел туман. Билось море. Над

плоским островом слышался глухой плачущий рев: сирена маяка.

С высокого обрыва далеко видна тайга. То там, то тут среди зеленого меха блестят полукольца реки. Немыслимо извивается река. Часы уходят на то, чтобы байдарки поднялись на километр-другой по мелкой каменистой Мудюге, тропа через несколько минут выводит к изгибу, из-за которого еще не скоро покажутся усталые гребцы, непрерывно работающие веслами или тянущие узконосые лодки против пенистых ледяных струй. Но в тайге не легче. Вот и сейчас, оставив на лодках по одному туристу, мы шестеро сидим на обрыве. В низине еле заметные лодки, похожие на водяных жучков-водомеров. Далеко слышен скрежет металлических весел о каменистое дно. Но и он замолк. Шумит лес. Одиночество.

Вначале мы весело идем по тайге, вспугивая грузных глухарей, собирая грибы и ягоды. Затем начинаем беспокоиться: реку не слышно. Сомнение в правильности пути охватило и одержимого охотника Бориса Ривкина. Он забрасывает двустволку за спину, выходит вперед и напрямик шлепает по болотам. Кажется, нет ни конца, ни края топким болотам. Идем все быстрее. Уже бежим. Чаща гуще, теперь с ветвями сплетаются камыши и трава. Неужто река близко?! Вот и она. Пенистый перекат, поваленная береза — привычная картина, но как она нам сейчас дорога.

Ждем лодки. Полчаса, час. Никого. Сумрак затопляет низину. Где же товарищи? Впереди или позади? Ждать больше нельзя: можно остаться одним, без продуктов и одежды, на нас легкомысленные трусы и майки, надетые еще днем.

Переходим вброд на другой берег: там тропа. Куда идти? Вверх или вниз по течению? Мы должны

были обогнать байдарки. А может быть, они обогнали нас? Кто поручится, что мы не блуждали по тайге? Флегматичный Виталий Дыгин берет слово: надо идти вниз, до того места, которое видели с обрыва. Если на пути не встретим наших, то возвращаться вверх, пока не найдем байдарки. Идем не менее часа. Река разделилась на рукава. Группами разошлись на поиски условленного места. Несколько метров в сторону — и уже не слышно спасительного «а-у-у». Кричим до хрипоты, но лес и шум реки заглушают наши голоса. И только случайно встречаемся.

С берега смотрим на высокий обрыв. Он или нет? Ведь мы смотрели тогда с него, теперь пытаемся узнать это место снизу. Решили, что это то самое место. Мне и Виталию, снимавшим кинофильм, запомнились длинные ленты завалившихся берез.

Тропа исчезает. Скользкие толстые стволы поваленных деревьев преграждают путь. Ничего не видно. Голые плечи и руки едят комары. Невольно вспоминаем беглецов с Мудьюга. Они пробирались в такой чашобе, без куска хлеба, в лохмотьях, не зная пути. А мы? Должны выйти. Выйдем!

Выстрел. Наши! Ищут нас! Бежим, скользя и падая. А вот стук топора, переливы свистка, которым по уговору сигналият для потерявшихся. Выходим на берег.

Мудьюга все уже и мельче. Все чаще завалы. Иногда их можно легко преодолеть, надо лишь сойти с лодки в ледяную воду и протаскать над нависшим деревом байдарку. Порой стволы ветвистых великанов громоздились один на другой. Тогда лодку вместе с втиснувшимся в нее туристом протаскивали в узкую щель между водой и стволом. Не легче переносить на

руках тяжелую груженую байдарку, обходя многометровые завалы.

А реке нет конца. Начались тягучие дожди. Похолодало. Белые ночи стали темно-серыми. Сказывалась усталость многодневного пути. Скоро ли Затулка? Скоро ли? Мы жадно искали эту неширокую реку, которая должна впадать слева. От Затулки до озер километра два. Но ее все нет.

На седьмой день пути лишь Гена Тарасенков оставался невозмутимым: с утра уходил вперед, чудом находил нас к вечеру и все так же бесстрастно подавал завхозу кукан с щуками и хариусами. К вечеру этого дня дождь разошелся. Промокшие и замерзшие, идем медленно, то и дело камни и сучья рвут резиновые днища байдарок. Мокрая резина плохо склеивалась с заплатами. Флотилия растянулась.

Ширина реки не более метра-двух. Скоро ее истоки, значит, и озера. Вот и протока слева, и заломленное дерево: долгожданная Затулка. Приходит конец восьмидесятишестикилометровому пути по коварной Мудьюге.

Глубоким вечером, когда последняя лодка была вытащена на горбатый берег и все собрались у костра, в свете пламени нашли на карте место стоянки. До озер пустыки! Пришел мокрый и усталый Миша Кочмар: озера за этим бугром, он только что подстрелил там утку, за которой пришлось плыть на середину озера самому, так как собаки не было.

...Узкое озеро окаймлено камышом и хвощом. На тонких зеленых стеблях черные кольца, как раскраска на шлагбауме. Заросли так плотны, что байдарка с трудом идет по протоке; сквозь колышущуюся стену не видно, что впереди. Того гляди, напорешься на

Село Долгощелье. Отлив в устье Кулая

камень или старый рыбацкий закол: тогда вычерпывай воду, вытаскивай на берег лодку.

Но байдарка благополучно минует протоку, перед нами новое озеро. Дальний конец его не виден: изогнулся за мыс. Те же камыши и хвощи, но вода яркосинего цвета и необычайной прозрачности. Гена Тарасенков склонил узкое лицо над водой. Его тонкие усики ползут в довольной улыбке. Он поспешно разматывает леску с тяжелой блесной на конце, пробует острые зубья тройника, машет мне рукой (греби по уговору медленно, у самых камышей) и далеко забрасывает снасть. Медленно взмахиваю веслом. На

корме, где настороженно согнулся рыболов, тишина. Тихо и над бирюзовым озером, по которому бесшумно и хищно скользят байдарки. Всех охватил азарт. Даже никогда не державшие спиннинг Бондаревы Тамара и Боря пытаются счастье.

— Табань! Табань! Подгребай назад! — голос Тарасенкова от волнения охрип.

Щука! Хороша! Удар топором — и длинное тело хищницы замирает. Первую рыбу надо взвесить. На крючке рыбомера килограмм и пятьсот граммов!

Снова осторожно веду байдарку. Рывок. Табаню. Оглядываюсь. На леске Гены полосатый, как девичья vareжка, окунь. Почти круглый, с радужными колючими плавниками блестит на солнце.

Алые паруса заката заставили опомниться. Складываем связки щук и окуней у ног растроганного завхоза — Тамары Бондаревой.

— Тарасенков и Тарасов. Щук — восемь, окуней — на четыре кило. Всего — больше тринадцати кило... Ривкин и Потапкина — тоже здорово. Окунь на семьсот граммов.

А рыбу все несли и несли.

— Ребята! — взмолился завхоз. — У меня руки устали... Давайте чистить. Вода уже кипит.

Укладывая между соснами остроносую байдарку, вздрогнул: померещилось, что на траве не лодка, а гигантская щука.

* * *

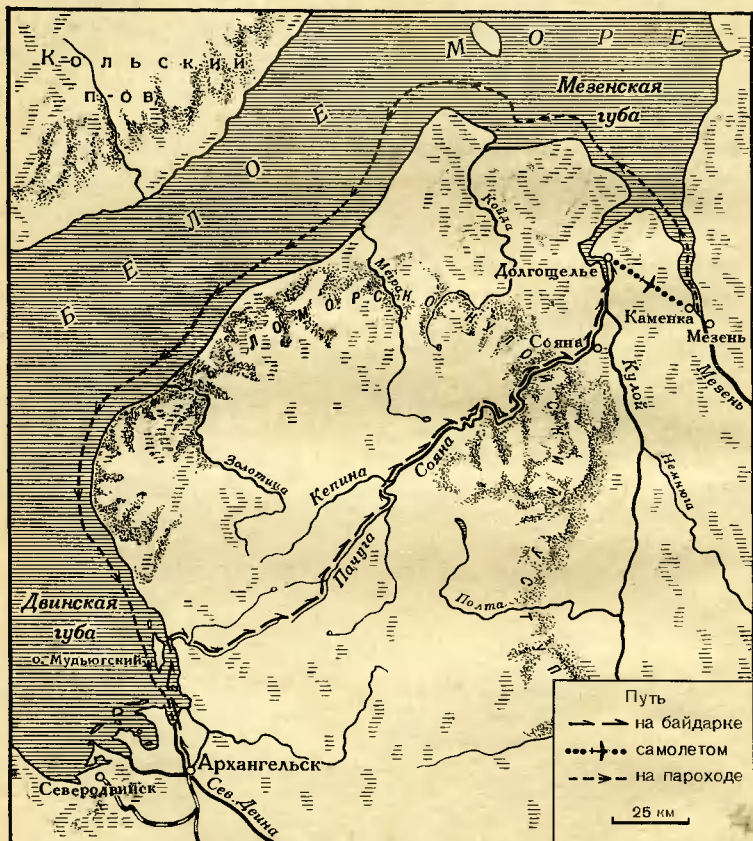
Девять мудьюгских озер отделены от системы озер реки Светлой лесистым увалом. К вечеру перетащили байдарки и грузы через перевал, рано утром плыли по озеру Светлому.

Нигде я не видел такого. Длинное узкое озеро то расширяется, то сужается. Камыши и тайга уходят вдаль, либо наступают на водный простор. Вода прозрачна. Присмотрись — и увидишь чешуйчатые стебли корневищ лилий и кувшинок, у поверхности толпятся мальки, глубже заметишь притаившуюся в камышах красавицу щуку. Над зеркалом, над зубцами задумчивого леса бледное небо. Черной пылью несутся стаи уток. Но выстрелы не раздаются, хотя ружья заряжены. Но какая уж тут охота, когда такая красотища! Тихо плывут байдарки, умиротворенно помахивают веслами ребята. Застенчивой улыбкой провожает их неяркая красота Севера.

Выстрелы раздавались на другой день. Оставив позади озера реки Светлой, мы все дальше неслись по прозрачной воде навстречу Ловецким озерам. Река била жгутами синих перекатов в невысокие берега, пенилась каменистыми порогами, разливалась пузатыми бочагами. Камыши стояли стеной; достаточно плеснуть веслом, чтобы из зарослей с шумом поднялась утиная стая.

Мы с Дыгиным ехали тихо, снимали фильм, утки спокойно ныряли у камышей. Но вот они взмыли и углом понеслись над рекой. Мы оглянулись вслед, увидели лодку Роберта и Гены. Стая над ними. Роберт медлит. Выстрел. Последняя в строю птица, сложив крылья, падает. Выстрел. Другая, резко снижаясь, дотягивает до камышей. Теперь не достанешь!

Пока Роберт и Гена вылавливали убитую утку, на бочаг выплыл Миша Кочмар. Быстро оценил обстановку и ринулся на байдарке в камыши. Проходят томительные минуты. У камышей собралась вся флотилия. Мише велят вернуться. Но он тоже охотник, а значит, упрям. Наконец раздвигаются колышущиеся

заросли, и в руке измазанного илом Миши подрагивает переливающийся оперением селезень.

Светлая все стремительнее. Русло сузилось и все чаще разбивается на кипящие протоки. Несколько раз мы сплеховали, и в лодке появилась вода. А нас несло, и некогда было вычерпывать воду: то набегал берег, то нависали деревья, то прямо под носом лодки выныривал камень.

Заплатанное днище не раз тягуче стонало, волочась по каменистому дну. Желваками вздувалась резина обшивки, все больше воды в байдарке. Улучив минуту, вычерпываю воду. Но приходится вновь хватать весло, и по днищу разливалось море. Вот уже вода подобралась к рюкзакам в корме и на носу, лижет мешки с сахаром в бортовых карманах. Теперь даже на сравнительно глубоких перекатах задеваем за дно.

Мой капитан не из пугливых, но его утомленное лицо все чаще оборачивается и хриплый голос все чаще тревожно спрашивает: «Как течь?» Пожимаю плечами.

Река теперь синяя, угрюмые ели склонились с обоих берегов, солнца не видно! Дойдем ли?

В тревоге не заметили, как распахнулась гладь Ловецкого озера. Лодка словно врезалась в тихие воды. Дошли! Но где же остальные? За лесистым мысом костер.

Когда вынесли байдарку на берег и перевернули ее, я увидел множество проколов. Виталий осторожно ощупывал их. Вдруг растроганно припал к мокрой резине: «Спасибо, старушка!»

Жара давно сменилась прохладой. Середина августа. Ночью и в спальном мешке, натянув свитер и лыжные брюки, согреваешься не сразу. Но утренние

купания не отменяются для нас с Вадимом Козулицыным. Вот и сейчас он просовывает в мою палатку деревянный градусник, весело кричит:

— Теплынь, Макарыч! Шесть градусов — вода, пять — в рюкзаке! Вылезай!

На берегу Пач-озера нас ждет лишь Виталий. Нет, он не рискнет составить нам компанию. Ему нужен кадр для фильма. Надеваю ласты, медленно раздеваюсь. От озерного ветерка тело деревенеет, а в удивительно прозрачной воде я его совсем не чувствую. Плыву у самого дна. Сквозь стекло маски видны столбы солнечного света. Они пронизывают всю толщу воды; в их золоте толкутся рыбешки.

Полотенце делает свое дело. Теперь тело горит и песня сама рвется из груди. Громко напевая, идем с Вадимом к костру. Нас встречают почтительные возгласы: «моржевание» произвело впечатление.

Из всех пройденных нами озер Пач самое большое. Заливы раздвинули его поистине до морских размеров. Густо-синие высокие волны легко подбрасывают байдарки. Ветер несет жемчужную пыль воды, червонным золотом горит чешуя солнечных бликов. А это что? Длинная розовая полоса посередине озера: неведомые нам растения!

К вечеру достигли конца Пач-озера, остановились на крутом берегу реки Котуги. К биваку незаметно подошли костлявый старик в очках, два парня. От неожиданности не сразу сообразил, что впервые за полмесяца вижу других людей. Приглашаю к костру.

Иван Широкий — шофер лесовоза из порта Каменка. Оттуда же и его напарник — художавый фотограф Николай Попов. Вместе с дедом, жителем ближней деревни, проводят отпуск на озерах: заготавливают рыбу.

— А пошто к нам, на Север, а не в теплые края? — лукаво осведомляется дед и прикладывает к уху черную ладонь. — Это ты правильно говоришь, здесь корень жизни русской. Северный человек везде горазд. До всего дойдет, во все проникнет.

Костер горел жарко. Рассказы сменяли песни. Одна из них особенно пришлась по душе нашим гостям:

Счастья не ждут,
Счастье находят
Лишь те, кто всегда в пути...

II. Люди и знамя

— Буран тогда был такой сильный... А ночью под этим окном завывали волки. Потом я услышала стон. Да, самый настоящий стон. — Большие глаза девушки, рассказывающей нам, стали огромными. — Кричалось. Волки загнали его в сугроб у склада. — Девушка протирает стекло оконца. Показывает на приземистый сруб шагах в тридцати от метеостанции. Сейчас он утопал в буйных зарослях красного кипрея. За срубом зеленый склон обрывается к широкой Сояне. На отмели блестели мокрыми бортами байдарки нашей туристской флотилии; в неяркое августовское небо Севера поднимался белесый дым бивачного костра.

Девушка продолжала:

— Надо спасать лося! Бросилась будить мужчин, а они... они... послали меня спать. Схватила я карабин, двери еле открыла: крыльцо снегом занесло, вокруг метеостанции сугробы по грудь. Темно. Ветер сшибает, глаза режет. Пошла.

Надо было обогнуть станцию, немного спуститься к реке. Сугробы крутятся, как живые, ветер не дает осмотреться. Ориентируюсь на волчий вой. Завернула за угол от домика, отошла и растерялась. Ничего не слышу, ничего не вижу. Остановилась, обмерзать стала. Опять пошла. Долго плутала. Наконец узнала склад. Нацелила карабин, вспоминаю, как стрелять надо. Тут ветер и стих. Около склада ни волков, ни лося. Убежал!

Потом пригляделась и чуть не упала со страху: у моих ног черный снег, кровь. Загрызли лося.

— Напрасно расстраиваетесь,— хотел я успокоить ее.— Все равно не смогли бы отогнать стаю, если бы даже успели.

— А карабин? — с вызовом обернулась она.— Волки выстрела боятся.

Девушка хотела что-то возразить, но в дом вошел Савенков.

— Карабин-то, однако, был не заряжен,— по-сверному певуче произнес он.— Прежний начальник семейный был, за детишек страшился. И стрелять она еще не умела. Вот так-то, товарищ москвич!

Я кивнул. Савенков настороженно выслушал мои объяснения о причинах посещения метеостанции, придирчиво рассматривал корреспондентский билет, успокоился.

Я поглядел вслед выбежавшей Рае.

— Вот это характер. Сразу северянку видно.

Валентин Алексеевич развел руками.

— Молдаванка она, из Фалешт. Окончила одиннадцать классов, получила специальность радиста. Взяла в Кишиневе комсомольскую путевку на Север и в Архангельск. Там посмотрели на нее — паутинка, а не человек, и восемнадцать лет всего — чуть было

обратно не завернули. Не сдалась! Предложили в городе работать. Она ни в какую.— Савенков одобрительно хмыкнул.— Подавай ей только самое трудное: тайгу да болота, волков и медведей, пургу и комаров. И с осени здесь. Да еще двух девчонок прихватила. Вот и получился у меня женский гарнизон.— Валентин Алексеевич прислушался: со двора приближался звонкий голос Раи.

— Рая, Усова. Раиса Ивановна. Радист-наблюдатель. Вроде рядовой человек на станции, не успела с новой сменой приехать, как стала порядки наводить. Чуть не каждый день полы мой: гигиена! Летом все, кто от вахты свободен,— на реку, плавать; зимой — на лыжи, на охоту! Вечерами за книгами сидит: в институт собирается, синоптиком стать хочет.

А голос Раи у самой двери: втолковывает какому-то Толе, как аккумулятор нести.

— И я таким был по молодости,— добавил Савенков.— Почти мальчонкой после войны в глушь забился к романтике этой. Где только не был! Кем только не работал! Все испытал, все прошел!

Открылась дверь, Рая несла тяжелый аккумулятор. Ей помогал плечистый большерукий парень.

— Тоже мечтал, как она. Достичь! Открыть! Поразить! А укатал меня Север. Теперь копаюсь, работаю потихоньку.

— Валентин Алексеевич! — не сдержалась Рая.— Перестаньте! Как вам не стыдно!

Савенков смущенно обернулся. И вдруг разразился:

— Товарищ радист! Кто вам аккумуляторы таскать разрешил? Экипаж вездехода разве не может?!

Начальник метеостанции хлопнул дверью. Рая спросила про наш разговор с Савенковым.

— Вы подумайте только! — вскинула она черные брови. — Он, видите ли, «закис» на Севере! Да он без Севера жить не может! «Укатал» его Север! А кто выдающуюся работу пишет?! Кто хочет переворот в метеорологии совершить? И совершит. Да, все он, Валентин Алексеевич! Ведь все, что я начинала (и учебу, и спорт, и быт), он поддерживал.

На дворе шла к концу разгрузка прибывших грузов, и весь коллектив станции с экипажем вездехода пошел провожать нас.

Так мы узнали, что на берегу глухой таежной реки в маленьком домике под выпцветшим от непогоды кумачовым флагом живут хорошие люди. Настоящие люди. Умные и смелые хозяева сурового края.

Сояна — река степенная. Красива своей ширию, необозримыми заливными лугами, величественной медно-красной Дивгорой и матерыми пенистыми порогами. Но славна она на весь Север, на весь мир только одним: в нее заходит на нерест немалая часть мирового стада царственной рыбы — семги.

Я раньше никогда не видел живой семги. На этот раз мне повезло. Наша флотилия встретила в походе длинные смоленые карбасы. В них рыбаки. Плывя вниз по течению, они хлопали по воде длинными шестами и боталами — палками с раструбом на конце. Гнали семгу к загону для отлова.

До загона было километров десять. Байдарки нашего обогнали карбасы, и после полудня мы причалили к берегу в том месте Сояны, где ее перегородивали пенопластовые поплавки длиной сети.

Дождь разошелся. Задраив байдарки, мы углубились в лес. Здесь у большого кострища встретили Алексея Медведева, моториста рыбозаводного завода. Несколько дней назад, осилив бешеное течение

Большого порога, он провел сюда несколько моторок и карбасов. Отловом занимается одна из лучших бригад — Павла Лаврентьевича Крапивина. Бригадир и все рыбаки гонят семгу. Часа через два должны быть здесь.

В ожидании загонщиков присели с Алексеем под развесистый кедр. Медведев напевно отвечал на мои расспросы. К отлову допускаются только самые опытные рыбаки. Семга с выбитым глазом, поврежденной чешуей, кровоподтеками — бросовая рыба. Ее и в план не включают... При отлове выбирают тех самцов и самок, которые достигли зрелости. У самки нос тупой, у самца нижняя челюсть длинная, на загнутый крюк похожа. Поймать надо около тысячи штук, больше самок. Отловленных рыб держат в садке, плавающем ящике с решетчатым дном. Садок тянут за карбасами от загона к загону.

Дождь стал проливным, когда Алексей неторопливо вышел из-под кедра и взгляделся в туманную даль реки. Попросил на минутку перестать петь. Прислушался: идут.

Сквозь мутные струи дождя еле вырисовывались черные фигуры рыбаков. Они яростно хлопали по воде и отрывисто кричали. То там, то тут над иссеченной зыбью рекой взлетали тяжелые серебристые тела рыб. У самой сети вода кипела, черные спины пенили воду, белые поплавки лихорадочно дрожали.

Все уже дуга загонщиков, все ближе к берегу карбасы. Вот уже концы сети вытащены на траву. Дюжие руки шести мускулистых мужчин еле удерживают рвущуюся в глубь тоню. Поспешно подгоняют садок. Его ставят у самой горловины тони.

Когда вода у берега закипела, к сети подошел высокий старик. Зайдя в реку почти до раструбов рези-

новых ботфортов, он ловко подхватил черную с серебром рыбу и метко бросил ее в садок.

— Самка!

— Самец!

— В воду! — кричал старик.

Медведев стоял под кедром и делал отметки в книжке. Немного поодаль, скрывшись в кустарнике, притаился маленький человечек в резиновом плаще и большом кожаном картузе. Представитель рыбнадзора вел подсчет семги, не достигшей зрелости: ее обратно в реку.

Звонкий голос старика еще долго звучал, заглушая шум дождя. На берегу была уже вся сеть, в садке бились серебристые красавцы и красавицы, у огромного костра хлопотали рыбаки. Будет уха из свежей семги.

Медведев ловко разделявал красномясые рыбины, пояснял: несколько штук из улова разрешается сварить. Но брать с собой — ни, ни! Икру надо немного подсолить, уложить в миску, к утру дойдет. Крупные, с ноготь величиной, нежно-розовые икринки светились солнечным светом.

Когда вода в закопченных ведрах забила ключом, старик бросил в кипяток первый кусок.

Никогда не ел ухи вкуснее! Разве могло сравниться с нею то месиво из щук и окуней, которое варили мы.

Радужнее всех угощал нас старик. Мелихов рыбачит с двадцатых годов. Самоучкой дошел до звания рыбоведа, теперь самый авторитетный семужник в округе.

Рыбаки дружелюбно поглядывают на туристов, молниеносно опоражнивающих вместительные миски.

Не хочется расставаться с Севером и северянами. Но придется. Поэтому перескакиваю на не-

сколько сот километров и несколько дней, умолчав о старинном поморском селе Долгошелье, звонкой деревянной Мезени, отплытии из обнаженного отливом порта Каменка на пароходе «Юшар».

...И вот гудок парохода, тягучий и печальный. Мы удивленно переглянулись: до берега далеко, встречных судов не видно.

— Проходим Мудьюг,— сказал механик, прикладывая руку к козырьку фуражки,— отдаем почести.

Под ясным небом белела тонкая игла обелиска в память жертв 1918—1920 годов. У мыса, где с полмесяца назад слушали мы рассказ Малыгина, стояли теплоходы: жители Архангельска приехали поклониться священным могилам.

Есть в Архангельске памятник — обелиск Севера. Постановлением

Обелиск Севера.

II Краевого съезда Советов он воздвигнут более тридцати лет назад в честь создания красного Севера.

За эти годы неузнаваемо изменился советский Север. И когда будут сооружать новый обелиск, не забудут ни имена героев Мудьюга, ни солдат революции, ни новых наших знакомых, которых встречали мы под небом сурового края.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Евгеньев Г. Е. Из Ленинграда к Валаамскому архипелагу. М., «Речной транспорт», 1964. 115 стр. с илл.

Евгеньев Г. Е. По Финскому заливу. Путеводитель. М., «Транспорт», 1964. 112 стр. с илл.

Клюев С. В. и др. По Пинеге и Кулою. Архангельск, Кн. изд-во, 1959. 59 стр. с илл.

Трифонов Д. Н. В стране чудес. М., «Физкультура и спорт», 1959. 100 стр. с илл. (По родным просторам).

Автор знакомит с природой Архангельской области. Он описывает туристские походы в таежных дебрях в междуречье Северной Двины, своеобразную красоту диких мест по берегам рек Токши, Подломки и Кожы.

Г. АНОХИН

В краю Синих гор

Почти сутки, как мы лежим на полках вагона. За окнами непроглядная тьма. Старый вагон покачивается, скрипит; равномерно постукивают рельсы. Дым от курящих и духота невыносимы. Я вздремнул перед вечером и теперь не могу заснуть. Сейчас одиннадцать часов вечера.

Хочу слезть с третьей полки, выйти в тамбур подышать морозным воздухом, но это невозможно. Не только нижние полки, все проходы заняты чемоданами, мешками, людьми. Видно, к ночи пассажиров прибавилось. Первые полки плотно заняты едущими на короткие расстояния, на плацкартных лежат пассажиры дальнего следования, на третьих, багажных, разместились те, кто тоже едет далеко, но не достал плацкарты.

Нас, туристов днепропетровской группы, четверо. Против меня, на верхней полке, отодвинутый к краю двумя парами лыж спокойно похрапывает Сашко. Ниже, завернувшись с головой в ватный мешок, уткнулась лицом в стенку Настя, на средней полке разметался в беспокойном сне белокурый Эрик. В который раз с тревогой думаю: «Выдержим ли?» Все мы, теплолюбивые южане, немного страшимся предстоящего похода. Ведь никто из нас не знает, что такое лютый мороз тайги и лесотундры, как выглядит этот заснеженный, малоизвестный нам кряж с явно обещающим неприятности названием — Ветреный Пояс.

Что мы знаем о нем? Он стал популярен среди туристов с зимы 1950—1951 годов, до нас здесь бывали только туристы Москвы и Ленинграда. Но их маршруты вдоль речной сети, обычно вдоль реки Иксы, и поперек массива нам представляются легкопроходимыми. Ведь двигаться вдоль реки элементарно просто. Не нужно ни компаса, ни азимута, ни даже умения ориентироваться. Да и выстроенные местными жителями избы на расстоянии дневного перехода, через каждые 15—20 километров, избавляют от необходимости возиться с выбором и организацией биваков.

Нам же хочется чего-то совсем нового, трудного, целинного, не облегченного простотой ориентировки и готовыми ночевками. Мы хотим быть первыми.

Готовясь к походу, мы изучили литературу. Из книг профессора Рихтера и геолога Карбасникова узнали, что интересующая нас возвышенность нанесена на карту лишь в годы Советской власти. С 1928 года ленинградские геологи под руководством Н. Альбова и М. Карбасникова пересекли кряж сетью маршрутов, произвели барометрическое нивелирование, составили

на его основе гипсометрическую карту. Карбасников первым дал наиболее правильную картину строения Ветреного Пояса, первым ввел это название, услышанное от местных жителей. Правда, охотники называли так лишь наиболее возвышенную часть кряжа, между реками Нюхча на западе и Кожа на востоке; продолжение же гряды между Шардозером и Онегой именуют Синими горами. Но это одна и та же гряда.

Карбасников объясняет, что словом «пояс» называли горный хребет, вытянутую гряду, цепь всхолмлений (именовался же Урал Земным или Каменным Поясом). Менее убедительно объяснение названия «Ветреный». Карбасников утверждает, что рыбакам Онежской губы далекая гряда на юге представлялась овеваемой ветрами. Рихтер пишет, что хребет этот, резко возвышаясь над прибрежными низинами, действительно открыт бушующим морским ветрам и холодным арктическим потокам. Вряд ли название возвышенности пришло издалека, от поморов.

Мы знали: Ветреный Пояс — плоская гряда шириной 10—15 километров, круто обрывающаяся к северу и более полого спускающаяся на юг, к болотистым равнинам бассейна реки Илексы. Возвышенность сложена древними кристаллическими сланцами и базальтами. Над плоской поверхностью гряд — отдельные скалистые вершины высотой 300—350 метров, покрытые глыбовыми россыпями.

Вся гряда вытянута с юго-востока на северо-запад, в целом по азимуту 300, и идет параллельно направлению господствующих тектонических разломов и главных впадин Белого моря.

Азимут 300 — вот что привлекло мое внимание, особенно заинтересовало! А что, если, взяв за основу нашего путешествия азимут 300, попытаться пройти

с юго-восточного конца гряды весь массив или хотя бы часть его? Правда, в заросших нетронутой тайгой всхолмлениях трудно найти воображаемую осевую линию возвышенности, хотя она и образует на большей части своего протяжения почти сплошной водораздел рек Балтийского и Беломорского бассейнов. Но все-таки поиски «оси» реальны. Только реки Нюхча и Кожжа, берущие начало на южном склоне возвышенности, прорываются через гряду на север, к Белому морю.

Кроме того, у гряды есть и дополнительные ориентиры. Из литературы мы знали, что реки северного склона возвышенности протекают в глубоких и узких долинах, образуя многочисленные пороги. Пологий южный склон гряды большей частью занят обширными болотами с единичными высокими холмами, заросшими хвойным лесом.

Наибольших высот Ветреный Пояс достигает в средней части, близ западной границы Архангельской области, где вздымаются купола Большой Лев-горы (350 м), Олов-горы (342 м) и Шуй-горы (327 м).

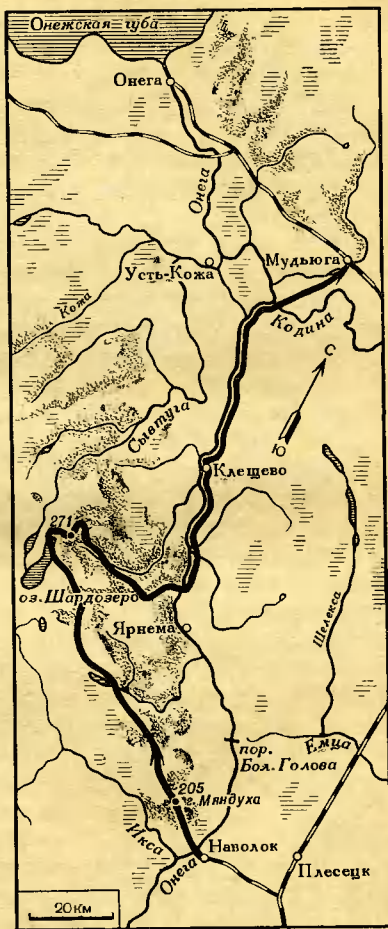
В восточной части возвышенности, отделенной от остального массива рекой Кожей и озерами Кожозеро и Шардозеро, высоты меньше. Эта часть носит особое название — Синие горы. Она казалась нам менее расчлененной, хотя и не менее сложной для ориентировки, чем центральная часть Ветреного Пояса. В излучине реки Онеги кристаллические породы зачастую скрыты толщей каменноугольных известняков, весь массив гуще покрыт еловыми лесами, чем в остальных частях возвышенности. На скальных обнажениях группируются сосновые боры, вдоль рек тянутся березовые заросли, на болотистых участках только редко-лесье.

В Синих горах на протяжении 150 километров нет населенных пунктов. Направление определяют расположенные почти по прямой вершины. Идея траверса Синих гор нашла одобрение у товарищей по походу.

...Полночь. До станции Пукса два часа, а клонит ко сну. Чтобы не проспать, повернулся к струйке морозного воздуха из вентилятора.

Бассейн реки Онеги, куда мы держим путь, заселен людьми в эпоху неолита. По-видимому, первыми жителями были предки современных саамов. Потесненные финно-угорскими племенами, они отступили на север. Однако еще в средние века кочевали и в районе озер Ветреного Пояса и южнее, возле Онежского озера.

Первые русские поселения появились в XII—XIII веках, когда

новгородские ушкуйники проникали по рекам на север; хлынули сюда и уходившие от бояр беглые крестьяне. Заселили русские и район Ветреного Пояса. Один из монастырей возник в XIV веке, в центре Ветреного Пояса — Кожпоселке на берегу Кожозера. В XVII столетии настоятелем монастыря был Никон: после избрания патриархом всея Руси он переехал в Москву.

Ветренный Пояс долго оставался глухим районом с затерянными среди болот лесными деревушками. Редкая связь с внешним миром поддерживалась летом на лодках, зимой на саниах и лыжах.

В годы гражданской войны фронт проходил в районе железнодорожной станции Обозерская, но деревни Ветреного Пояса так и остались забытым уголком. Отсутствие дорог, отдаленность деревушек одной от другой мешали нормальному развитию района. Не случайно, что в поисках работы население покидало насиженные места, переселяясь к железной дороге. В 1941 году провели железную дорогу Обозерская — Беломорск (Сорока), началась разработка леса между Ветренным Поясом и Онежской губой. Появились крупные леспромхозы...

В два часа ночи поезд остановился на Пуксе. Лесовоз, на котором мы должны добираться к начальному пункту маршрута — станции Наволок, отправится утром. В бревенчатом здании холодно и неудобно. Пассажиров почти нет. Мы дружно сдвинули скамейки, расстелили спальные мешки, уложили под головы ботинки...

Утром в единственном пассажирском вагончике лесовоза едут вместе с нами рабочие леспромхоза. Интересуются: кто мы, откуда, за чем едем, сколько за это платят? Обычные вопросы...

Полдень. Солнечно, мороз не больше десяти градусов. Метет поземка. Лед на Онеге покрыт толстым слоем снега. На противоположном берегу уже Синие горы.

Тайга встречает неприветливо. Высокие старые ели вытянули навстречу ветви, покрытые зеленомошником и толстым слоем снега. В лесу темно: свет не в силах проникнуть в чащу. Снег пушистый, мягкий, проваливаются даже наши широкие лыжи. Тащишь их все время под снегом. Лишь изредка носки лыж вспахивают снизу снежную гладь.

Первый заснеженный бурелом пытаемся обойти слева. Увы, завал длинный, лучше брать в лоб. Перед нами баррикада в полтора человеческих роста с задранными вверх толстыми корневищами. Между стволами снег проваливается: поставишь лыжи параллельно стволам — угодишь под деревья.

За первым завалом второй. На третьем вместе с тяжелым рюкзаком, перешагивая через верхний ствол, я потерял равновесие и провалился метра на два, опрокинувшись на спину головой вниз. Провалился и Эрик. Спутники с трудом вытащили нас по частям: сначала сняли наши лыжи, затем дотянулись до рюкзаков, и только после этого дошла очередь до их владельцев.

Истекал третий час ходьбы, и мы решили устроить очередной десятиминутный привал.

— Пойисты бы сала шмат! — почесав за ухом, сказал Сашко. — А то таких медведей из берлоги тащил, аж взоприл.

Сашко расстегнул рюкзак, и вместе с копченым окороком вывалились четыре пачки папирос.

— Эге, — сказал я. — Мы же порешили: никто не курит в походе, курева не берет. Не так, Сашко?

— Так, Генрих Иосифович,— смутился Сашко, сильно краснея и растерянно глядя на пачки. Мои спутники были студентами, я их преподаватель; естественно, что и в походе они называли меня по имени и отчеству.— Тилькы я так, на усякый выпадок.

— Ну вот, Сашко. Чтобы случая не было, покончим с куревом сразу,— сказал я, бросил одну пачку на левую лыжу, правой растер папиросы, втоптал остатки в снег. Кроме Сашко, никто у нас не курил. Я взял оставшиеся пачки и вопросительно посмотрел на своих спутников.

— Генрих Иосифович, не надо,— решительно сказала Настя. — Дайте мне, сохраню до конца похода и тогда отдам Сашко.

Настя аккуратно завернула их в запасные варежки и уложила в рюкзак.

Когда мы поели и поднялись, чтобы идти дальше, Сашко сообщил: термометр показывает минус десять. Еще три часа ходьбы и еще три больших завала. В пять часов дня начало смеркаться, лес поредел, на поляне лишь редкие чахлые елочки и осины. Здесь простирались замерзшие под снегом топи.

Мы пересекли редколесье в направлении видневшейся на северо-западе поросшей лесом возвышенности и, углубившись на 4—5 метров от опушки, остановились между двумя массивными елями. Решили ночевать.

Мы планировали устраивать все полевые ночевки в палатке-памирке. Можно, конечно, делать заслон и костер на всю ночь, но у малочисленной группы это отнимало бы каждый раз очень много времени и сил.

Скинув рюкзаки, разделились на две группы: двое обрубали нижние ветки на елях для растяжки палатки, другие распиливали сухостойный ствол. Утрамбо-

вали снег, нарубили лапника. Настя раскладывала его под палатку, вместе со всеми утепляла ветками заслоны под крылышками палатки, вход, заднюю стену. Вот уже палатка поставлена на хвойном матраце: мягко, не холодит снизу и сбоку, от ветра нас защищает лес.

У костра дежурит Сашко. Разложил три чурки, чтобы костер не уходил в снежный колодец, мешает в ведрах и напевает вполголоса украинскую песню.

После ужина, когда мы ложились спать, Сашко неожиданно предложил:

— А що, Гэнрих Йосыпович, колы я буду кожен вэчир поваром. Це мэни дужэ бильш, ніж россылаты хвою та мишкы?

— А что скажут Эрик и Настя? Ведь у костра меньше движения и ты можешь поморозиться.

— Та ни,— возразил он.

— Пусть дежурит,— поддержала Настя.— Если будет очень холодно — скажет, мы его подменим.

На том и порешили.

В семь часов утра еще темно, но Сашко уже встал и разогревает завтрак. Позавтракали, сидя на рюкзаках. Уже рассвело, когда мы вычистили снегом посуду, повесили на сухостойной ели завернутую в красную оберточную бумагу пустую консервную банку с запиской, пошли по азимуту.

Сначала по болоту. Спустя полчаса вошли в лес. Ель и сосна чередуются с березой. Попадаются заросли сплошного березняка, и приходится раздвигать тонкие белые стволы, чтобы продвинуться с рюкзаком. Встречаем бьющий из снежной ямы теплый родник; вода мутная, с неприятным запахом; по-видимому, минеральный источник.

После полудня идем пересеченной местностью, заваленной буреломами. Преобладают подъемы, некрутые, но утомительные, по рыхлому снегу, с коварно расставленными, пригнутыми снегом елочками и сосенками и лежащими на них упавшими деревьями. Согнутые снегом молодые деревца напоминают бублики. Раскручиваясь при первом прикосновении, «баранка» бьет снегом в лицо, сбивает с ног, под нею подстерегает глубокая, почти до грунта, яма. Из ямы трудно выбраться. Однажды в яму попал я. Дважды вытаскивали Сашко.

Под вечер начался снегопад. Поднимаясь по склону в сумерках, вышли на площадку, метрах в двенадцати от вершины Мяндуха. Купол ее зарос стройными высокими соснами. Крутая базальтовая плита покрыта толстым слоем снега, только на южном склоне обнажилась порода. Расположились на ночлег здесь же на площадке в лесу.

Уже совсем темно. Сидим вокруг жаркого костра, разведенного на обломке полусгнившего дерева.

Пока все хорошо: морозы слабые и мы еще невдалеке от населенной местности. Но каждый день похода удаляет нас от людей, и в любой день могут начаться морозы.

Мои размышления неожиданно прервал Сашко:

— Увага, увага! Внимание, внимание! — кричал он. — Говорить радиостанция «Ветреный Пояс» группы Анохина. Слушайте заполярный, синегорский, ветренопоясный концерт песни и пляски. Настраивайтесь на наши позывны.

И далее, под общий смех, Сашко пропел строку известной песни «Расставаясь, плакать запретил мне...», несколько раз повторил ее, а затем — «В запыленной связке старых писем...».

Пропев позывные, он пел что-то еще. Что это было? Смесь разных песен и импровизаций, лирических и походных, перемешанных друг с другом и с музыкой, которую он творил здесь же, на ходу. Свое пение Сашко сопровождал имитацией музыкальных инструментов, и нужно отдать должное: зажимая нос или растягивая губы, достигал редкого эффекта. Казалось, звучит то ксилофон, то саксофон, трубы, даже барабан. Затем он сплясал на тропинке между палаткой и костром. Мы оценили его старания и выдали в награду монпансье, чтобы отучался курить.

...За ночь тучи исчезли, к утру термометр показывал минус семнадцать. Начали подъем на Мяндуху. Ровный и крутой базальтовый скат преодолевали на лыжах лесенкой. Мучнистый снег держал плохо, то и дело сползал, взлет склона длиной каких-нибудь двенадцать метров взяли с большим напряжением. В девять часов утра мы на вершине. Высота — 205 метров.

С юга, востока и запада прямо под нами громадные сосны. Ничего, кроме них, не видим. На севере сомкнулись густые заросли берез, и далеко за ними море волнистого и бескрайнего хвойного леса. Сквозь кроны сосен видны медленно плывущие облака. Солнечно, морозно, видимость прекрасная. Но даже в такую погоду нельзя рассмотреть следующую контрольную вершину — Белую: азимут 300 перекрыт высокими соснами. Лишь угадывается взлет лесной волны, склона горы Белой.

Сашко оставил банку с запиской на сосне возле бивака, я повесил другую на сосне над северным скатом Мяндухи, по которому будем спускаться.

Спуск на юг и на запад крутой, опасный. На севере склон, как и на востоке, доступнее, но тоже лави-

ноопасный. Вся вершина чем-то напоминает египетскую пирамиду, но с соснами наверху.

Снег держится слабо. Решаюсь сорвать его своим весом, вызвав лавинку, чтобы расчистить спуск группе. Встаю на лыжах поперек склона и резкими приседаниями срываю довольно большой пласт снега. Он начинает быстро сползать, я успеваю отскочить в сторону.

Продираться сквозь березовую чащу на спуске так же неприятно, как и подниматься. Вокруг Мяндухи на запад и на север березняк с редкой порослью елей. Остатки горелых еловых пней свидетельствуют о том, что здесь был еловый лес. Березовый лес сменяется старым еловым, сразу же на пути поднимаются баррикады завалов и накренившихся стволов; их приходится обходить, памятуя об азимуте.

К полудню спуск закончился, потянулась однообразная тайга. Подъемы, спуски, обходы буреломов и «баранок». Попадаются и крутые холмы с выходами базальта. Наиболее массивные преодолеваем траверсом через вершину, чтобы при обходах у подножия не уйти далеко от азимута. Но траверсы нелегки, поэтому мелкие холмы обходим у подножия.

Мороз крепчает. Насыпавшийся на капюшоны и плечи ватных стеганок, растаявший было от тепла тела снег смерзается в корку. И хотя мы еще не мерзнем, признаки общего похолодания тревожат. А тут еще одна тревожная загадка.

Сегодня с утра, сразу же после выхода из березового леса, стали попадаться глубокие следы на снегу. Они очень напоминали человеческие. Но зачем человеку ходить без лыж по глухой тайге? А если это не человек, тогда кто же это? Следы медведя-шатуна?

В сумерки спустились на дно котловины, обрамленной с трех сторон холмами. Под молодой сосной вновь увидели свежие следы и с облегчением установились! Значит, опасности нет. Здесь же расположились на ночлег.

Назавтра около полудня вышли к небольшой речушке, покрытой поверх льда толстым слоем снега. На каком-то участке она совпадала с нашим азимутом, и мы идем по ней. Река извивается крутыми поворотами. Оставив ее левее маршрута, углубляемся в чащу смешанного леса.

Вскоре лес стал снова хвойным, мрачные ели заменили осину, березу. Темно, как в сумерках. Лес шумит от ветра, бушующего в вершинах елей. Пошли подъемы и спуски, буреломы и «баранки».

На ночлег останавливаемся на ровном участке в еловом лесу. Уже через полтора часа согреваемся кашей и горячим киселем, который, как отмечал сегодня в очередном концерте Сашко, очень удался.

Мы давно и как будто бы хорошо знаем друг друга. Но кажется, только теперь начинаешь по-настоящему узнавать спутников. И в поезде, и за четыре дня похода стала как-то особенно заметной замкнутость Эрика. Сначала казалось, он чем-то или кем-то недоволен. Но он всегда был таким, и на все попытки привлечь его внимание каждый раз следовало резковатое, недовольное, картавое: «Ну чего?» Затем он выполнял требуемое, будто бы сердито, но оставаясь таким же молчаливым, внешне недовольным, не улыбой. Помню, что в техникуме физкультуры, где он учится, студентки даже просили меня, преподавателя, чтобы я заставил его как-нибудь улыбнуться. Никто не верил, что он на это способен.

Сашко раньше выделялся разве что крупным носом и деревенской застенчивостью. Среди студентов его окрестили «Пантюхой Неавторитетным», но он не протестовал, не смутился, принял кличку чуть ли не с охотой, едва ли не как должное. Он писал стихи и одно опубликовал в стенгазете техникума физкультуры под псевдонимом «Пантюха Неавторитетный». Когда остряки увидели, что кличка не беспокоит его, и, как это и бывает, она отпала. В поезде и походе с каждым днем все более ярко проявлялась его любовь к работе, редкая работоспособность, юмор и выносливость, даже в таких условиях, когда утомительные дневные переходы более располагали к спокойному созерцанию, чем к деятельности.

Настя попала в группу неслучайно. Она отличается редкой выносливостью и недюжинной силой не только для двадцатилетней девушки, но и для парня. Как и самые крепкие ребята, запросто несет тяжелый рюкзак. В конкурсе на участие в походе она определила пятерых претендентов — парней.

Есть у нее и недостатки. Первый мы знали и раньше: она плохо запоминает все новое — названия, приемы скалолазания и туризма, имена. Мы удивлялись тому как она может учиться в Институте иностранных языков.

Второй недостаток Насти проявился только в этом походе. К концу дня она обычно норовила кого-нибудь зацепить едким словом, поспорить. Меня она, кажется, побаивается и предпочитает не вступать в разговоры, замечания принимает к исполнению беспрекословно. Зато Эрик и Сашко подвергаются атакам Насти почти каждый вечер. Эрик не отвечает на выпады. Сашко же воспринимает их добродушно, отделяется шутками и не дает повода для перебран-

ки. Настя остывает, а там — отбой. И так до следующего вечера. Думаю, что эта сварливость Насти в походе — своеобразная реакция на усталость.

...Как и на других предыдущих биваках, всю ночь мешают спать какие-то шумы. Но сегодня сильнее, чем прежде, кажется, что откуда-то доносятся голоса. Вот совершенно явственный женский крик. А может быть, детский?

Я прислушался. Кажется, где-то залаяла собака, далеко-далеко. И вдруг я вздрогнул: совсем рядом раздался сильный глухой стон.

— Генрих Иосифович, слышите? — спросил Эрик.

— Слышу. Вылезем, посмотрим.

Шумели, как морской прибой, кроны деревьев. В воздухе стоял тихий стон, и откуда-то изредка доносился скрип, будто едет много подвод. Что-то ухнуло, но потонуло в общем шуме. Но вот мы опять услышали близкий стон, а потом будто мальчишеский голос прокричал: «Ау-у!»

Мы откликнулись, раз, другой, разбудив своими криками остальных. Но нас, наверное, не услышали в лесу: никто не отозвался. А когда залезли в палатку, опять кто-то, покрывая общий шум, громко и близко застонал.

Мы постояли, прислушиваясь несколько минут, в полном недоумении, даже смятении. Чувствовалось, как колышется палатка. Наверное, раскачивались стволы деревьев, на которых закреплены растяжки.

Легли в спальные мешки и тотчас вскочили от страшного треска в воздухе и сильного толчка снизу. Что-то рвануло палатку, зловеще заскрипело за стеной. Но и вне палатки ничего нельзя разобрать: все выло, стонало, хрипело в совершеннейшей темноте.

На рассвете увидели страшную картину разрушения. Метрах в семи от палатки, разметав снег, зарылась в его толще громадная ель. Падая она, наверное, сшибла другую, меньшую, и та застряла кроной между деревьями, к которым крепилась палатка. Над нами висел большой лапчатый ствол. И дальше по лесу, где мы предприняли круговую разведку, чтобы найти какие-нибудь следы кричавших, были страшные разрушения. Казалось, что самые крупные и красивые ели вырваны с корнем.

В половине девятого выходим. Темно и мрачно. Раскачиваемые ветром, ели скрипят, потрескивают, кажется, даже стонут, мохнатые бороды из лишайника ритмично раскачиваются. Мы чувствуем себя в сказочном лесу в окружении зеленых леших. Они сбрасывают на нас охапки снега. Уже через час мы и сами превращаемся в ходячие сугробы. Мне приходит мысль, что ночными шумами были, пожалуй, скрип деревьев или крики птиц, потревоженных приближением бури.

Погода, однако, не может остановить нас. Успешно продвигаемся по компасу. Местность сильно пересеченная, густой лес и буреломы по-прежнему на пути. Примерно с час идем по большой плешине, замерзшему болоту с чахлыми стволами одиноких деревьев. Здесь метель бушует всюду, ветер сбивает с ног. И еловый лес с завалами, и участок очень густого смешанного леса кажутся куда приятнее после болота. К половине одиннадцатого выходим на берег южного притока реки Белой, берущего начало на южных склонах одноименной горы. Вдоль крутых берегов непролазная стена тонкоствольных лиственных деревьев.

На северном берегу начали подъем. В полдень выходим на высшую точку горы Белой (204 м). Склоны

горы и сама вершина покрыты сплошным бором. Даже не будь такой, как сейчас, метели, вряд ли можно увидеть что-нибудь сквозь густую стену сосен. Только усилившийся ветер говорит о том, что мы на обдуваемом со всех сторон возвышении. Обедаем на вершине.

Определив азимут, двинулись дальше. Весь остаток дня ушел на спуск. Обошли очередные восемь завалов. К трем часам дня ветер утих, густо валит снег. Выходим на большую поляну, образованную, по-видимому, лесным пожаром.

Остановились на ночлег у нагромождения сухо-стоя на опушке.

Утром погода пасмурная. Дует сильный северный ветер и густо падает снег. Идти трудно. Снег тает на одежде. Вскоре она становится совсем мокрой, отсырели и ботинки.

Десяток небольших подъемов и спусков в густом ельнике — и, обойдя шесть буреломов, выходим к реке Сухой. Продравшись сквозь чащу к крутому берегу, осторожно спускаемся на заснеженное русло и около часа идем вверх по течению. У промоин, образовавшихся, видимо, над порогами, перешли на правый по ходу берег и, преодолев барьер густой прибрежной лесной чащи, движемся параллельно реке.

Ветер утих, но мороз усилился, одежда превратилась в обледенелые, несгибающиеся панцири. Особенно неудобны ватные стеганки: они впитали в себя за эти дни столько влаги, что по утрам их приходится выжимать, прежде чем надеть. С утра сегодня тепло, и стеганки под клапанами рюкзаков превратились в тяжелые огромные ледышки.

По плану у нас дневка, и мы особенно тщательно выбираем место бивака. Теперь, когда началось похо-

лодание, нужно отдохнуть, подготовиться к переходу. Около пяти часов дня минус двадцать семь. Пока Сашко варит ужин, мы, надев валенки, пилим, рубим и складываем на хвойной подстилке сухие еловые чурки.

Впервые поднялись поздно, когда солнце уже светило вовсю. Ветра нет, но мороз лютый. Из-под конька палатки едва ли не до спальных мешков свисают мохнатые белые гирлянды инея. В момент подъема термометр показывал минус сорок. На почве, в семь утра еще больше: минус сорок семь — сорок восемь градусов.

Весь день сушились, развели такой мощный костер, что никакие подкладки из бревен не выдержали. Огнем растопило снег, и наш костер оказался в глубоким двухметровом колодце. Обиваем снег с краев колодца и делаем траншею — спуск в колодец; тут можно отлично высушить все, кроме стеганок; для них нужна более длительная сушка.

Выходим с Эриком на разведку. Шли частью по реке Сухой, частью к западу от нее по лесу. С рюкзаками лес труднопроходим, поэтому вернулись к биваку другим маршрутом, на восток от реки, и развели новый путь. Здесь идти легче.

Под вечер мороз усилился: минус сорок два. Багряный пылающий закат не предвещал ничего хорошего и на завтра. И действительно, ночь звездная, мороз лютый. Внутри палатки подобно сталактитам в пещере свисают длинные нити инея.

Как мы и предполагали, путь по реке оказался удобным. Дальше уходим в лес, двигаясь параллельно реке.

В полдень прежние минус сорок два. Часа через два свернули на запад, к заснеженной протоке, по-ви-

димому замерзшему истоку реки. Заметили остатки старой просеки поперек протоки, с запада на восток. Весь день подъем, пока не вышли к крутому спуску с базальтовыми бараньими лбами по бокам просеки. Спускаемся к ровной низине перед рекой Пыссомой.

Сашко уверенно устремился первым, но возле речной площадки упал. Притормаживая, по одному подъехали к нему. Сашко пытался встать, но правая лыжа глубоко зарылась в снег: он наткнулся на пень под снегом и сломал лыжу пополам.

Эрик отдал ему запасную лыжу, и, пока Сашко с Настей вытаскивали обломки, Эрик и я вышли к берегу выбрать место для палатки. Какова же была наша радость, когда слева от просеки увидели приземистый таежный сруб. Подоспевший Сашко сбросил старые лыжи и рюкзак и, оттолкнув подпиравшую дверь палку, первым залез в сруб.

В нем темно, но тепло. Это одна из тех избушек, которые с незапамятных времен построены в тайге охотниками или рыбаками и в которых никто не живет постоянно. Избушка маленькая, и мы со своими рюкзаками едва поместились. В углу очаг. Топится он по-черному, без дымохода. Сашко обнаружил на скамеечке папиросы, соль, пилу, кружку. На стене вырезанная ножом, не закопченная дымом надпись, на которой значилось, что 15 марта 1946 года в направлении пункта, которого не было на нашей карте, вышла экспедиция геологов. Сегодня как раз 15 марта. Сколько же лет никто не был здесь!

Пол устлан слежавшимся сеном. Пока Сашко и Настя наводили порядок, раскладывали вещи, Эрик и я ушли за дровами. Решаем остановиться здесь на дневку.

Когда затопили очаг, вся избушка наполнилась горьким дымом. Вытащили соломенный кляп в стене, пробили дырку и, пока выходит дым, лежим на полу. Когда снова закупорили дыру, в избе стало жарко от горячих камней. Разделись: майка, трусы и... валенки. Отлично поужинали, ибо Сашко сегодня особенно блеснул своими кулинарными способностями.

Вечером при свете жирового коптильника пишем дневники. Настя в «летне-зимней форме» вышла на мороз и тотчас же позвала нас. Мы выскочили наружу и застыли: по небу разливалось полярное сияние. Сначала видим чуть заметную полосу, с каждой минутой она растет и вот уже переливается всеми цветами спектра. Преобладает зеленый. Сияние, мигая, охватило полнеба.

Установили, что наш третий контрольный пункт лежит точно на запад, за густым еловым лесом и высоким бором, иначе: немного на север, затем по реке Пыссоме. До разведки Сашко отремонтировал лыжу, предпочитая не трогать новую. К вечеру мороз достиг апогея — сорок восемь градусов! Но мы твердо решили на другой день двигаться дальше.

Корытообразное русло Пыссома очень извилисто. Уже светало, когда мы поднялись на левый по ходу берег и углубились в лес. Выбрались на гребень возвышенности, похожей на огромную железнодорожную насыпь, поросшую с обеих сторон громадными соснами. Трудно определить высшую точку горы Сточной на этой ровной «насыпи». Обзора нет, барьер сосен заслонил все.

Мы двинулись примерно по азимуту 320 и, только начав спуск, замечаем, что это и была вершина Сточная. Ее высота 246 метров.

Вышли на заснеженную гладь Шардозера. Ярко светит солнце. Тихо и морозно, минус сорок. Путь легкий, и мы не спеша за два часа дошли до северной оконечности озера. В сосновом редколесье заметили старую лыжню. Она петляла и привела на громадный участок спиленного леса. На свежем спиле мягким углем написано: «Закончили работу в 3 часа дня. Жрать охота. Спешим домой. Борис и Сергей». На других стволах дата «8.III» и неразборчивая подпись. Расположились в палатке на опушке леса возле порубки. Сухой мороз даже при полном безветрии пощипывал лицо и уши, жег в носу, но в сухих спальных мешках он уже не страшен.

День спустя достигли высшей точки Синих гор — Сиверки (271 м). Редкие мощные сосны возвышались на ее массивном куполе. Юг тонул в блестках морозного серебра. На север простиралось бескрайнее море леса с рябыми пятнами болот. Где-то, очень далеко на северо-запад, на границе видимости, клубился в сизо-морозной дали белый дымок.

На севере белая лысина порубки у реки Юковы. Примерно в километре виднелись возвышения, мы приняли их за избы. Но ни людей, ни дыма не видим.

Спускаемся на север в стройном, чистом от завалов сосновом лесу. По мучнистому, не создающему опоры снегу трудно идти напрямик по крутому склону. Пришлось спускаться зигзагами. Пройдя за час несколько канав непонятного происхождения и неожиданных обрывчиков, оказались возле «домиков». Увы, это заснеженные валуны.

Здесь закончился наш траверс Синих гор по азимуту 300.

Второй этап — выход к лесопунктам и деревням по Онеге.

Не буду рассказывать об этом маршруте, хотя он надолго останется в памяти. Упомяну только о нескольких встречах.

Дальнейший путь по населенной местности после выхода из поселка Пыссомы ознаменовался интересным событием. Пока мы ожидали Эрика, вылезавшего после падения из сугроба, из лесу на очень широких лыжах вышел охотник и бодро приветствовал нас:

— А, здорово, команда Онохина!

Мы поздоровались и поинтересовались, откуда он знает о команде Онохина. Охотник засмеялся и, обтирая с жидких желтоватых усов намерзшие сосульки, сказал:

— А как Онохина-то, не знать? Чай, свой будешь! Родич али земляк! Ты ли, долгбй, сам-то Онохин будешь? — он указал на меня, и я согласно кивнул головой. — Ишь какой долгбй выдул! У нас тут все Онохины-то маненькие, щупловатые мужичонки.

Новый склон задержал нас, и двое из четверых завершили спуск на спине.

— С такими горбами не грех падать, — оправдывал нас охотник, поглаживая рюкзаки.

— Откуда же мою фамилию знаете? — осведомился я.

— Там, на Онеге, — он указал рукой вперед, — еще вчера об Онохине узнали. Пришел охотник с Пыссомы, говорит, видел. А здесь более половины Онохины. Ну и сразу разошлось: наш Онохин с юга лыжничков привел. Чай, забыл свою родину — Пертемуто? Там и сейчас только Онохины живут. Я и сам Онохин. И на Пыссоме Онохины.

Так вот оно что! А мы диву давались, почему это рабочие лесопункта Пыссомы, узнав наши фамилии,

говорили: «Пришли родственнички, свои, землячки».

Охотник сказал «Прощайте» и пожал каждому руку, собираясь уйти. Настя шепнула:

— Генрих Иосифович! Вот бы кому папиросы подарить.

— Давайте, я сам,— отозвался Сашко.

Онохин отошел уже с десятков метров, когда Сашко крикнул:

— Товарищ! Хочу папиросками угостить. Да нет, нам не нужны. Я один курящий был и то за поход бросил.

— Спасибо, паря. Папироски здесь редко бывают.

Первая деревня на реке Онеге — Городок. В сплошной темноте заканчиваем переход в большом селе Турчасово.

Быт северян — непочатый край для этнографа. Наряду с новым сохранилось много старины: песни, сказания, народная медицина, даже знахарство. Избы северорусского типа: большие, с высокими глухими бревенчатыми стенами. Здесь можно встретить и старинные одежды, и образцы вышивок с рисунками.

Надолго запомнился вечер в деревне Клещево у Александра Устиньяновича Попова. Начитанный и культурный человек, он отлично знал свой край. Страстный охотник и рыболов, побывал и в Синих горах, ловил с бригадой колхоза рыбу на Онеге и в Белом море.

На последнем нашем ночлеге в деревне Большой Бор старушка Колчина рассказала, что видела в годы гражданской войны оккупантов на станции Обозерской, знала красных партизан, отряд которых действовал между станциями Мудьюга и Обозерской.

Еще несколько дней — и Мудьюга. Трудное путешествие завершено. Поезд должен прийти ночью.

Сложив рюкзаки и лыжи в зале ожидания, долго стоим на перроне и, пока не замерзли, смотрим на юг, туда, где за сотню километров от нас протянулся невидимый сейчас в темноте ночи таежный кряж Ветреный Пояс...

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Очерки по истории колонизации Севера, вып. I. Пг., 1922.
Очерки по истории колонизации Севера, вып. II. Пг., 1922.
Природа и люди Севера, сб. I. Архангельск, 1927.
Карбасников М. Н. Ветреный Пояс, вып. I. Л., 1940.
Рихтер Г. Д. Север Европейской части СССР. М., 1946.
Сидоров М. Север России. СПб. [без даты].

Е. АЛЕКСЕЕВА и В. АЛЕКСИНСКИЙ

Жемчуг Дивьей пещеры

Давно известна Дивья пещера на Урале. Еще в 1770 году русский путешественник капитан Н. П. Рычков посетил ее первые гроты. «Все стены сея палаты украшены сими чудесными фигурами,— писал он.— Не меньше того находится тут и каменных свеч, находящихся во внутренности других пещер, также и горного жира, рождающегося от водяных капель и украшающего белизною своею все стены оныя храмины».

С тех пор в пещере побывало немало исследователей. Многим туристам и спелеологам знакомы ее полные сурового очарования величественные гроты с причудливыми каменными драпировками и занавесями, ажурным кружевом сталактитов, причудливыми колоннами и сталагмитами, подземными озерами с кристально прозрачной водой.

Многим пришлось потрудиться, чтобы пробраться в ее извилистые узкие ходы и глинистые лазы, преодолеть завалы многотонных глыб.

Схематический план Дивьей пещеры
(Цифры 1—24 обозначают сложные участки)

До последнего времени считалось, что Дивья пещера тянется на 1749 метров. В июле 1963 года туристы открыли продолжение пещеры, вскрыли проход в новую подземную систему.

Зимой 1964 года спелеологи Московского университета исследовали новую систему. Около десяти суток провели они под землей. Эти двести тридцать четыре часа стали рекордом непрерывной работы в пещерах нашей страны. Был завершен и штурм новой системы, длина всех ходов Дивьей пещеры составляет почти 3200 метров.

Этой экспедиции и посвящен наш рассказ...

Величественны укутанные снежными сугробами черные пихты. Белое безмолвие широких лесных полей, торжественную тишину глухой северной тайги

нарушают лишь потрескивание стволов от сорока-четырехградусного мороза да скрип лыж и тяжелое дыхание людей, пробирающихся по снежной целине. Большие и маленькие причудливые снежные идола то улыбаются, то подмигивают, то хмурятся при виде человека, осмелившегося вторгнуться в их чертоги.

Что-то прошелестело, посыпались сверху хлопья снега, и вот уже загудел в верхушках пихт и елей северный ветер, полетела поземка, заматавая наши следы, закружилась между деревьями белая мгла. А нам нужно отыскать в этой неразберихе вход в Дивью пещеру, штурм ее и исследование — наша цель.

Небольшой провал на высоком крутом склоне реки Колвы — вход в пещеру. До него от соседней де-

ревушки Цепии около трех километров по тайге, без дорог и троп. Когда наконец после долгих и утомительных поисков в полутораметровой снежной целине мы достигли входа, то не узнали знакомые с лета места. Вместо широкого отверстия в склоне под столетней высохшей березой лишь небольшая щель между огромными снежными надувами. Над отверстием слегка покачивались от поднимающегося изнутри воздуха гирлянды снежных кристаллов, поблескивающих в лучах заходящего солнца.

Не верилось, что эта небольшая щель скрывает километры подземных галерей, огромные гроты Дивьей пещеры.

Некоторые авторы называют ее Девьей. По преданию, в незапамятные времена на высоком правом берегу Колвы жила дева невиданной красоты, на другом, левом берегу — красавец богатырь Ветлан. Полюбили они друг друга, мечтали соединить сердца, но Колва разделяла их, преграждала путь к совместной жизни. Дева пыталась переплыть реку, утонула, превратилась в стройную береговую скалу — камень Девий. Горе превратило в камень и Ветлана.

Имя перенесли на расположенную неподалеку пещеру, название трансформировалось в «Дивью».

По другому преданию, на высоком береговом камне жила дева, предводительница чудского племени. Ветланом и Девой называются самые большие гроты в пещере.

Но нам пора в путь. Темнеет. Осторожно опускаем рюкзаки, прячем под снегом у входа лыжи и один за другим, скользя на спине, исчезаем в чернеющей глубине. Прощай, солнце, на много дней!

Нас сразу же обступает непроглядный мрак, словно наваливается плотной черной стеной. Включа-

ем фонари, начинаем пробираться по узкому, извилистому ходу, спотыкаясь о камни, задевая за выступы, стены: глаза все еще не привыкли к слабому освещению.

Грот Первый будет нашим первоначальным пунктом. Штурм новой системы надо начинать от грота Дальнего старой части пещеры, почти за километр от входа. Там будет подземный базовый лагерь.

Упаковываем все снаряжение в небольшие мешки, более удобные для движения в пещере. Глаза понемногу привыкают к постоянной тьме. Стена мрака отступает, различаем в лучах фонарей причудливые очертания стен, бриллиантами сверкают капли воды на потолке, на кончиках сталактитов.

Минуем первые гроты. Вот остался позади Трубный, похожий на широкую органную трубу с гладкими отполированными водой стенками. Под его сводом гулко раздается эхо от шагов и голосов. Любуемся правильными очертаниями грота Круглого, огромной воронкой грота Рычкова, заваленного обрушившимися со свода каменными глыбами.

У входа в подземное царство нас встретили стройные сталагмиты

Дальше нас ждет первое подземное испытание — проход Туристов: узкий и низкий лаз между осевшими сверху гигантскими блоками, пробираемся на четвереньках, кое-где и ползком, то и дело ход перего-
раживают торчащие острые камни или сталагмиты.

Ползешь и ползешь по самому неприятному лазу, и, словно в награду за твое усердие, стены вдруг расширяются, свод возносится высоко над головой, луч фонаря тонет во мраке уходящего вдаль огромного грота. Это знаменитый Ветлан. На полу нагромождены глыбы, стены задрапированы натечным кальцитом, причудливыми каменными занавесями и складками. Осторожно обходим обрыв грота Истости-

Тем, кто хочет побывать в Галерее чудес, придется превратиться в кротов.

на. Оглянешься — людей и не видно, только покачивается яркий пунктир фонариков во тьме.

Внимание! Справа обрыв, ведущий к гроту Девы. Направим вниз луч света, посмотрим на огромные глыбы, которые создали перепад высотой более 5 метров. Справа нависли такие же глыбы. Стараясь не коснуться их, спускаемся по мокрым скользким камням, и вот мы в волшебных чертогах грота Девы.

Название его заставляет еще раз вспомнить предания о красавице и ее суженом. Сочетание суровой силы и нежной красоты. Вот что такое подземное царство! Свод зала поднимается еще выше, теряясь в непроглядной тьме, стены словно раздвигаются, открывая огромный, величественный зал. Внизу завал громадных камней, на них неожиданно прекрасные в хаосе грубых каменных глыб группы сталагмитов, на стенах причудливые переплетения натеков.

Невольно останавливаемся и любуемся величиной и красотой подземных чертогов.

А дальше длинной чередой сменяются узкие лазы и щели, широкие гроты и проходы. Чем дальше, тем разнообразнее причудливые каменные украшения: ажурная вязь сталактитов, группы сталагмитов, натечные драпировки, бахромки, занавеси, как будто природа решила раскрыть свои богатства в награду тем, кто преодолевает препятствия на подземном пути.

Наконец грот Дальний. Почти в километре от входа располагаем базовый лагерь. Телефонный провод соединил нас со входом в пещеру и с новой системой (грот Отдых). Связь никогда не выключалась, и из наушников постоянно доносился голос Большой земли — звуки морзянки, обрывки музыки, сигналы точного времени. Все это создавало успокаивающий звуковой фон в окружающем нас мире тишины и мрака.

Подземный лагерь в гроте Дальнем

Вода почти рядом. 300 метров отделяют нас от подземного озера, но, прежде чем до него добраться, надо пройти через глыбовые завалы, пяти-, десяти-метровые перепады, узкие лазы и щели. Ничего не поделаешь: до выхода, где можно развести костер и натопить снега, еще дальше. Первые походы за водой заканчивались иной раз печально: бачок с водой не раз опрокидывался на глыбовом перепаде из грота Кабан в грот Трущобу.

Приходится приспосабливаться и к необычному подземному климату: температура около четырех градусов, влажность воздуха почти стопроцентная. Пол покрыт вязкой, сырой глиной, по стенам сочится

вода, с потолка капель. Но спелеологи народ неуны-
вающий. За десять суток, проведенных в пещере, была
даже создана песня о нашем подземном доме:

В подземном лагере сидим,
От света дня он так далек,
И так приятно нам глядеть,
На свечки яркий огонек.

Во тьме блестит палатка наша,
Капель тихонечко звенит,
Над газом закипает каша,
Присядь к столу, под сталактит.

Весь день трудились мы с тобой.
Прошли здесь долгий, трудный путь,
Создали дом свой под землей,
Где можно жить и отдохнуть.

Мы разведали уже 1,5 километра новых подзем-
ных путей, куда еще не ступала нога человека.

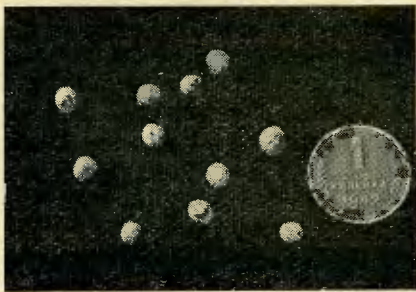
Новая система начинается лабиринтом тесных,
низких, глинистых ходов; в них можно пробираться
лишь ползком, протискиваясь в некоторых местах на
полном выдохе, словно вжимаясь в пол от придавив-
шего тебя сверху потолка. Кратчайший путь сквозь
этот лабиринт длиной 128 метров мы назвали Про-
катным станом. Ведь некоторых из участников приш-
лось буквально протаскивать силой, особенно в уз-
ких лазах с низко нависшими сводами. Больше всего
в таких лазах доставалось комбинезонам. Лоскуты
на острых сталактитах отмечали наш каждодневный
путь, к концу экспедиции от новеньких комбинезонов
осталась комбинация заплат и дырок, причем явно
преобладали последние.

Первый удобный грот в новой системе мы так и
назвали Отдых. В этом гроте можно было немного

отдышаться после Прокатного стана и набраться сил перед трудным финишем.

Дальше тянулся длинный извилистый коридор основного хода, то покрытый глиной, то забитый глыбами известняка, обвалившимися с потолка. Во многих местах коридор прерывался огромными гротами с гигантскими завалами каменных глыб. А эти огромные воронки — следы некогда происходивших грандиозных катастроф, когда все рушилось, проваливаясь в еще более глубокие горизонты, размытые потоками подземных вод. Во многих местах и сейчас еще остались грозно нависающие с потолка блоки, которые могут обрушиться при первом неосторожном прикосновении. В гроте Провальном нужно осторожно пробираться, прижимаясь к стенам: прямо из-под ног скользящая каменная осыпь обрывалась в чернеющий внизу мрачный провал.

Для штурма Провала мы запаслись веревками, карабинами, захватили приборы для топографической съемки: там может оказаться продолжение системы. Выбираем подходящее место — небольшое отверстие между глыбами, рядом с основным провалом. Первый спускается со страховочной веревкой. «Ну кто там? Спускайтесь, только тихо! — доносится приглушенный глубиной го-

Пещерный жемчуг (для масштаба
рядом лежит копейка)

лос.— Можно без веревки, распором между глыбами». Собираемся вниз. Освещаем потолок: сверху в беспорядке громоздятся грозные глыбы, держатся каким-то чудом, не падают. Все притихли, надо бы оглядеться, но хочется побыстрее покинуть эти опасные места.

Обследуем дальше провал. «Внимание! Новый ход!» Да, и широкий, просторный. Устремляемся друг за другом, внимательно осматривая все ниши, углубления, чтобы не оставлять ведущих в стороны неразведанных ходов. Вот одно такое ответвление, отмечаем его на плане и двигаемся дальше. За поворотом ход неожиданно выводит в высокую широкую галерею, уходящую далеко в обе стороны. «Ура! Еще одна новая система». Перед решающим штурмом присаживаемся перекусить. И вдруг громкий хохот оглашает пещеру. Один из спелеологов, устраиваясь поудобнее на большом камне в центре галереи, обнаруживает отметку ранее сделанной нами съемки. Оказывается, мы замкнули кольцо одного из подземных лабиринтов.

Но самое удивительное в новой системе то, что мы назвали Галерей чудес. Это двухсотпятидесятиметровый извилистый ход, который ответвляется от основного. Здесь мы попали в музей, где словно специально подобраны почти все виды натеков и кристаллов кальцита, известных в пещерах.

А это сталагмит теремок

Гирлянды белоснежных сталактитов, огромные королевские сталагмиты самых разнообразных оттенков: белоснежные, цвета слоновой кости, нежно-кремовые, густо-янтарные. А рядом длинные прозрачные трубочки сталактитов-соломинок, прихотливо изогнутые геликтиты. Тут же озерки с чистейшей водой, стенки и дно их покрыты щеточками нежных игольчатых кристаллов кальцита, причудливые колонны, пагоды и теремки, занавеси и драпировки, созданные природой из камня.

В одном из гротов пещеры нас ждут уникальные скелетные кристаллы кальцита, которые находили лишь в единичных пещерах мира. А в наиболее отдаленных и глухих уголках мы обнаружили настоящий пещерный жемчуг. Крохотные кальцитовые жемчужинки устилают дно неглубокого озера.

Незабываемы были для нас эти часы в галерее Чудес. Кстати, она оказалась вовсе не безжизненной. В больших гротах основного хода зимует несколько колоний летучих мышей, в узких проходах мы заметили спящих или ползающих лесных комаров. Как попали наземные существа в систему подземных полостей, почти за 2 километра от входа, под пятидесятиметровую толщу известняка, не имевшую до сих пор видимой связи с дневной поверхностью, остается загадкой.

Экспедиция подходит к концу.

Кроме разведки и штурма новых ходов спелеологи провели топографическую съемку (см. схему), некоторые научные наблюдения, собрали образцы подземной фауны.

Вот уже десять суток не видели мы дневного света. Пора на поверхность, к солнцу. Последние часы в пещере заняты переноской к выходу снаряжения,

образцов известняка, глины, а также проб воды. Вытаскиваем связи, изворачиваясь в тесных проходах между глыбами, тянем через узкие щели, где едва проползаешь сам, балансируем на глыбовых завалах. За один раз не удастся захватить и половины груза. Наконец последний рейс.

Прощальный луч фонаря медленно скользит по знакомым местам, и, право же, не хочется покидать этот ставший таким близким подземный мир.

Выбираемся на поверхность. Темные очки для защиты глаз от первых лучей солнца после многосуточной тьмы оказались ненужными: на земле глубокая ночь.

Тишина. В мягком свете звезд заснеженная тайга кажется пушистой и доброй.

Прощай, красавица Дивья! Впереди новые походы, новые открытия.

СПЕЛЕОЛОГИЯ

Илюхи В. и Дублянский В. **Спелеология — наука + спорт.** М., «Физкультура и спорт», 1964, № 10, стр. 21—22.

Кастере Норбер. **Зов бездны.** Пер. с франц., изд. 2. М., «Мысль», 1964. 174 стр. с илл. (Геогр. серия «Путешествия и приключения»).

Описание пещер в Пиренеях.

Кастере Норбер. **Тридцать лет под землей.** Пер. с франц. Предисл. д-ра геогр. наук Н. А. Гвоздецкого, изд. 2. М., «Мысль», 1964. 159 стр. с илл. (Геогр. серия «Путешествия и приключения»).

О Пиренейских пещерах.

Кирнлов И. А. **Тайны Красных пещер.** М., «Физкультура и спорт», 1959. 95 стр. с илл. (По родным просторам).

Поход юных туристов в Красные пещеры Крыма.

Методика изучения карста. В десяти выпусках, Пермь, 1963.

Вып. 9. Пещеры. 1963. 95 стр. с илл.

Вып. 10. Изучение карста туристами и учащимися. 1963. 27 стр.

Родионов Н. В. **Карст Европейской части СССР, Урала и Казахстана.** М., Госгеолтехиздат, 1963. 175 стр. с илл. и карт.

Рубель Р. Б. **В горах и пещерах.** Свердловск. Кн. изд-во, 1963. 147 стр. с илл. (Турист СССР).

Туризм в горах и пещерах.

Смирнов В. И. В глубинах пещер. Симферополь, Крымиздат, 1964. 103 стр. с илл.

Смирнов В. И. В мире вечного мрака. М., «Мысль», 1964. 110 стр. с илл. (Геогр. серия «Рассказы о природе»).

О пещерах Крыма.

Турнестские маршруты по Башкирии (По рекам и пещерам). Уфа, Башкиргоиздат, 1963. 196 стр. с илл. и карт.

Холидей Уильям Р. Приключения под землей. Рассказ о больших пещерах запада США и их исследователях. Пер. с англ. М., Географгиз, 1963. 239 стр. с илл. (Рассказы о природе).

Хороших П. П. По пещерам Прибайкалья. (Экскурсии в пещеры Прибайкалья). Иркутск, Кн. изд-во, 1955. 72 стр. с илл. и карт.

Якуч Ласло. В подземном царстве. Пер. с венг. М., Географгиз, 1963. 272 стр. с илл. и карт. (Рассказы о природе).

К. МАТВЕЕВ

По далям таежных рек

Скитальцы по натуре, геологи по профессии, Матвей и я испытали и выюги хибинского Заполярья, и зной пустынь Туркмении, любовались снежными исполинами Кавказа и Памира. А сибирской тайги еще не видели. Третьим участником нашего туристского путешествия стал Сева. Тоже геолог, но в отличие от нас бывалый таежник.

...И вот мы забрались в самое сердце Сибири. Долго ходим по Красноярским затонам, подыскиваем лодку. Пахнет смолой и рекой. В жаркой мгле повис сероватый ажурный контур моста-громадины через Енисей. Поддерживаемый десятком быков, он связал основную часть города с его новым районом на правом берегу.

— Вам вот такая подошла бы? — Широкоплечий небритый парень показывает новенькую, похожую на

древнерусские ладьи, лодку.— Ангарка. Килограмм шестьсот запросто потянет. Хорошая посудина, особенно с мотором «Москва».

Но эту лодку нам приобрести не удастся: дорогá. На следующий день находим ангарку — правда, не новую, с трещинами. Ее еще надо конопатить, смолить. Пока мы забивали щели обрывками веревки и заливали все это варом, Сева уже смастерил пару добротных, хотя не совсем однозначных, весел.

Конечно, попав сюда, нельзя не нанести визита заповеднику Красноярские столбы. Волны качающихся крон — и среди них скалистые пирамиды, чем-то напоминающие базальтовых богов Аку-Аку. Этот суровый простор, открывшийся с Четвертого столба, поразил нас. Правда, попытка залезть на него (влезли и не сорвались!) была еще более захватывающей. Сами названия этих сиенитовых громад — Перья, Крепость, Беркут, Дед — хорошо передают их облик.

Ранним утром в путь. Плесы и потоки Енисея ждут.

Енисей — самая полноводная из рек страны. «Ионесси» — по-эвенкийски «большая вода». «Бывало, так прибует воды, когда весна дружная, что и из дому не выйти. В магазин чуть ли не на моторке ездят», — рассказывает старожил маленького поселка Лебедь.

...Первые дни пути идем поближе к берегу, обкачиваем новенький мотор «Москва». Чуть газку прибавим, Сева ругается, опять переходим на малый.

Часто встречаются поселки леспромхозов, идут вниз громадные плоты леса. Некоторые из них обгоняем чуть ли не по получасу, это значит, что они тянутся почти на десяток километров. А впереди такого каравана трудолюбиво пыхтит маленький буксир-

чик, задавая нужное направление: тащить такую машину ему, конечно, не по силам.

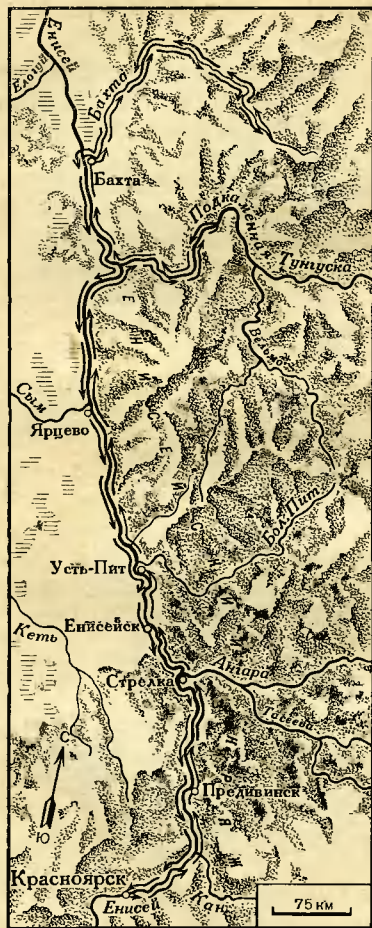
Все время «по-над берегом», как говорят в этих местах, бегут машины. Здесь проходит знаменитый Енисейский тракт. Высоко в небе проносятся ИЛы и «Ли». Где же ты, дикая молчаливая тайга, о которой говорил Антон Павлович Чехов? Перед нами тайга покоренная и освоенная.

Один из нас посменно на руле, двое других лежат, подставив спины солнечным лучам. Четвероногий спутник лайка Нарым любит забраться на нос ангарки и, громко щелкая зубами, с увлечением охотится за слепнями и мухами.

Блестящая, словно отшлифованная, поверхность воды покрывается теплыми длинными отсветами. Вечереет. Река, мягко шурша, лижет прибрежный песок. Набрав на берегу сухих смоляных коряг, пытаюсь развести костер. Легкий ветерок пресекает мои старания. Сева выходит из лесу с охапкой лапника и, глядя на меня, говорит:

— Вон береза лежит, нарви бересты, сразу загорится.— И тут же к Матвею, который ходит вокруг перекошенной палатки, регулируя то одну, то другую натяжку:— Если один ставишь, всегда с пола начинай.

Идем уже пятый день. Позади Предивинск, Стрелка (устье Ангары), Енисейск. Река заметно раздалась: от берега до берега километров пять. Все реже встречаются на берегах квадратики изб. А на водной трассе по-прежнему людно: снуют небольшие моторные суда, проходят самоходные баржи, лебедями проплывают пассажирские теплоходы, но углубись на километр в тайгу, и кажется, ты совсем один, все живое осталось где-то непомерно далеко.

По далям таежных рек

Ночевка перед Усть-Питом стала первым «рандеву» с комарами. Теплые солнечные дни, редкие дожди, воздух, наполненный ароматом хвои. Почему бы не построить здесь несколько здравниц? Нет, друзья, скажет бывалый таежник, а комары? Эти мелкие твари могут испортить ваше пребывание в тайге, если не подойти к этой проблеме всерьез. Да, да, именно всерьез. Мы были вооружены исходя из возможностей, потребности же оказались еще выше, хотя два полога, литр диметилфталата, два тюбика крема «тайга» (последним, правда, смазывали не лица, а детали мотора) все-таки несколько снижали «комариный эффект».

Работяга мотор та-рахтит все веселее. Теперь запускаем его на полный, но теплоходы

с именами писателей-классиков на борту уверенно обходят нас, приветствуя мягкой качкой. Иногда идем с утра до вечера. Пристаем только заправиться, вскипятить заодно чаек.

Словно высокие здания, встают за поворотом Щеки Осиновского порога: Енисей зажат скалами, носящими то же название. Мимо этих каменных небоскребов проносимся со скоростью 35 километров в час (своих 25 плюс быстрина течения). То и дело бурунчики водоворотов овладевают нашей посудиною и, разворачивая ее, лишают рулевого инициативы.

Подкаменная Тунгуска — первая длительная остановка. Пришлось подрегулировать мотор, здесь же запаслись хлебом и горючим. После двухдневной стоянки двинулись вверх по Подкаменной. Оказалось, что регулярной навигации здесь нет. Много порогов, а такой, как Большой Вельминский, можно пройти только весной по полной воде. Енисей освобождается ото льда раньше притоков, и сверху приходят баржи, которые в весенний паводок успевают подняться и спуститься, преодолев все пороги, непроходимые в межень.

...Снова поворачиваем к Енисею. Как-то предвечернюю тишину прорезал далекий выстрел, за ним другой. И так через небольшие промежутки времени еще с десятков. На следующее утро слышим деловитое ворчание Л-6. Подплывают двое косарей. После первых приветствий спрашиваем:

— Вы стреляли вечером?

— Мы, — отвечают, посмеиваются.

Оказывается, огромный матерый медведь переплывал реку. Косари встретились с ним почти на середине реки. У них была только одностволка и патроны с дробью. Но упускать добычу нельзя. В этих краях

медведь приносит много вреда. Сельсовет выдает премию за убитого зверя.

— Вот и вертимся вокруг миши. Степка на моторе, я с ружьем. Стрелял, стрелял, все в голову метил. Видим, зверь-то вроде бы утих. Подошли почти вплотную, тут он как бросится и за борт лодки ухватился. Только когда я выстрелил, отпустил. У нас пол-лодки воды уже набралось. Плохо пришлось бы нам, коли перевернул бы он лодку.

— А сегодня пошли чуть свет,— дополняет второй,— видим, наш вчерашний друг на мелководе лежит. Не хватило сил на берег выбраться.

Песчаные островки, зеленые коридоры протоков, тихие заводи. Таков Енисей от Подкаменной до поселка Бахта. То и дело вспархивают чирки, гоголи и кряквы. В это время они охраняют птенчиков. Важно и безмятежно проплывает выводок мимо нашей лодки. Мать слегка волнуется, но не бросает своих пушистых потомков. А те спокойно гребут желтыми лапками.

Дошли до Бахты. Мы уже вполне освоились с мотором и Енисеем. Оба вели себя хорошо. Первый, равномерно тарахтя, оставлял позади километры и съедал удивительно мало топлива. Второй радовал прохладой, игривыми бликами солнца. Но однажды...

Мы с Севой отправились за почтой в Мирное, 20 километров выше Бахты по Енисею. Выйдя из Мирного, заметили приближающиеся с юга тяжелые грозовые тучи, где-то вдалеке заиграли зарницы. «Успеем»,— подумал каждый... Река стала холодно-серой, загудел ветер. Вдали уже виднелись избы поселка, когда сзади показались барашки стремительно приближавшегося крутого вала. «Ставь на полный»,— старался перекричать шум ветра, волн и мо-

тора Сева. А куда ставить? Уже давно идем на пределе. «В случае чего, не вздумай плыть, держись за лодку», — с трудом разбираю слова. Берег и вал приближаются с одинаковой быстротой... Три километра... Два... Расстояние до поселка уменьшается предательски медленно, и в этот напряженный момент мотор вдруг дает перебой. Свеча! Вообще-то сменить ее пустяковое дело, но не сейчас, когда ливневый дождь и ветер и, главное, нельзя терять ни секунды. Меняя обороты, кое-как идем, товарищ из всех сил нажимает на весла. И все-таки успели! Мутная крутая волна догнала и накрыла нас, когда мы вытаскивали лодку на берег, разбросала по сторонам членов экипажа. Лодку моментально утянуло, и только с помощью рыбаков нам удалось вытащить ее. У-у-ф! Ясно представляем, чем все это могло закончиться.

Уходим вверх по Бахте в глубь тайги, вдаль от людей. Первые километры напоминают байдарочные походы в Подмоскowie. Тихая гладь, кувшинки. В поселке же нам говорили: «Плохая река, пороги». По карте их всего пять и около двух десятков так называемых шивер — мелких участков с крутым падением и выступающими камнями. Первый Ганькин порог — им нас особенно пугали — прошли, даже не заметив его. Через Косой порог с очень извилистым сливом лодку пришлось перетаскивать. На какие-то 300 метров тратим часа два. Двое тянут лодку веревкой с берега, один управляет веслом, отталкиваясь им, как шестом, и подруливая.

Вечереет. Пора на ночлег. Сева, захватив спиннинг, исчезает. Быстро разгрузили лодку, начали разводить костер, а рыболов заявляется с двумя большими тайменями и щукой. Свежая рыба с этого вечера становится основой меню.

Были в походе и черные дни. Перед выходом обнаружили, что протек один рюкзак. Разбилась одна из двух наших бутылок диметилфталата; теперь придется экономить жидкость.

Порог Большой встретил нас блесками голубой воды, солнцем. Оставалось каких-то метров двадцать до ровной глади, когда лодку развернуло, поставило на камень и накренило. Вода хлынула через борт. Тянем за веревку что есть силы, но лодка почти скрылась под водой. «Трави! Трави!» — догадывается наконец Сева. Выдаем конец и с трудом освобождаем из лап стихии нашу посудину. Часа два раскладываем на солнце буханки, соль, спальные мешки. Приемник «Турист» после купания не желает работать. Не находим двух резиновых сапог (конечно, оба левых), кастрюли, миску Нарыма.

Но это еще не самое ужасное. Только завели мотор, прошли километра два, обнаружили, что из нашего двигателя идет дым, пахнет горелой резиной. Пришлось пристать к берегу.

Надо заняться ремонтом. А чем дольше стоишь, тем больше одолевают комары. Проведешь по волосам, руки становятся черными от насекомых. Сверху все намазано химией, но комарам надо же куда-нибудь кусать. И вот на ногах, там, где на кедах фабричные вентиляционные отверстия с блочками, появляются по два ровных ряда красных волдырей.

После разборок и сборок, которые повторялись во всех вариантах полтора дня, убеждаемся, что мотор заработает только при новых крыльчатках. Где их взять? К сожалению, в тайге нет магазинов запчастей. Из-за каких-то двух резинок прекращать поход, когда впереди так много интересного?

— Ребята! — кричит Матвей. — Помните, в Красноярске Володька говорил об аэрогеологах?

Случайно мы узнали от товарища по факультету, что на Бахте будут работать два отряда геологов. Остается надеяться, что они выручат. Прикидываем по карте: до возможной ближайшей стоянки геологов километров семьдесят.

На этой реке нелегкое дело быть бурлаком даже в самых спокойных местах. За это время мы здорово измотались, а бесконечные пороги и шиверы надоели предельно. Подмоченный хлеб быстро заплесневел: пришлось выкинуть. Меню наше стало более чем однообразным: рыба на завтрак, на обед, на ужин. Конечно, свежая рыба — еда вкусная, но без хлеба много ее не съешь.

На четвертые сутки увидели вдруг на косе три аккуратные палатки, антенну. Приятная неожиданность — думали дойти до геологов в лучшем случае на шестой день.

В отряде нас приняли, как старых друзей. Надо сказать, что в подобной походной ситуации все становится отменно радушными. Людей мало, со всех сторон смотрят на тебя молчаливые мохнатые ели да лиственки с узловатыми лапами ветвей. Быстрые знакомства, непринужденные отношения становятся естественными с первого же слова.

Радист Коля — он же и пекарь, и комментатор, и моторист — дает нам нужные запчасти, на счастье оказавшиеся у него. Человек, месяц проработавший с «Москвой», знает, что нужно иметь в запасе.

В лагере остается один человек. Геологи двумя группами уходят на маршруты. С благодарностью покидаем этих хороших людей, поделившихся с нами всем, что они имели.

Снова шиверы, снова пороги. Но у нас с каждым разом все меньше времени уходит на их преодоление. Одни из них проходим на моторе. Быстрее, но рискованнее... Мотор ревет из последних сил: Сева выжимает все, что можно, но мы почти не продвигаемся, так быстро мчится по сливу вода. Энергично работаю веслами, Матвей толкает шестом. Сантиметр за сантиметром, потом быстрее. «Проскочили!» Все облегченно вздыхают. Не дай бог, если в подобном положении винт заденет дно или камень. В лучшем случае унесет на километр-другой вниз, пока выгребешь к берегу. «Тише едешь...» Мы верили этой народной мудрости и чаще вели борьбу с порогами менее рискованным, хотя и более длительным, методом.

...Двое тянут лодку по берегу, один ведет ее за нос, находясь в воде. Когда было тепло, в воду лезли с удовольствием, не снимая обуви. Но когда стало холодно, после каждого купания приходилось по полчаса стучать зубами.

Первое время немного обижались на то, что Сева все время указывает, советует, оценивает. Он сердился на нас, когда мы медленно разжигали костер, долго устанавливали палатку. Он даже разработал градацию расторопности и оперативности на привалах: от подмосковных студентов-туристов (самая нижняя категория) до каюров (оленоводоов). Двигаясь в бивачной квалификации вверх, мы с Матвеем все реже слышали ворчание Севы. Однажды, когда перед надвигающимся дождем мы успели разгрузиться, приготовить еду, организовать жилье и все это за двадцать пять минут, он сказал, что мы уже приблизились к верхнему уровню.

Многочисленные рыбацкие байки о том, что рыбы много и ее можно ловить хоть на еловую шишку, на

тряпку, наконец, на голый крючок, оказались, к общему удивлению, не так-то уж далеки от истины. Ниже порогов, в верховьях небольших речек, рыболовство как спорт теряет в этих местах нужную для ловца увлекательность. Свист удилица, сухой треск катушки — и тут же чувствуешь, как ходит из стороны в сторону леска-струна. Дашь больше слабину — добыча может уйти, резко потянешь — не выдержат крючки. Потихоньку мотаешь катушку, высматривая место, где поотложе берег, меньше камней. Хоть рыбы много, но, если сорвется, обидно.

Однажды чувствую: крепко тянет рыба, видимо попалась здоровая. Подвожу ее поближе к берегу, а она то из воды выпрыгивает, то норовит под камни залезть. Так продолжалось долго, пока не пришел Сева — он выстрелил, и тогда я спокойно вытащил на берег ленка килограммов на семь.

Но мы прибегали к помощи ружья только тогда, когда попадались очень уж большие экземпляры. По нашим понятиям, к таковым относились рыбы весом от 5 килограммов. Как-то мы поймали тайменя, голова которого так и не поместилась целиком в ведре; весила такая рыба 22 килограмма. Рыбы сибирских рек в большинстве своем относятся к лососевым. Правда, на Енисее водятся и осетровые. Больше всего вылавливали мы тайменя и ленка. Хариусы и сиги попадались реже. Пойманных небольших щук выкидывали, мы уже были избалованы рыбным эльдорадо.

Но вот 230 километров бурной Бахты позади. А впереди так мелко, что нельзя уже запустить мотор, винт все время задевает дно. Лодку ведем, скорее, протаскиваем, стоя в воде чуть выше щиколоток. Этого мы не предвидели, считали, что можем под-

няться почти на 300 километров. Долина, насколько хватает глаз, широкая и, наверное, мелкая. Нет, так дальше не пойдет, да и пора возвращаться. Что ж, будем спускаться, останавливаясь для рыбной ловли и охоты, срок которой уже подошел.

На первой же стоянке мои товарищи вылавливают великолепных хариусов. Я приношу глухарку и полный капюшон подберезовиков и подосиновиков. На импровизированной плите готовим изысканный ужин, отмечая начало спуска по течению.

Два дня беспрестанного дождя. Река поднимается как на дрожжах. Колышки наших стоянок сиротливо торчат в воде далеко от берега. Чтобы поймать рыбешку, надо закидывать спиннинг совсем как на Клязьминском водохранилище: терпеливо, целеустремленно, подолгу. Пороги скрылись, и только по очертаниям берегов узнаем места, где лазали по скользким камням, перетаскивая лодку.

Дожди и ночные заморозки сделали доброе дело — почти уничтожили комариную армию. Теперь, ложась спать, не нужно тщательно задраивать полог палатки. Засыпая, слышишь шорох ветвей, жалобный крик дятла, а не равномерный гул капеллы комаров.

Сероватую морозную свежесть утра пробуждает нестройный птичий хор. Нежный пересвист рябчиковых выводков заставляет окончательно проснуться, вытащить манок и тоже начать свистеть, как рябчики. Птицы подлетают ближе, их можно подманить почти к палатке.

Словно скутера на соревнованиях, несутся по воде линиялые утки. То и дело взлетают небольшие стайки. Охотничий рекорд за Севой: одним дуплетом три штуки. За одной гагарой мы гонялись с добрый час. Всплески от дробинки окружили участок, где до вы-

стрела вырисовывался серый контур птицы. Перья медленно плывут по зеркалу воды, значит, выстрел достиг цели. Но подранок нырнул, и три пары глаз внимательно изучают каждый метр темной поверхности реки. «Есть!» Но крик еще не успевает обратиться в эхо, а вместо головки и шеи гагары только расходящиеся круги. Где она вынырнет снова? Все всматриваются в воду, держа наготове ружья. Выстрел. Полчаса крутились мы вокруг этой упорной гагары, но так и не смогли ее подстрелить.

— Ну ее к богу в рай,— в сердцах говорит Матвей и далеко швыряет стреляную гильзу,— у нее же майей рыбой пахнет.

Из-за затянувшейся охоты не успеваем выбрать хорошее место и нарубить хвой.

— Вот теперь ворочайся всю ночь на камнях из-за вашей дурацкой гагары,— не унимается Матвей. Но через три минуты мы уже слышим его здоровое похрапывание.

Снова Енисей. У поселка Бахта бросил якорь теплоход «Лермонтов». На его борту не обычные пассажиры, а туристы. Разговорившись, узнаем, что здесь в основном московские и ленинградские девушки и ребята, недавно приехавшие на сибирские новостройки. Они решили провести отпуск на воде, пройти по всему Енисею, от Саянских хребтов до Ледовитого океана. Они уже видели льды Заполярья и каньоны рек на Саянах, пустыню тундр и кудрявые таежные сопки, загорели, приобрели новых друзей. Через три дня будут в Красноярске.

Красновато-желтые цвета мазками ложатся на зелень лесов. В поселках ягодная страда. Семьями и в одиночку собирают голубику на варенье, а попозже пойдут и по бруснику — основную ягодную культуру

этих мест. Ее и собирать хорошо, и лежит она всю зиму, не портится. Кстати, процесс сбора усовершенствован: для голубики существуют битки из бересты, бруснику собирают специальными совками. Некоторые ягодные мастера могут набрать за день до восьми ведер. Наша суммарная и максимальная выработка не превышает трех литровых банок за срок, измеряемый терпением каждого.

Во всем чувствуется осень: рыбаки пошли на тугуна¹, колхозники копают картошку, часто встречаются стога сена, плывущие по реке на невидимых под душистым грузом лодках. На самой реке пока тепло. Ведь Енисей несет воды от южных степей Тувы и даже Монголии, отстоящих на тысячи километров. Но по вечерам надо одеваться теплее, садиться к костру ближе. Особенно тяжело залезать в холодный спальный мешок.

Еще неделя — и мы прощаемся с Енисеем, рекой, которая была так добра к нам, хотя и доставляла неприятности. Рекой, в которую впадает бурная ясно-голубая Бахта с обилием порогов и рыбы. Рекой, с которой так не хочется расставаться. Здесь нам приходилось трудно, но здесь мы многому научились, и это поможет нам в нашей бродячей профессии.

До скорого, Енисей!

№ 71. По Красноярскому краю: Красноярск — 2 д. — поход по заповеднику «Столбы» и сплав на плотах по р. Мане — 9 д. — Красноярск — 1 д. — перелет на самолете — Шушенское — 8 д. Всего — 20 д. Май — август. 80 руб.

№ 70/20. По заповеднику «Столбы»: Красноярск — 2 д. — поход в заповедник «Столбы» — 4 д. — Красноярск — 2 д., авт. — турбаза Нарва — 2 д. — сплав на плотах по р. Мане — 8 д. — Красноярск — 2 д. Всего — 20 д. Июнь — июль. 60 руб.

№ 73. По Енисею (на пароходе): Красноярск — 5 д. — на пароходе по Енисею до острова Диксон и обратно — 15 д. Всего — 20 д. Июль. В кар,

¹ Мелкая рыба, малек лососевых рыб.

тах люкс — 210 руб.; 1 категории — 180 руб.; 11 категории — 150 руб.; 111 категории — 125 руб. (Цены указаны ориентировочно).

№ 70/12. По р. Мане (на плотках): Красноярск — 2 д. — авт. — 1 д. — Жеркул — 1 д. — на плотках по р. Мане (с посещением Красноярской ГЭС) — 7 д. — Красноярск — 1 д. Всего — 12 д. Июнь — август. 37 руб.

№ 209. Красноярский (лыжный): прогулки и походы по заповеднику «Столбы» — 12 д. Январь — декабрь. 35 руб.

№ 291. Шушенское. По Ленинским местам в окрестностях Шушенского. Строительство Саяно-Шушенской ГЭС имени В. И. Ленина. Всего — 12 д. Июнь — сентябрь. 37 руб.

№ 324. Минусинск — 4 д., авт. — Озеро Кизи-Куль — 3 д. — Минусинск — 1 д., авт. — Шушенское — 1 д., авт. — Минусинск — 3 д. Всего — 12 д. Июнь — август. 37 руб.

№ 421. Край причудливых скал: Красноярск — походы по заповеднику «Столбы» — 6 д. Июнь — сентябрь. 18 руб.

№ 537. Норильск — озеро Лама — 5 д. Круглый год. 28 руб.

№ 288. Красноярский, заполярный. Красноярск — 3 д. — теплоходом в Енисейск — 2 д. — теплоходом в Дудинку — 3 д. — ж. д. — Норильск — 3 д. — теплоход — оз. Лама — 10 д. — теплоход — Норильск — 1 д. Всего — 22 д. 160 руб.

К. СИМОНОВ

Прощай, Удокан!

«Вот и река Калар! — высунувшись из кабины, прокричал сквозь гул мотора второй пилот. — Идем на посадку».

Четверо парней, встрепенувшись, прильнули к маленьким кружкам окон. Темная с редкими блестками река разлеглась ленивой змеей у подножия хребта. Торчат отдельные тощие лиственницы, казавшиеся с высоты монолитным массивом зелени. Промелькнули квадратики расположенных рядами строений. Самолет заурчал по-новому, выпустил подкрылки. Легкий удар — и АН-2 мчится по песчаному полю.

Четырехчасовая качка от Читы до Среднего Калара изрядно потрепала пассажиров. Поначалу даже земля под ногами слегка покачивается, чувствуешь слабость, желание прилечь. Но туристам придется тащиться до поселка, да еще с двадцатикилограммовыми рюкзаками.

К самолету несется ватага ребятишек. Взрослые чинно и неторопливо здороваются с прилетевшими. В небольшой эвенкийский поселок самолет приходит два раза в месяц. И с ним всегда что-то новое: и люди, и почта, и товары. Поэтому в дни рейса жители собираются сюда как на праздник.

А четверо с большими рюкзаками никак не могут объяснить: они приехали не на работу, они не экспедиция, они туристы. Обступившие их невысокие смуглые люди улыбаются с вежливым удивлением, за которым проступает легкое недоверие.

«Геологов знаем, и тех, которые из Москвы, и чинских. Топографов тоже знаем, вышки здесь ставили. Были еще люди, которые все реку изучали. А вот туристы, таких, однако, не помним. А вы что искать будете?»

Эвенки явно не удовлетворены ответом о походе. Их вовсе не смущают расстояния, высокая преграда Удоканского хребта. Эвенки — охотники и оленеводы — большую часть жизни проводят на ногах. Даже теперь когда у каждого появился большой дом в поселке, летом они пасут высоко в горах оленей, зимой белкуют в тайге. Но им все же не понятно, зачем эти, по их мнению, симпатичные парни собираются идти так далеко и так надолго, если ничего не ищут?

А парни были любителями туризма, работниками московского завода. Руководитель группы Петя Гурьев еще в институтские годы заразил их страстью к скитаниям. Не один отпуск провели друзья в пути. По проселочным и шоссейным дорогам Подмосковья или по заверенным туристскими советами «плановым» маршрутам Кавказа и Крыма. Сейчас впервые путешественники вырвались на оперативный туристский простор, где гор куда больше, чем людей, где реки

переходят не по мостам, а вброд, где населенные пункты лишь в начале да в конце вашего маршрута.

...Петя с Эдиком пили крепкий чай с жирным, как сливки, желтоватым оленьим молоком. Перед ними солидно прихлебывал чаек Николай Петрович Кириллов, бригадир, самый старый охотник колхоза, к которому они пришли за советом. Сморщенный старик с синим платком на шее набивает узловатыми пальцами самодельную трубку из березового корня. Да, ходил в Чару, много ходил. Раньше, когда самолет сюда не летал, почту из Чары оленями доставляли да и продукты зимой на нартах. А в Чару можно пройти, как захочешь. По Биримьяну можно, по Дагалдыну тоже можно, а по Туруктану еще лучше можно. Туристы вынимают схему и кроки.

— Правильно названия тут написаны, Николай Петрович? — осведомляется Петя.

— Я читать плохо знаю, мало знаю. А река эта Иссакачан будет, — тихим, высоким голосом произносит старик.

— А как же тогда, папаша, вы реку определили, — вмешивается в разговор Эдик, — раз прочесть не можете?

— Поворот этот видишь, а за ним сразу три реки. Такой три реки и поворот только у Иссакачана и есть. — И долго указывает пункты на карте, не хуже консультанта в клубе туристов, даже с большей эрудицией «привязывает» намеченный на ней маршрут.

Шагая к поставленной на высоком берегу палатке, Эдик не может успокоиться:

— Нет, Петенька, ты только осмысли, какой оригинальный дедушка. Усы, как у моржа, почти неграмотный, а в картах разбирается не хуже кандидата географических наук.

С вечера наметили ранний выход. Но уже поднялся и растаял на солнце туман, захватив с собой свежесть утра, а двое дежурных в рабочем порядке все еще обсуждали, готова ли каша, а если готова, то годна ли к употреблению. Боря считал, что «каша» — это не совсем то слово для нового блюда. Сварено нечто неопределенное: сладкое, соленое, подгорелое, но калорийное. Юра же заявляет: «Жизнь покажет». Завтракали под разглагольствования Бориса, единственного восхвалявшего свою стряпню, но почему-то нажимавшего на галеты и кофе.

— Не прошло и четырех часов, как мы после завтрака, прошедшего в теплой и непринужденной обстановке, выходим на дело,— заключил Эдик, влезая в лямки рюкзака.

Как всегда, начало похода полно мелких неудач. Один натер ногу, у другого порвалась лямка рюкзака, третий беспрерывно хочет пить и кидается к каждому ручейку.

...Перед нами бурливая река Джело. Блестки воды играют под лучами только что высунувшегося из-за гор солнца. Первым, взяв в руку веревку, в другую — палку, отправляется Петр. Демонстрируя хорошую технику переправы с шестом, справляется с трудностями. Остальные также успешно выходят победителями в борьбе со стихией. Каждый немножко гордится собой. А через 200 метров...

— Зачем ноги мочили? — бубнит Боря, глядя на многочисленные камни, перегородившие в несколько рядов русло. — Как по мостику можно перейти.

— Кто же знал? — вздыхает Петя.

— Руководитель обязан все знать и предвидеть, — сквозь металл в голосе Эдика прорываются смешливые нотки.

Первые дни приходится нелегко. Тяжелые рюкзаки. Отроги Удокана преодолеваем с трудом. Жара и комарье. Репудин, широко разрекламированное прессой и радио средство против насекомых, совершенно негоден в жару. Чуть выступил пот, щиплет так, что проклинаешь уже не комаров, а эту жидкость — пусть лучше кусают насекомые.

Еще в Москве была проведена в несколько этапов борьба за облегчение грузов. Юра, молодец парень, раздобыл абалаковский альпинистский четырехспальный мешок (по весу равен одиночному). До похода сурово вычеркнули все лишнее, и все равно тяжело. Продуктов ведь почти на месяц. Поэтому и сама жизнь выдвинула лозунг: «Сначала все съесть, потом пробежаться налегке».

Один хребет позади. Второй вот-вот покорится. Основное — не терять тропу, которая то расходится множеством тропок по мокрой моховой подушке, то прячется в лабиринте кедрового стланика, то совсем не приметна на серых каменистых курумах. Порой нет никакой разницы — по тропе ты идешь или нет, но чувствуешь себя куда увереннее, когда видишь хоть какие-нибудь следы, оставленные людьми, пусть даже очень давние: серые зарубки на деревьях, пеньки с ровными, опиленными краями, остатки костра. Первое время друзья часто ошибались, чтобы снова найти еле приметную ленту тропы, когда-то проторенную человеком, уходила масса времени. Но через несколько дней, не размышляя, по какой-нибудь сломанной веточке легко угадывали, как еще хитрит тропка. Шли, как говорят: «Иди, где лучше и удобнее: шедшие перед тобой наверняка поступали так же».

— Красотища! — Ребята добрались до плоской вершины открытого гольца. На западе скалистые

гребни с острыми пирамидами вершин, на востоке ровный, как стол, водораздел.

— Здесь и заночуем. Вопросы есть? — Петя смотрит на остальных.

— Начальник, как пищу готовить будем? Воды и дров-то нет.

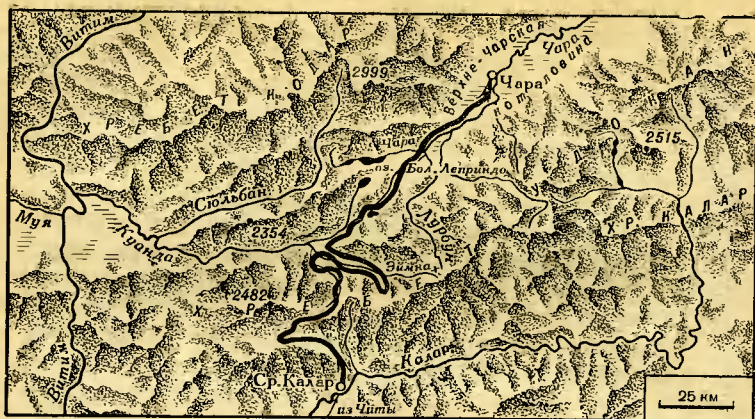
— Всегда ты, Борька, ворчишь, — возмущается Эдик. — Посмотри, сухарь ты черствый, на красоту, это же искусство. А искусство требует жертв, жертвой будешь ты и двинешь за дровами вниз, — шутливо заканчивает он тираду.

Юра уже тащит кастрюлю, котелок и чайник с водой, начерпанной кружкой в какой-то западинке со льдом. Остальные спустились в реденькую поросль на лесозаготовки.

В предвечернюю тишину влилось легкое позвякивание. Оно приближалось, смешанное с неясным шумом. Из-за холма показались олени: три, десять, сто, кажется, весь склон покрыт пугливыми мохнатыми животными. У некоторых на шеях колокольчики. К людям олени близко не подходят: отвыкли, одичали. Мирно пощипывают жиденькие лишайники, мох. Легкой трусцой то перебегут с места на место, то вдруг остановятся как вкопанные. Олений поток, сопровождаемый хрюканьем, потрескиванием суставов и роем мошки, обогнул островок с палаткой и исчез.

...От долгого спуска ноги теперь стали ватными. А впереди глубокая со скалистыми стенами долина реки Сыни, прямая, как проспект. Кое-где в долине очень удобно идти по наледям, ровным, как тротуар.

Уже второй день нас сопровождает тощий жизнерадостный пес, первоначально названный Спутником. Эдик нашел, что это слишком длинно, оставили вторую часть слова. Ник резвится на наледях, то пере-

От среднего Калара до Чары

катится через спину, то, зарываясь, кусает длинные ледяные иглы.

Слияние Сыни и Хангуры. Обе реки пропилили черные базальтовые скалы, текут в глубоких каньонах. Зеленоватые воды Сыни падают с высоты пятиэтажного дома в маленькое, но глубокое озерцо. Пятиметровый водопад на Хангуре по сравнению с этим кажется миниатюрным.

А вот и мост (хорош, нечего сказать!), о котором говорил старый охотник. Две прогибающиеся жерди перекинута с одного борта каньона на другой на высоте десяти метров над стремительно несущимся потоком. Петр скидывает рюкзак и, обвязавшись соединяющей его с нами страховочной веревкой, медленно идет поступью канатоходца. На середине жерди под тяжестью начинают подозрительно качаться.

— Попробуй на четвереньках! — кричит Юра.

Послушавшись, Петя спокойно добирается на четвереньках до противоположного берега. Натянута веревка: гуляй спокойно. Ник с интересом оглядывает происходящее. Эдик хватает его, чтобы перетащить, но он с визгом вырывается и убегает.

Все уже перебрались, только скулит пес, не решается пройти по жерди. Потом бежит вверх по долине, находит спуск и сразу же бросается в поток, который моментально увлекает четвероногого туриста. Приподнятая над водой морда с торчащими ушами проносится под мостом. Провожаем Ника растерянными взглядами. До водопада каких-нибудь сто метров, и крутые стены каньона сжимают поток.

— Прощай, наш верный друг, — Борис снимает помятую шляпу.

И тем не менее через несколько минут из зарослей кедрача выскакивает Ник и, отряхиваясь, обдаёт всех брызгами.

Еще день пути по зарослям поймы Сыни — и мы выбрались на простор широкой долины Эймнаха. Невдалеке на берегу человек в берете, со спиннингом. Откуда?.. Оказалось, что рядом лагерь геологов. Палатки живописно раскинуты в лесу. Длинный стол под брезентовой крышей, свисающие с ветвей провода антенны: расположились основательно.

За столом трое мужчин и две женщины. Заметив пришедших, все обступили незнакомцев. Со всех сторон градом сыплются вопросы.

«Земляки! Привет! Туристы? Забавно! Нам, геологам, платят за то, что лазаем по горам, по долам. А вы, наверное, в отпуск, за свои денежки. Нет, конечно, места здесь и красивые, и интересные. Вулканы видели? Нет. Минеральные источники тоже нет?»

— Ужинаты! — кричит румяная толстушка повара. Пирог с рыбой, помидоры сами по себе вкусны, а после концентратов каши и гороха кажутся просто бесподобными. Заметив удивленные взгляды гостей, начальник геологов объясняет:

— Рыбу ловим сами, тут по ямам и ленков, и тайменей хватает. Хариуса по всей реке не выловить. А помидоры — с базы получили.

Наутро Юля, худенькая симпатичная девушка, отправляется с отрядом опробовать зону на молибден. Оттуда рукой подать до одного из двух известных по району вулканов. Всем вдруг ужасно захотелось посмотреть на вулкан, попить минеральной воды. Особенно ратовал за это Юра, были особые причины: накануне просидел с Юлей у костра до поздней ночи.

Ребята с трудом успевают за девушкой, легко взбирающейся по курумам. Изредка остановится, постучит молотком по камню, отколет кусок породы, посмотрит. Идущий с нею студент приставит трубку, соединенную шнуром с пластмассовым ящиком на груди. Оба присядут, запишут и снова вперед.

— Ну вот и вулкан, — говорит Юля, когда все собираются на перемышке хребта.

Внизу широкая безлесная долина, окруженная скалистыми стенами с чашами каров. Чуть ниже красновато-коричневый плоский холм, пропиленный с боков расщелинами речек. В вершинной части холма крутостенная западина кратера. Заметив некоторое разочарование на лицах, Юля объясняет:

— Конечно, наш вулканчик не похож на своих могучих братьев где-нибудь на Камчатке. Но вообще-то район очень интересен в отношении молодых процессов горообразования. Вы видели обширные равнины высоких плато. Они сложены более древними

вулканическими излияниями. Как раз в те геологические периоды происходили значительные поднятия Удоканского хребта. Вот эта долина представляет собой трог, ее проложили ледники, образовавшиеся после поднятий. Число сменявшихся здесь оледенений точно не установлено, но их было не менее двух. Сравнительно недавно, десять — двенадцать тысяч лет назад, в нескольких троговых долинах возникли новые центры вулканизма. Кстати, те породы, в которых вы видели каньон Сыни с водопадом, эти андезито-базальты, — тоже результат самых молодых излияний.

...Волнистая поверхность с большими валунами. Тропа виляет между частоколом лиственниц и березок.

— Водораздел перекрыт мореной, по-видимому, среднеплейстоценового возраста, — без тени улыбки заявил Эдик. Четырехдневное общение с геологами не прошло бесследно.

Петр уточнил еще раз все свои схемы и кроки. Борька хвалится, что закормит всех рыбой. Он сходил на рыбалку с геологами и что-то действительно поймал. Эдик мрачно бубнит, что его «черствая как сухарь» работа конструктора — ошибка молодости. Юра сияет. Наверное, Юля обещала написать ему. Ник нашел настоящих друзей, таких же, как он, четвероногих, и остался коротать лето в их обществе.

...Десять рукавов разделяют множество галечных кос и заросших голубикой островков в широком русле Конды. Горы вокруг стали ниже, положе, покрыты хвойным ковром. Идти по косам — одно удовольствие. Ветер открытой долины разогнал комаров. Не было бы только дождя, а то небо уже затянуло тяжелыми тучами.

Два серых пасмурных дня. Почти все время в воздухе висит мокрая пыль тумана, изредка накрапывает дождь. До обеда идут, шлепая по набухшему мху, намокая от прикосновения сырых кустов. Вторая половина дня посвящается обогреву. Чуть в стороне разводится большущий костер. От одежды идет пар, кеды и ботинки висят на колышках неподалеку от огня.

Солнцем и сверкающей гладью встречает четверку озеро Довочан. Удивительно мягкий песок, прозрачная теплая вода. На желтом пляже выстроились рюкзаки, тишину окруженного склонами озера нарушают жизнеутверждающие крики, фыркание, плеск. Шлепая по воде, Петя кричит:

— Вы знаете, нет, вы, конечно, и не подозреваете, в этом озере живет рыбка, которая так и называется дововчан. Она встречается только здесь и еще в нескольких озерах в округе. Похожа на хариуса, но красненькая.

— Красная, говоришь? — Боря сразу же вылезает из воды. Натянув на ходу брюки, отправился срезать удилище.

— Приготовьте побольше тары. Участники похода вышли на путину.— Эдик проводил взглядом Бориса, исчезнувшего в ивняке.

Уже второй час нет рыболова. Вместо ухи на костре пыхтит все тот же надоевший горох с копченостями, которые с трудом можно увидеть невооруженным глазом.

Три хариуса — явно недостаточная компенсация за все труды Бориса, за разбитую мечту о красненькой рыбке дововчан. Но награда почти по-сказочному не замедлила прийти прямо в руки. Тени стали длинными, солнце — холодновато-красным. Ребята вышли

на полянку у реки, вытекающей из озера. Ровная полянка, аккуратный домик, из домика выходит девушка — одна из трех сотрудников сейсмологической станции.

Именно здесь угощают нас вяленным и соленным довочанчиком. Дегустация приносит сплошное разочарование: хотя довочан всего мира обитает только в этих озерах, но вкус у него совсем такой, как у хариуса, который встречается во всех таежных речках. Потом на столе появилась большущая миска фиолетово-черного варенья из голубики. За чаем друзья узнали, что этот район активно дышит: толчки силой два балла регистрируются чуть ли не два раза в неделю, а бывали и землетрясения посильнее.

Широкая пологая долина, и в ней ниточка тропы, идущая то по густому ельнику терраски, то среди стланика с пушистыми цепкими клешнями ветвей, то по ржавому киселю мшистых болот. Некрутые светлые грядки и холмики разделяют несколько таких долин, в которых текут полноводные спокойные реки.

Все чаще приходится шлепать по болотистому лиственничному редколесью. Извилистая Чара вытекает из большого озера и неторопливо несет свои воды по широкой вытянутой впадине. Слева двухкилометровой стеной встает хребет Калар с острыми пирами гребней и белизной снежников. По другую сторону поднимающийся ступенями Удокан. Оба хребта стоят совсем рядом, но это только так кажется — между ними десятка два километров.

Все удивились, когда между деревьями показалась покрытая песком бесконечная пустыня. Пески здесь, среди болот? Действительно, настоящая маленькая северная «Сахара». Все как в большой пустыне: и пыльный ветер, и барханы, и рябь на песке. Пустыня

называлась урочище «Пески», мимо ее песчаных волн шли несколько часов.

Тропа переходит в широкий зимник, пересекается многочисленными дорогами. Чувствуется приближение Чары — второго и последнего населенного пункта на пути.

Маленький островок стройных сосенок вокруг темного озера-старицы. Отсюда уже видны серые добротные избы и школа.

— Эх, заберемся в баню — это раз, потом наедемся вволю хлеба — это два. И кажется, все, — мечтает вслух Петя.

— Кто нас вел навстречу трудностям? — делает выпад Эдик. — Ему попариться бы да брюхо набить. А культурно расти кто будет: газеты читать, в кино ходить, над собой работать?

...Путешествие закончилось. Самолет берет курс на юг. Пески, озера, хребты — все виденное и ставшее близким мелькает в обратном порядке. А вот и широкая разлапистая долина с еле заметным куполом вулкана.

Юра тут же начинает строчить письмо, остальные прильнули к забрызганным окнам, прощаются с Удоканом.

Н. ТАРАСОВ

В краю лесов и водопадов

Взгляд вперед,
Ноги — в стремя!
Песня тофаларов

Вылетая из Нижнеудинска в Тофаларию, я немного волновался. Ведь мы должны были встретиться с народом, который многие считали вымершим.

...Алыгджер — большое село у слияния Уды и Кара-Буреня. Горы, цветные, мохнатые, острозубые, окружили долину, покрытую светлой зеленью лиственниц, пестрыми платками цветов. Широкие улицы. Просторные избы. Магазины. Почта. Школа. Клуб, точнее, «Красный чум».

А вот и настоящий чум. Конические сооружения из длинных жердей, покрытых корой и шкурами, почти у каждой избы. У изгородей олени. Склонив рогатые головы, равнодушно смотрят на нас большими грустными глазами.

Беседа состоялась в кабинете председателя тофаларского колхоза «Красный охотник». Иосиф Николаевич Токуев местный. Он приземист, нетороплив, на темном лице узкие глаза.

— Я тоф. Не тофалар, а тоф. «Тофалар» означает «много тофов», народ. Было время, когда нас считали десятками. Теперь более тысячи. Охотники, рыбаки. Колхозы есть на Верхней Гутаре — «Кызыл тофа»; вниз по Уде — имени Кирова, у границы Красноярского края. Алыгчер, или Алыгджер — по-нашему, широкое, хорошее место. Тофы давно на этой земле живут. Кочевали. Олени. Чум. Охота. Рыба. В двадцать втором году по декрету Владимира Ильича Ленина нас на учет как малую народность взяли. А в двадцать седьмом на этом месте, — председатель кивнул на окно, за которым виднелась людная улица, — дома построили. Тофы в избах жить стали. Чум для тайги, однако, остался, кое-кто и в селе в нем спит. В Алыгджере более четырехсот домов. Тофов более ста. — Токуев прислушался. — Трещит, — удовлетворенно сказал он, — движок трещит. Больницу нашу видели? А школы? Интернат северного типа для детей малых народов? Библиотеку? Клуб?

В избу входит руководство нашей экспедиции — Вадим, обросший курчавой бородкой, в неизменных штормовых брюках, высокий очкастый Роберт. Он в устрашающих горных ботинках, на шее компас.

— Какой спорт есть? — председатель сверкает крупными зубами. — Школьники в мяч играют, в озерах плавают. По горам ходят, и, конечно, охота. — Токуев расплывается в хитрой усмешке. — Охота тоже спорт? Тогда пиши: «Красный охотник» — все гуштый кижж лар. Все сильные люди, все спортсмены. — О себе рассказать?

Родился в 1915 году. Отец здесь кочевал. Двенадцать детей. Мало еды, много ртов. Маленькие сами в тайге кормились. С ружьем и луком, с силком, а то и просто с палкой. Учился в школе. Потом в педучилище в Енисейск послали. Воевал. Вернулся на партийную работу, два года назад председателем колхоза избрали.

Пока выбирали путь на Туву, я вышел на улицу. К конторе шла белокурая девочка с толстой сумкой на плече. В сумке журналы и газеты. Что же читает «вымерший» народ? В сумке «Жилищное хозяйство» и «Литературная газета», «Физкультура и спорт» и «Советский экран». Рядом с «Крокодилом» «Вопросы профтехнического образования», «Здоровье» соседствует с «Охотой и охотничьим хозяйством». Маленький почтарь невозмутимо сообщила: «Таскать мне с мамкой приходится много. Одних газет за день около ста да журналов с полста».

Из конторы вышли наши с худошавым парнем, которого я встретил у ворот; это Альберт Баканаев, наш каюр. Председатель заверил, что Баканаев доведет нас до озера Алды-Дээрлиг-Холь за шесть дней.

Палатки нашего лагеря серебрились среди лиственниц за околицей села, у реки Уды. Подобно тетиве она стягивает полукружие хребтов, обступивших долину.

* * *

Из лагеря видны бурые хребты за ширью синей Уды. Почти до вершин утопают они в таежном море. Где-то за горами, километрах в десяти от Алыгджера, многокаскадный водопад в алмазной пене. Еще никем не описанный. Мы не можем уйти на маршрут, не побывав за хребтами.

Тяжелую плоскодонку с двумя гребцами Уда шутя сносит на добрую сотню метров по течению. Белопенные жгуты потока не раз выбрасывают лодку на отмель, пока не удастся переправить весь отряд.

Сырой мрак охватил нас, разгоряченных палящим солнцем и греблей. Тропа петляет среди обломков скал и болот, уводя в глубь чащобы. Все круче путь, все светлее. Порой с обрыва видны изгибы реки. Она течет в таком глубоком каньоне, что не слышно ее шума. Но вот брызнуло солнце, открылось небо за толстыми стволами деревьев. Еще несколько шагов — и мы слышим оглушительный рев. Бежим навстречу.

Уда прорвалась сквозь теснины высокой гряды и, разрубая хребет, низвергается с террасы на террасу, повисая алмазными, синими, желтыми, белыми водопадами. Падающее русло тянется на километр-два, метров через двести каскады. У нижнего из них разожгли костер. Марево брызг над каньоном, солнечный свет дробится, повисая радугами, отражается ослепительными бликами на водоворотах и камнях. Над сумасшедшей пляской пены и струй цветущие кустарники, ели, кедры.

Водопаду присвоили имя Уда-Тоф, хотя каждого соблазняло увековечить в названии себя. Но мы скромны, как и подобает отважным землепроходцам.

Жаркий полдень. Душно. Алыгджер скрылся за горами и лесом. Наш караван споро идет по берегу Кара-Буреня. На переднем олене, словно сросшись с ним, каюр Альберт Иванович Баканаев. На привалах он не вступает в разговоры, молча тянет трубку, часто уходит к оленям, чтобы подправить дымокур — тлеющий пень: гнус лютует (к дождю), а дым разгоняет тучи кровососов, олени могут отдохнуть после тяжелого перехода.

Тридцатилетний каюр действительно оказался отличным проводником. Тропу он чувствует, не сходя с оленя, за трудную дорогу ни один из рогатых носильщиков не сбил спины, не повредил ног. На привалах Баканаев рубит сухие деревья для костра, учит рыболовов, как с первого заброса выдернуть из-за подводной скалы увесистого ленка или хариуса. Если нас настигал дождь, можно было не беспокоиться за рюкзаки: будут сняты с оленей, надежно укрыты брезентом.

Через день после выхода из Алыгджера дорогу преградил широкий и стремительный Кара-Бурень. Мелкого брода нет. Надо разгрузить оленей, часть рюкзаков переносить на себе. Альберт остановил нас: «Вода сильная. С грузом вам опасно. Поведу оленшков как есть».

Брод действительно нелегкий. Даже обнявшись за плечи по несколько человек, мы с огромным трудом преодолевали тугой поток. Не раз то одного, то другого сбивало, приходилось, стоя по грудь среди плывущих ледяных волн, помогать товарищу нащупать скользкое дно.

Все одиннадцать оленей привязаны один к другому. Вереницу возглавлял крупный самец. На нем каюр. Старик олень вошел в воду, за ним потянулся весь караван. Поток тотчас же опоясал оленей пенистым валом. Бурлящий поток все выше. Вот уже не видно сапог Альберта. Вожак встревоженно раздувает ноздри, опасливо косит округлившимся фиолетовым глазом.

Перекрывая рев реки, каюр гортанным криком подгоняет замешкавшегося оленя, похлопывает по изогнутой шее. Медленно движется караван, еле сдерживая напор воды. И тут тяжелые рога старика

быка окунулись в воду. Оступился! На мгновение валы перекатываются через вьюки. Уже не видно каюра!

Баканаев соскочил в воду, загораживаемый телом оленя, подобрался к его морде. Схватил повод, потянул парализованное страхом животное. Вереница оленей выгнулась подобно согнутому луку.

Сбиваемый течением, ослепленный брызгами каюр шаг за шагом вытягивал вожака на берег. Все выше над водой рога оленей, все ровнее бечева каравана. И вот, мотая рогами и поводья дымящимися боками, олени выходят на хрустящую горячую гальку берега.

Четвертый день похода. Все труднее шагать. Бурные горные ручьи скачут на нашем пути, тайга отбрасывает тени на еле видимую тропу, с низко нависшего неба потоки холодного дождя.

Покинув брошенный охотниками чум, приютивший нас на ночь, вышли к быстрому Хадарусу. Олени с шумом перешли реку, туристам же пришлось валить для переправы нависшее дерево. Дерево потрескивает, раскачивается, падает, перегородив Хадарус. Ствол после многодневных дождей скользкий, кеды и ботинки разъезжаются, брызги и пена запруженной реки гипнотизируют, тянут вниз. Но нам это не впервой. Один за другим все двенадцать переходят по вздрагивающему стволу.

За перелеском открылось каменистое ущелье. Его края поднимались к самым облакам. Откуда-то из верховьев бежал, ворочая камни, Хадарус.

Солнце уже садилось. В ущелье темно. А на золотистом небосводе перья заката; отвесные скалы все теснее обступали нас, с трудом карабкавшихся по мшистым камням и сыпучим осыпям. Альберт с оленями был далеко впереди.

В сумерках дикая красота ущелья не восхищала, а давила. Черные пятна озер маслянисто поблескивали где-то внизу, карликовая береза царапала ноги, сплетающиеся кусты в расщелинах выдергивались с корнем при попытках удержаться на крутом склоне. Впереди силуэты товарищей. Тащат срубленные со-сенки ставить палатки. Скоро перевал! Конец мучениям!

И он открылся, долгожданный перевал. Голое, унылое пространство, покрытое жесткой травой, врезалось широким языком в горный хребет. Вдали пятна озер. Возле них краснеет огонек костра, снуют туристы. Олени уже развьючены, пощипывают пушистый ягель. Альберт натягивает на протянутую веревку брезент, заменявший ему палатку, часто поглядывает на небо... Со всех сторон на пламенеющие горы надвигаются густо-синие тучи, поднялся ветер.

В эту ночь, несмотря на усталость и усыпляющий шум дождя, заснули не скоро. Завтра, спустившись с перевала, покинем Тофаларию, ступим на землю Тувы. «Той ночью мы разбили лагерь у самого подножия горной цепи, в пустынном и мрачном месте... Подошли ли мы действительно к неведомой стране, стоим ли мы на подступах к затерянному миру?..» Эти строчки из конан-дойлевского «Затерянного мира», выписанные в Москве, так подходили нам, ожидающим утра на перевале Пограничном.

* * *

Огромной каменной чашей лежит Тува в самом центре Азиатского материка. Высокие хребты, затопленные дремучей тайгой, со всех сторон стиснули

привольные степи. На юге в туманной дымке зубчатой стеной встают Западный и Восточный Танну-Ола. Они прикрывают тувинскую котловину от знойного дыхания полупустынь Монголии. На севере в облачное небо вонзаются пики Западного Саяна. На востоке громоздятся белогорья Восточного Саяна. На западе величественно поднялся сверкающий снегами Шашальский хребет.

Много миллионов лет назад среди Мирового океана вздыбились эти горы и гигантская каменная чаша стала первым куском суши на планете. С тех пор хребты надежно оберегали зеленое царство Тувы и ее редкостный животный мир от безжалостной руки времени. На земле мало мест с таким разнообразием животных и растений. Тувинская котловина стала домом для многих видов млекопитающих, птиц и рептилий; зеленое царство насчитывает также много видов растений.

Древние путешественники сравнивали Туву с «Большим каменным мешком с маленьким отверстием». Отверстие — Енисей, принимающий множество рек и речек. Там, где многоводная Хамсара пересекает Тоджинскую впадину, в нее впадает Бий-Хем, и дальше стремительно струится Верхний Енисей, который сотни километров набирает силу, чтобы обрушиться на юге Тувы на хребет Таскыл. С незапамятных времен продолжалась схватка реки и скал. Победил Енисей. Петляя среди утесов, Бий-Хем вырывается на простор.

По карте Алды-Дээрлиг-Холь совсем близко. Но нас по-прежнему окружала заболоченная тайга, мучали буреломы и каменистые осыпи. Олений караван шел ощупью: животные утомились, каюр впервые в этих местах. На шестой день пути, когда, по расче-

там, мы должны были выйти к озеру, отряд все еще продирался через завалы, обходя отвесные берега Додота. Роберт влезает на высоченную сосну. Проходит минута, другая. Раскачивается тонкая вершина, но разведчик молчит. Становится тревожно! Даже всегда невозмутимый каюр поднял побледневшее лицо; в тонких пальцах дымится забытая трубка. А Роберт все молчит.

— Эге-гей! Ви-жу! — доносится крик. — Два озера. Одно справа, другое слева, между ними река.

Пока исцарапанный разведчик соскальзывает вниз, сбиваемся у карты. Так и есть! Это Алды-Дээрлиг-Холь (правое озеро) и Устью-Дээрлиг-Холь (левое). Между ними Дотот!

Но еще не один час идем, истекая потом в духоте тайги, расцарапывая лица, зудящие от мошкары. В просвете мелькнули озерные просторы, виден Додот, несущийся круто вниз между отвесными скалами. Водопады, пенящиеся шиверы, теснины, дымящиеся водяной пылью, умиротворенный простор сверкающих закатным пламенем озер.

Когда первые добежали по крупным валунам до озера, припали к воде, она показалась соленой. Но стоило смыть соленый пот с лица и губ, как все мы с невыразимым наслаждением втягивали чудесную воду.

Тихо угасал вечер. Темнело озеро, все выше плескались на нем валы. Я сидел в палатке каюра. И вдруг я услышал стихи. На немецком языке:

Ярится буря,
Вздымает волны.
И волны, яростно пенясь, упрямей
Вверх громоздятся. Идут живые
Белые горы воды...

Альберт, наш тоф, читает стихи Гейне! Да, без сомнения, это «Буря».

Голос Баканаева затих. Слышнее плеск озера...

Над нами трепещет Шолбан, звезда каюров и поэтов; правда, они зовут ее Венерой.

По Туве

Где пройдет завоеватель, там
горе и слезы. Где пройдет
наш русский друг, зсмля уст-
лана хлебом и солью.

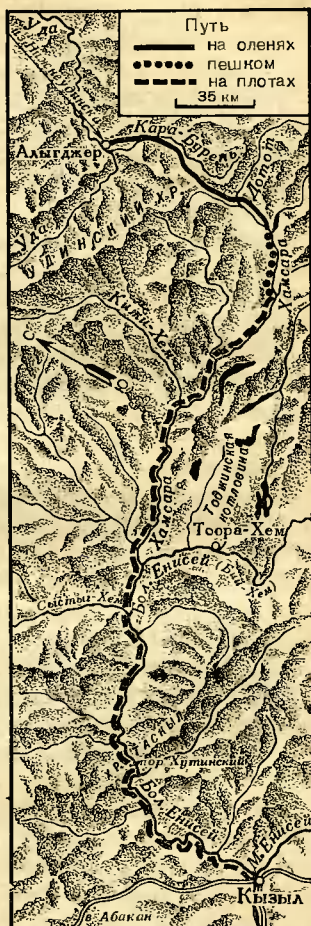
Тувинская поговорка

Расставшись с каюром, мы вскинули тяжелые рюкзаки и двинулись по берегу Алды-Дээрлиг-Холя на юг, к истокам Хамсары. Скоро оборвалась полоска галечника, пришлось снова продираться сквозь тайгу. Утро жаркое — тридцать пять градусов. Спасаясь от гнуса, вымазались диметилфталатом, но душно, и с потом едкая жидкость попадает в глаза, исторгая слезы и проклятия. Тропы нет: завалы, ямы, ручьи, обломки скал, цепкое переплетение жестких кустарников. Группа разбрелась. Голосов не слышно. Гулко бьется сердце. Надо выходить к озеру, хотя бы идти по воде.

Отлогое дно озера казалось вязким, ноги погружались почти до колен. Но свежий ветер и солнце скрадывали усталость. То и дело поднимаем из прозрачной воды диковинные каменные диски размером с блюдце, иногда с тарелку. Острые края, утолщение в середине, идеальная окружность. Что это?.. Сунув несколько дисков в рюкзак, снова хлюпаем по воде.

Берега поднялись, озеро превратилось в реку. Среди кедров и пихт, подмывая ленту смородиновых кустов, несет свои воды Хамсара, по которой нам придется проплыть на плотках не одну сотню километров. Но прежде надо дойти до водопада. Только за ним можно искать место для верфи. Мы знали, что здесь несколько лет назад потерпели тяжелую аварию ленинградские туристы, начавшие сплавляться выше непроходимого водопада.

Не прост путь к водопаду. Река разлилась заводями, приходилось забираться в тайгу. А там снова баррикады завалов и зловонная жижа болот. Потом встали на пути лесистые хребты. По их склонам мы и выйдем к Хамсару. Но как хорошо, когда на пути вдруг распахнутся солнечные поляны, усеянные мозаикой ягод и цветов, устланные мягким ковром мхов. У ног пенистая от подводных камней величая таяжная река; с обрывов открывалось необозримое море тайги в бликах

Из Алыгджера в Кызыл

солнца, пробивавшегося сквозь причудливые облака, вдали синели вершины Ойва-Тайги.

Хамсару стиснули высокие каменные стены. Течение быстрее: водопад недалеко. Но лишь в густых сумерках, изрядно вымотанные последним броском, располагаясь у полуразвалившейся избушки, услышали рев водопада. Он бился где-то внизу. На спуск к нему сил не хватило.

Солнечное утро. Все население лагеря высыпало на берег. Пенистое русло реки зажато черными столбчатыми базальтовыми скалами, такие же несокрушимые глыбы делят Хамсару на три потока. Ближе к нашему берегу река узким жгутом протискивается между берегом и первой скалой. В центре реки вода спадает широким языком. За второй глыбой серповидный бурный водослив. Гул заглушает восхищенные крики.

Брошенное в центральный поток десятиметровое дерево вмиг исчезло в кипении воды. Секунда — и переломленная толстенная сосна низвергнулась с пятиметровой высоты, закрутилась в водовороте. Несколько минут — и истерзанные обломки понеслись к угольно-черному утесу центральной струи.

На десятый день, когда «Бригантина» и «Ветро-дуй», самодельные плоты флотилии, причалили для обеда, мы увидели человека.

— Добрый день! Здравствуйте! Амыр-ла! — приветствуем рыбака, невозмутимо забрасывавшего блесну. Обветренный тувинец. Его остроносая моторка поставлена на якорь. Рыбак ответил не сразу: серебрястые хариусы бились в руках.

— Здрластвуй и вы! — послышалось наконец.

Ак-Бак-оолович сидел возле нас на корточках, курил, неторопливо рассказывал. Живет здесь давно, с

тех лет, когда еще купец все забирал: и соболя, и рыбу, и орех, и ягоду. Теперь здесь есть промхоз. Но настоящий дом Ака — тайга: летом шалаш, зимой изба. Так надо. Упустишь день летом, бочки пустые будут. И он показал кадушки, доверху набитые рыбой. Да и зимой каждый час дорог: соболь дается нелегко, порой на лыжах не один десяток километров сделаешь.

Опять свистит удилище, вновь на днище моторки тяжело шлепается рыба.

— Тувинец говорит, — доносится до нас с реки, — осина не дерево, лентяй не человек.

Быстрая Хамсара то пугает нас косами отмелей, то убаюкивает безмятежностью зеркальных плесов, а потом вдруг кинется в каменистое ущелье и несет между несокрушимыми скалами kloчующие струи.

«Бригантина» и «Ветроуд» лениво скользили по реке. С плотов мы рыбачили, гремели ружья по свистящим стаям уток. Тихо уходили мохнатые от великанов кедров берега. И вдруг!..

Оглушительный рев потока. Сразу заглушил растерянные крики. Но и они умолкли. Вахты споро работали длинными гребями; флотилия бесстрашно входила в грозный Большой порог. Первая гряда камней встретила «Бригантину»; стена брызг налетела, захлестнула рулевых, пассажиров. Она позади, плот идет прямо на черные зубья скал.

— Прямо камень!

— Вижу!

— Лево руля!

— Есть!

— Вправо! Вправо!

— Давай, давай!

Хриплые голоса долго перекрикивали шум потока,

пока головокружительный слалом не кончился. На волнистом просторе только буруны редких камней. И, словно встречая нас, победителей порога, на отмель грациозно вышли две кабарги. Их пятнистые бока золотились на солнце, узкие морды тянулись к набегавшим волнам.

Я взглянул на часы. Быть не может! Неужто мчались по шивере Большого порога столько времени! Но забрызганные часы подтверждали: головокружительный слалом занял час двадцать минут. И по лицам товарищей видно, что часы не лгут.

Несколько десятков километров спустя русло раздвоилось, и «Бригантину» понесло на бревна завала. Но вахтенные на носу и на корме не спешили отгребаться, спокойно взирая, как надвигается внушительный завал в желтой пене. Видимо, после того как благополучно миновали Большой порог, мы, так сказать, расслабились.

Небо нахмурилось. Ветер яростно гнул деревья, уперся в плоты, нехотя уступая течению, которое несло на мертвые бревна «Бригантину» и за нею «Ветродуя». На «Бригантине» одумались слишком поздно. Как ни старались Вадим и Лена, как ни вторили им с кормы Виктор Петрович и Витя, струя тянула на завал.

Падая в реку, на миг увидел вставший дыбом плот, черные пятна крутящихся в потоке рюкзаков. Затем волны сомкнулись над головой. Бросилось в глаза несущееся с бешеной скоростью желтое дно, надвигающиеся корневища. Отчаянным усилием вынырнул на поверхность. Надо плыть. Куда? Не знаю. Лишь бы подальше от водоворота.

— Держись за плот! — подхлестнул окрик Вадима. Это и спасло меня, уже собиравшегося отплывать.

Плот лежал плашмя, вылезшие из воды товарищи отталкивали его от завала. Медленно заскользили вдоль наваленных поперек протоки бревен, удаляясь от губительного места. Вытягивая из воды рюкзаки, к счастью привязанные общей веревкой к настилу, я и не видел, как мы налетели на камень, как сошли с него в основное русло.

Причалил «Ветроду́й». Ребята с него видели всю катастрофу, но не могли прийти на помощь. Сумели лишь втиснуть свой плот в узкую каменистую протоку до завала и, расщепляя бревна «Ветродуя», пробивались по пересохшему руслу на простор реки.

На берегу запылал большой костер. Вокруг него прыгали озябшие «утопленники», над пляшущими языками огня булькали закопченные ведра.

— Что там за костер? — спросил кто-то, указывая в черноту тайги.

Приглядевшись, заметили белесоватый дымок, поднимавшийся в ночное небо. «Странно! Людей здесь нет. Что за огонь?»

Вернувшиеся добровольцы принесли страшную весть: в тайге пожар! Первым порывом было погрузиться на плоты и отплыть. День был тяжелым, все еле держались на ногах, экипаж «Бригантины» стоял у костра в одних трусах, держа у пламени мокрую одежду. Да и тушить нечем: в единственной посуде — ведрах варился ужин, которого ждут голодные.

Быть может, кто-то из нас так и думал. Но вслед за криком прибежавших из леса все ринулись навстречу пожару. В руках разъятые дюралевые весла, топоры, палки. Последними бежали дежурные. Они гремели ведрами, из которых вылили почти готовый ужин.

Пожар охватил подножие высокой пихты, огонь тлел глубоко во мху, прыгал по кустам, дым стелился по жухлой траве. В отблесках сверкнули лопасти весел, перекапываем путь огню, палками разрываем горящий мох, мелькают от леса к реке и обратно кастрюли. Обжигая руки, ребята ломали тлеющие ветви, топтали запахшими горелой резиной кедами языки огня.

Полдень застал нас недалеко от места пожара. Небо было безмятежным, солнце ласковым, происшествия бессонной ночи забылись. Мы подходили к очередному порогу. Настороженно вглядываясь в подводный камень, сначала не заметили машущих нам с берега людей.

Плоты причалили. По кромке, прыгая через валуны, бежало человек десять.

— Пожар видели? — не успев отдышаться, спросил первый.

— Видели!

— Далеко пошел?

— Низовик? Иль верхом идет? — посыпались вопросы.

— Постой! Постой! — остановил их тот, кто прибежал первый. — Да уж не вы ли тушить его пытались? Ожоги вижу.

— Пытались.

— И что? Неужто не сробели? Потушили? Совсем?

— Эгей! Эгей! — послышалось из-за поворота. На шаткой моторке приближался человек. — Нет пожара! Кто-то затушил.

— Простите, ребята, что мы так. Чьи вы? Московские? Из «Динамо»? Неужто просто туристы?

— Постой, мужики! — властно остановил расспросы старший. — Я скажу. — Он оглядел нас, усталых,

измазанных.— Спасибо вам, ребята. Таким, как вы, ничего не страшно, везде пройдете.

Хребты отступили. Прояснилось. Сквозь завесу дождя справа, у подножия горы, уходила в небо голубая спираль дыма. Жилье! Первое за многие дни! Все шире полосы солнечного света бегут по засверкавшему плесу, высвечивают избу на берегу, склоны гор. Заливисто завывли собаки. Берег рядом. Высокая худая женщина всматривается в приближающуюся флотилию, указывает место причала.

Спрыгнув на берег, хватаю брошенный конец. Женщина подхватывает канат и перекидывает вокруг пня. Туристы радостно приветствуют хозяйку хутора.

Невдалеке от ее избы задымился костер. Уселись, высунув розовые языки, лохматые лайки. Когда дежурные начали разливать суп, закрипела дверь, к костру подошла, неся крынку молока и связку сушеной рыбы, наша молчаливая знакомая.

Сопровождаемый Вадимом и Робертом, иду вслед из нею в избу. Сквозь треск разрядов еле различаем торжественный голос Левитана: «...корабли «Восток-3» и «Восток-4», пилотируемые... Николаев... Попович...»

До сумерек надо подойти к шивере, а до нее по тихому течению плеса не близко. Все уже на плотях, только наш походный врач Тамара перевязывает мне руку. Молчаливая хозяйка пристально разглядывает Тамару.

— Это кто же будет, однако? Фершал?

— Нет, настоящий доктор.

— Как есть доктор?

— Доктор из Москвы, даже кандидат медицинских наук.

— Да как же это я! Уж так доктора ждали, а прозевала. Сын какой уж год хворый. Страдание мое.

— А где он? Мы бы задержались.

— В тайге все они, мужики. На охоте. А где вы ночевать-то будете?

— У шиверы! — крикнул я, прыгая на отплывающий плот.

Оглядывая с высокого берега, на котором белели палатки лагеря, утыканные зубастыми камнями шиверы ложе реки, невольно содрогнулся, вспомнив, как несколько минут назад неповоротливые плоты неслись в сгущавшихся сумерках сквозь бешеное кипение бурунов. Только отчаянные усилия рулевых спасали от неминуемой катастрофы.

...Утром слышали какой-то ноющий звук. Вначале в пляске бурунов ничего нельзя расслышать. Потом мелькнула и скрылась захлеснутая валом черная точка. Но вот стала видна лодка. Хамсара яростно швыряла ее от камня к камню, не верилось, что моторка пройдет шиверу. А лодка идет на последний бурун. Пенистый вал накрыл ее, но лишь на миг; отчаянно треща мотором, лодка вырвалась из водоворота, причалила к плотам.

Из моторки выскочили два парня. Оба коренастые, в одинаковых выгоревших пиджаках, они походили друг на друга. У того, что повыше, лицо странного желтого цвета, этой же желтизной тронуты глаза.

— Загуменовы мы, — глухо произнес желтолицый, — меня Николаем звать, братана Яковом. Не были вчера к нашей избе чалились? Вы? — Николай облегченно вздохнул. — Мать Таисия Семеновна сказывала, что среди вас есть доктор.

— Ребята, согрейте воду, — командует Тамара. — А вы, Николай, раздевайтесь до пояса и ложитесь

на кушетку,—приказывает врач, расстилая штормовку.

У пациента обнаружена застарелая желтуха. Вылечить ее здесь, в таежной глуши, было невозможно. Николай дрожащими пальцами застегивает пиджак, Тамара поднимает лучистые глаза. Она вызовет охотника в свой институт.

Хамсара слилась с Бий-Хемом, а мы все чаще задумывались о дальнейшем пути. Наши плоты, преодолевшие пороги верховьев Хамсары, будут игрушкой волн на ставшей огромной реке. Пора пересаживаться на большие плоты промхоза.

У лесоразработок Ырбан мы и увидели такой. На трехставной махине, ловко орудуя длинным и тяжелым кормовым веслом, плыл невысокий человек в очках и свитере. На носу женщина в огненном платье. Пристали, познакомились. Супруги Никитины гонят лес в Кызыл. Плотогоном Леша работает несколько лет. Маша — впервой.

Алексею Никитину около тридцати. В юности был подрывником на руднике. Опасно? Об этом не думал. Как-то напарник замешкался в шурфе, того гляди, грянет взрыв. Алексей спустился по канату вниз, помог заложить оставшийся запал, белкой вскарабкался вверх и лихорадочно крутил ворот, поднимая напарника.

— Вот когда страху натерпелся: рванет, думаю, снизу, и в соседнем шурфе разлетится мой Куулар (тувинец был) на куски. Успел, вытянул. Хотел было он идти, а я свалил его на камни и накрыл своим телом.— Алексей помотал головой.— Всю спину издырявило камнями, в бок щепы воткнулась. Долго мне в больнице спину ковыряли. Места живого не было.

Обычно молчаливый, занятый вахтой, Алексей впервые разговорился об этом лишь после нескольких дней совместного плавания. Мы уже прошли извилистые протоки Бий-Хема, где только благодаря искусству и недюжинной силе нашего лоцмана избежали гибельной встречи с нависающими деревьями. Остался позади «Сорок Енисеев», названный так за множество протоков, исчезающих и возникающих с каждой переменной уровня реки. Мы помогали Никитину на кормовой гребі, сменили Машу на носу, стряпали, ремонтировали плот, пели любимые их песни.

Никитин не раз одобрительно покрывал, наблюдая, как очередная вахта туристов без суеты и страха отворачивает неповоротливый нос плота от каменной стены, возникшей за поворотом.

Мы приближались к грозному, губительному для многих Хутинскому порогу. Все выше щеки отвесных стен, все уже река, яростнее течение. Енисей ринется в узкое ущелье, пробитое им за миллионы лет в крепких Саянах.

Алексей не раз рассказывал нам про Хутинский порог. Состоит из трех ступеней. Порог, Подпорожица и камень Интеграл. На выходе еще Кичеев камень. Весь каскад на 2—2,5 километра. Огромная ширь Енисея, разлившаяся почти на 2 километра, до порога, сжимается здесь до 40—50 метров. Плес обрывается у скал хребта Таскыл, перегородившего реку вертикальной каменной стеной. За нею резкий поворот вправо, падение с огромной высоты.

Двухметровые валы несколько дней назад перевернули катер, который тянул против течения плот. Никто не спасся, плот разметало по бревнышку.

С порога по трехсотметровому тесному каньону kloкочущая вода несет плоты прямо на скалу, пере-

городившую Енисей. Ударившись о нее, река уходит направо и кидается с Подпорожицы. А дальше подводная ступень Хутинского порога — Интеграл. Снова поворот, но уже налево. Снова скалы. А дальше уже спокойнее.

Близился полдень, когда Алексей самолично поставил на носовую гребь двух лучших загребных из нашей братии. Костлявый, но неутомимый Боря, мускулистый порывистый Дима. Остальных Никитин рассадил за высокий настил из толстых бревен. Велел держаться за канаты. Сам он снял свитер, надвинул на очки специально взятую для этого шляпу.

Вот он замер у кормовой гребни. На сухощавом теле вздулись мускулы. Справа встала высокая красная скала. Плот надо вывести на середину реки, не давая прижиматься к правому берегу, под которым проходит основной слив: там наиболее опасные подводные скалы. Но надо отжиматься и от левого берега: плот может развернуть поперек, а это гибель.

— Суши! Давай! Хорош! Давай, давай, растяпы! — яростно кричал Алексей на замешкавшихся Борю и Диму. Плот влетел в узкое ущелье, за которым слышался оглушительный рев падающей воды. Тут все зависело от того, насколько точно лоцман выведет в главную струю корму, а носовые выполняют команду.

— Еще! Маленько! Так, ребятки! Суши! Давай! Вправо! Еще! Лево! Лево, говорят! — Никитин, откидываясь всем телом, рвал тяжелую гребь, хрипло дышал.

Едва не задев крутые лбы красных скал, плот развернулся, и мы увидели, как перегнулось русло, взвихрились на тугих синих струях загнутые навстречу нам языки волн. Припав к вытащенному из воды веслу, Боря и Дима приняли первую стену воды. Став, на

котором они стояли, ринулся вниз, заходили крепко связанные стальными канатами бревна. Оглушительный рев. Став за ставом валился плот в кипящую бездну.

На мгновение я оглянулся. На корме, легко держась за гребь, что-то кричал, указывая и смеясь назад, Алексей. За плотом шел катер. Да не шел, стоял на водяных столбах. Винт беспомощно крутился в воздухе. На палубе вцепился в поручни бледный человек в морской форме, у ног распласталась вымокшая, подавленная страхом собака.

Вал достиг кормы плота, валы на миг закрыли лоцмана и нашего кинооператора Витю, сосредоточенно смотревшего в видеоискатель. Опять мелькнуло лицо Алексея с оскаленными зубами на напряженном лице: вынырнув из бездны, плот пошел на скалу.

До вечера петляли мы по Саянскому коридору, потрясенные пережитым. И лишь в сумерках пристали.

Хребты давно отступили, оставив на левом берегу длинную зеленую грядку. Но и она скоро оборвется красным уступом. За ним потечет Улуг-Хем, или Великая река.

Никитины несли прощальную вахту. Алексей радостно сверкал очками: скоро дом, конец тяжелому путешествию.

— С утеса город будет весь виден,— прервал свою песню лоцман,— через Каа-Хем паром. Которым на автобусную станцию, пусть идут, а которые со мной, на плоту оставайтесь. Катер придет, потащит к лесной барже. Там и хата моя: вещи ко мне, стол накроем, посидим.

Гряда в последний раз взмыла в белое вечернее небо и оборвалась красным уступом. За ним необъят-

ная ширь Енисея, над нею сверкает длинный мост. Никитин направил плот к берегу. Алексей и Маша принялись разжигать костер, туристы вскарабкались на утес.

С бугристого плато виден за сверкающей лентой реки долгожданный Кызыл. Россыпь белых домиков тянулась по берегу, терялась в зелени за мостом, пропадала в степном мареве. После тайги город казался огромным.

Вечер, точнее, ночь, провели у Никитиных. Отвыкшие от деликатесов, с жадностью набросились на нежных хариусов, смаковали душистое мясо кабарги, хмелели от ягодных настоек.

Между шпалерами кудрявых лип и лохматых тополей звенел трамвай, по широким улицам мимо ярких афиш и сверкающих витрин магазинов пылили разноцветные автобусы. На проспекте Ленина висели портреты Николаева и Поповича.

На бархате травы стадиона приземистые мускулистые атлеты. На смуглых телах короткие синие трусы, халатик, покрывающий часть спины, привязанный шнурками к поясу. Рядом судьи: широкие лица, узкие черные глаза, светлые соломенные шляпы, длинные шелковые халаты, мягкие сапоги. Соревнования по национальной борьбе начинаются традиционным танцем орла. Взмахивая сильными руками, подпрыгивая, перебирая жилистыми ногами в сапогах с короткими голенищами, атлеты кружатся друг перед другом. И вот богатуры уже сходятся, кружатся по полю, стараясь подсесть ноги противника, свалить его на землю...

Настало время возвращаться домой в Москву.

— Прошу на посадку! — крикнул шофер.

Я медлил. Обещал прийти Алексей Никитин. Вот и он. Наш верный плотгон сменил свитер на пиджак и светлую рубашку. Мы расцеловались.

Темнело. То взлетал, то падал Усинский тракт. Встречный ветер гнал на восток тучи.

Память сердца

В Абакане у доживающего, как и все старое в этих краях, свои последние дни неказистого деревянного вокзала мы увидели людей новой Сибири. Геологов в тяжелых сапогах и брезентовых накидках, строителей с Ангары и Байкала, студентов из Красноярска и Кызыла, туристов со всех уголков страны. Кому в Тайшет по только что проложенной железной дороге, кому в Москву, кому в иной город. Но никто не покинет Абакана, не посетив Шушенское.

Мы терпеливо выстаивали очередь на шушенский автобус. Прогрохотал под колесами мост через синюю Бию, запыхтела лента тракта. До Шушенского километров восемьдесят по Усинскому тракту и проселочным дорогам.

Леса, перелески, волнистые степи, косматое солнце в белом от сибирского зноя небе.

Село встретило нас веселыми белыми домиками в тени садов. Идем по широким мощеным улицам. Под сенью лип ленинский домик. Здесь у крестьянина Зырянова Владимир Ильич поселился 8 мая 1897 года.

...Простой стол, покрытый льняной скатертью, лампа с зеленым абажуром, у стола четыре стула, на полке и угловых столиках книги, журналы и газеты, на стене висит барометр, на полу простые дорожки.

Перед вторым домиком раскинулся цветник, по преданию посаженный руками Надежды Константиновны Крупской. За деревьями, под песчаным косогором, река Шушь с отражающейся в речной глади лодкой. В эту избу Владимир Ильич переехал в июле 1898 года, когда в Шушенское приехала Надежда Константиновна с матерью.

Вход в маленькие сени, дверь в кухню. Русская печь, кухонный столик, над столиком полка для посуды, в углу за занавеской умывальник. Из кухни дверь в комнату, которая служила столовой. В этой же комнате Ленин проводил юридические консультации для крестьян, хотя это было ему запрещено. Из столовой маленькая проходная ведет в рабочую комнату Ильича. Здесь он и спал. В углу деревянная конторка, чернильница с простой ручкой, керосиновая лампа с абажуром. Стоя за этой конторкой, Владимир Ильич работал до поздней ночи.

Читаем заглавия книг и брошюр, написанных Лениным за три года ссылки. Их более тридцати. Среди них «Развитие капитализма в России», «Проект программы» нашей партии. На книгах по философии, на учебниках иностранных языков пометки Ильича. Много писем: Владимир Ильич из Шушенского вел переписку с социал-демократическими организациями России и Западной Европы.

Экскурсовод останавливается у маленького окошка. Солнце бьет в стекла. За окном среди цветов бронзовый Ленин. Он смотрит поверх домов села в дрожащее марево далей, туда, где бежит полноводный Енисей, туда, где шумят дремучие леса.

— Вы, товарищи, туристы.— Обращается к нам экскурсовод. Профессии ваши — журналист, инженер, врач, педагог, научный работник. Словом, люди

умственного труда. И вы отдыхаете в путешествиях по стране. Так делал и Владимир Ильич. После напряженной умственной работы он уходил в леса, к Енисею. Собирал грибы. Ловил рыбу. Охотился.

В четырех километрах от Шушенского, в сосновом бору, две горки — Песчаная и Журавлиная, — продолжает экскурсовод, — с них Ильич часто любовался бескрайними просторами, снежными вершинами Саянских гор.

Мы кончаем осмотр. У книги отзывов столпилась вся наша группа. Каждому хочется вставить свое слово в строки, посвященные дорогому Ильичу. Наконец отзыв написан. Мои товарищи ставят свои подписи. Подошла и моя очередь. Я задумался. Мне вспомнился Алыгджер, Альберт Баканаев, сын тофаларского народа, тувинец Ак-Бак-оолович, плотогон Алексей Никитин. Я вспомнил все это и понял, что все эти люди, которых мы встречали на нашем пути, тоже носят в своем сердце память о великом вожде и дорогом человеке — Ленине.

Я расписался под отзывом сам и без колебаний поставил фамилии Баканаева, Ак-Бака, Никитина.

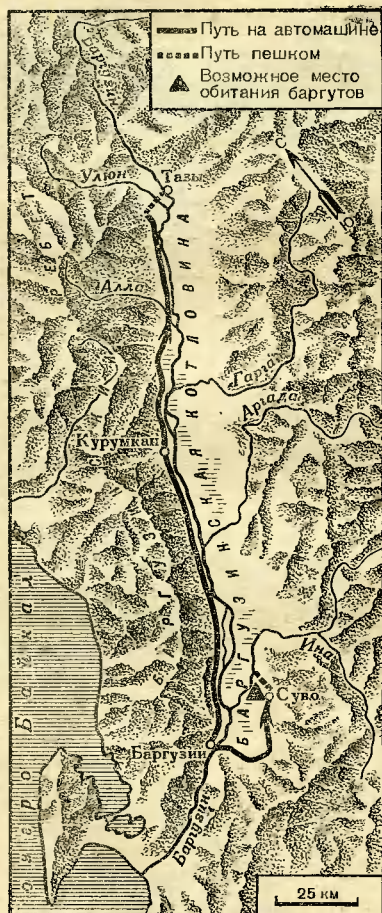

В. ТУГОЛУКОВ

На поиски загадочных баргутов

Байкал. С самолета озеро напоминало декоративную объемную карту; глубокие ультрамариновые тона переходили у берегов в полоску салатного цвета. Неширокая лента зелени лишь местами вытягивается чуть дальше в озеро. Вдоль берега, насколько хватает глаз, тянется золотая каемка прибрежных песков, четко отграничивающая воду Байкала от зелени гор. Над хребтами кое-где белые клубы дыма: лесной пожар.

С высоты лучше постигаешь строение земли. К западу и востоку от озера тянутся отроги высоких гор, на вершинах сверкает снег. От всей этой картины веет размахом и незаконченностью. Видно, что перед тобой еще молодая горная страна. Ее не сравнишь с Уралом, где большинство гор уже сгладилось и как бы осело под собственной тяжестью.

По реке Баргузин

С высоты как-то яснее представляешь себе и гигантский подземный толчок, оставивший на поверхности земли тысячи трещин. Из них подобно пасте из тюбика выдавливалась горячая вязкая магма, застывала, покрывалась травой и лесом, принимая облик современных гор.

Только огромная трещина с юга на север заполнилась кристально чистой водой, чтобы миллионы лет спустя стать известной под поэтическим именем Байкал.

АН-2 заболтало. Байкал исчез. Летим над долиной Баргузина. Над селом Баргузин тряска достигает апогея и не прекращается, несмотря на снижение. Неужели не сядем? Уже на земле нам рассказали, что бывали случаи, когда самолеты делали до четырех попыток посадки и все-та-

ки вынуждены были повернуть: дующие вдоль долины ветры достигают наибольшей силы именно у села Баргузин.

Населенный пункт Баргузин пережил за триста лет немало превращений. Острог — село — окружной центр — заштатный город и снова село. Большинство строений — деревянные одноэтажные домики со ставнями, трехэтажных зданий нет. Над селом круто обрываются поросшие соснами горы, по обширной низине с другой стороны лениво течет Баргузин. Течение медленное, берега низкие, вода не слишком чистая. Только вечером, когда мы вновь пришли на берег, бросились в глаза, словно выписанные художником на фоне гор, силуэты людей и лодок, копны сена на дальнем берегу, плывущие по тихой воде розовые отражения дальних гор. Все это дышало тихой умиротворенностью.

Мой путь лежит в Дыренский сельсовет, Баргузинского района, куда меня направили товарищи по туристской группе. На северном побережье Байкала во время походов прежних лет нам поведали, что в районе холмов за деревней Суво некогда обитали баргуты — народ невиданной силы и ловкости. Мне поручено проверить эти сообщения и по возможности нанести на карту места стоянок баргутов для дальнейших розысков легендарного племени.

На почтовой автомашине мы выехали в верховья баргузинской долины. Вблизи дороги возвышаются гольцы — горы со скалистыми, покрытыми снегом вершинами, у их подножия небольшие сосновые леса. В обширной пойме течет Баргузин. Возле деревень поля пшеницы, сенокосы, болота.

Перед конечным пунктом автомобильных сообщений — Улюнханом — в машину подседа пятнадцати-

летняя эвенкийка Галя: едет в заимку Таз к бабушке. Затем мы пошли с Галей через степь. Сгущались сумерки, когда мы вошли в приземистую деревянную юрту, жилище восьмидесятипятилетней Сыбык Кулугуровой.

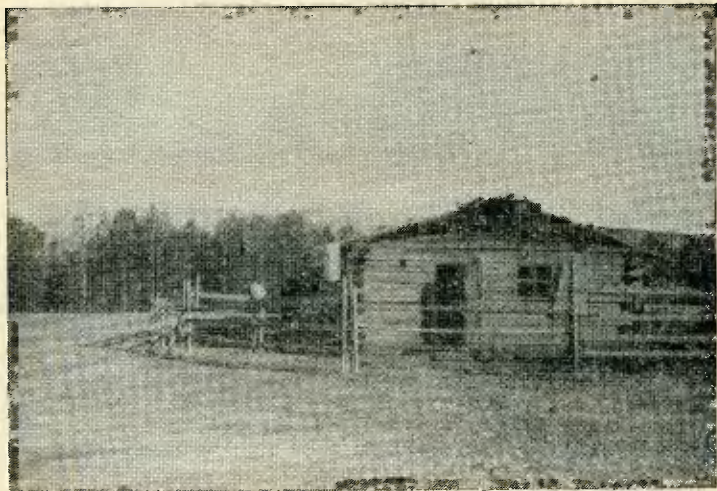
В ней просторно и чисто. Земляной пол оттеняет белые стены. От входа до задней стены дощатый настил. Возле напоминающей камин печи два столба, подпирающие четырехскатную крышу, у ее верхушки дощатый квадрат, заменивший, по-видимому, дымовое отверстие.

Утомленный дорогой, я крепко уснул на куске войлока, разостланном на топчане. Утром отправился к Баргузину. Ого! Здесь, в 200 метрах от жилья, он совсем иной — неглубокий, каменистый, стремительный, чистый: река начинается всего в 100—150 километрах отсюда.

Долина по форме напоминает восьмерку, жилище Сыбык Кулугуровой находится в центре. На жухлой от зноя траве отчетливо видны норы сусликов. Степь такая ровная, что можно идти с закрытыми глазами.

Недалеко от юрты присматривает за отарой овец пожилая бурятка. У горы пасется табун лошадей. Белый вожак подозрительно косит в мою сторону фиолетовым глазом и, только убедившись в безопасности, снова опускает голову к траве.

В Тазе живет с десяток семей эвенков и бурятов, рабочих совхоза. Большинство здесь живет только летом. На зиму пастухи перебираются из юрт за несколько километров в более капитальные избы, там имеются стойла для скота, запасы сена. Население ведет полукочевой образ жизни: то на летниках, где пасут скот, то на зимниках, где косят сено. Поэтому, кроме магазина и метеостанции, в Тазе нет никаких

Юрта Сыбык Кулугуровой

Фото автора

других учреждений. Больница и школа в центре Дыренского сельсовета — Алле.

У всех жителей долины есть коровы, почти в каждой юрте сепаратор. Эвенки и буряты пьют крепкий чай, непременно с молоком. Популярны тульские самовары. Кроме чая любят курумгушку — коктейль из перекисшей простокваши со сметаной. Этот приятный напиток обычно пьют перед сном. Чай пьют с арасу — сваренным и высушенным в печи творогом, напоминающим по виду крошки белых сухарей.

У эвенков этой группы сохранился в прошлом широко распространенный обычай среди народов Во

сточной Азии, служащий для выражения чувств,— нюхание. Оно почти исчезло у эвенков-оленоводов, осталось лишь у скотоводов. В Тазе еще можно видеть, как дед, бабка, отец прикасаются, лаская ребенка, носом к его щеке, с шумом втягивая воздух.

На третий день на заимке появился косивший в соседней долине Николай Николаевич Туракин. Ему за семьдесят. В войну был командиром роты партизанской дивизии, действовавшей в Карпатах.

Я спросил, что он знает о баргутах.

— Мы их называем корчинами. Они до эвенков жили. Еще позже пришли буряты. Баргуты были очень рослые, сильные, ловкие, без лошади догоняли удиравшую на всем скаку кабаргу. Когда пахали, надевали сошник прямо на ногу. Одежду шили из двух шкур: одна спереди, другая сзади. Жили в шалашах там, где теперь село Баргузин. Покойников хоронили в песчаных холмах у деревни Суво. Мой отец жил в Белых Водах возле одного такого бугра. Мы, ребята, находили там человеческие кости, куски бересты, в которую зашивали гробы. Я раз нашел серебряный перстень, такой большой, что два наших пальца пролезут. Очень рослые люди были! Берцовые кости были вот какие,— и старик вытянул руку до пояса.— Находили там и огромные скрученные рога баранов, большие коленные чашечки от коров.

Баргуты землю пахали, скот разводили, охотились. Потом видят: в лесу береза стала расти, раньше-то ее и в помине не было. Испугались баргуты. «Не к добру такое: идет белый царь, уходить надо». И ушли. Сам видел их тропу по реке Турукче. Вдоль нее огромные камни. Кто мог их так поставить? Только они.

Поезжайте в Суво. Там есть старик Николай Наргаулев, он все знает,— напутствовал меня Туракин.

Суво лежит на левой стороне Баргузинской долины, на грунтовой дороге, соединяющей райцентр с селом Баянгол. От Баргузина вплоть до Суво живут русские, дальше преобладают бурятские поселения. В Суво в числе эвенкийских семей живет и восьмидесятичетырехлетний Николай Наргаулев с приемной дочерью.

Пойти к баргузинским холмам он отказался. Коных Гоха Коневин, который мог отвезти меня на подводе в Онкули, где живет знающий окрестности паромщик Буянтá Бубеев, был на сенокосе. Прихватив фотоаппарат и записную книжку, я вышел за околицу.

День теплый. Справа возвышалась безлесная гора, слева простиралась затуманенная голубой дымкой степь.

Степь? Скорее, полупустыня... Скучная, выжженная солнцем трава, кое-где заросли высокой злакоподобной травы килганы, песок, пересохшие болотца, горячий ветер.

Бубеев, семидесятитрехлетний бурят, крепок, как старый дуб. После чая с маслом (сбитое в узкой высокой бочке, но вкуснее сепараторного) и нескольких кусков вареной щуки мы отправились к дому Туракина. Нам посчастливилось: до Белых Вод подвезли русские косари.

— Тут у него был погреб,— сказал Бубеев, указывая на яму среди кустов килганы. Близ ямы песчаный бугор, но мы в нем ничего не нашли. Кругом десятки таких же бугров, между ними овраги. Искать наугад — бессмысленная трата времени.

— Иди на Центральную. Там спросишь чабанов.

Так развеивает ветер песчаные холмы

Чабан там живет — Колмаков, он говорил, будто видел кости.

Слово «иди» стало для меня привычным...

Центральная заимка совхоза «Баргузинский». Чабаны с отарами были в степи. Уже смеркалось, когда чабаны вернулись. Три хозяйки готовили ужин. Павел Колмаков, черный как ворон, лет пятидесяти, сказал:

— Костей тут много. Кругом валяются. Есть даже череп. Черепов много было. Покажем, если нужно. Мы тут скрозь все места знаем. Вот он, Ламачко, лет с пятнадцати здесь пасет. — Но Ламачко Цыренов, старик бурят, промолчал, видно устал за день.

Утром, пока Ламачко ловил коня, я пошел в степь. Точно каменные изваяния, торчали столбы и фигуры из песка на горе у Суво. Скот и ветер уничтожили некогда прекрасную, покрытую травой, а может быть и лесом, степь. Скот выбил траву, ветер размыл песчаные холмы, засыпал песком долину.

— Был здесь когда-нибудь лес?

— Был, однако.— Ламачко махнул рукой в сторону.— Там еще недавно сосна стояла, года три как упала.

На склоне показался Колмаков на коне. Перевалили вершину холма.

— Здесь,— сказал Колмаков и, повернув коня, укакал. Цыренов вглядывался куда-то, где наконец и я увидел человеческий череп. Лежит на виду, выбеленный временем, на дне оврага. Возле него занесенный илом и песком гроб, обшитый берестой, рядом полуистлевшая сосновая доска, видимо крышка гроба.

Я вытряс из черепа песок: нормальные человеческие размеры. Ламачко молча наблюдал с вершины холма.

Я завернул череп в газету, сфотографировал местность, оторвал кусок бересты в надежде, что она может датировать захоронение. Мы пошли дальше.

Холм — овраг, холм — овраг. Было трудно понять, что находили тут овцы. Только чахлаю, редкую, словно прополотую ветром, траву? Но лес тут все-таки был: на обрывистом склоне одного из холмов чернели под слоем песка истлевшие стволы деревьев.

Цыренов остановился. Подойдя ближе, я разглядел несколько костей рук и ног нормальных размеров. Дно оврага усеяно черепками глиняной посуды, раздробленными, опаленными на огне костями лошадей,

овец и более мелких животных. Попались кусочки кремня, что-то вроде железной пряжки и верхние части черенка лопаты.

В этих местах издревле жили люди, шумели леса, зеленела густая трава. Люди держали скот, занимались охотой. В отвалах гор до сих пор находят тяжелые закрученные рога дикого тура, которого давно уже нет в этих местах. Древние жители знали железо, владели искусством гончаров. В окрестностях много разноцветных глин, в последнюю войну из них здесь изготовляли самодельную посуду и даже курительные трубки.

Но кто же были эти древние жители? Баргуты? Эвенки? Буряты? Эвенки говорят о баргутах как о людях богатырского сложения, но виденные мной кости обыкновенных размеров. Да и могли ли сохраниться на земле люди, так резко выделяющиеся среди остальных? Правда, мы знаем высокорослых негров Судана и пигмеев Экваториальной Африки.

Старик Наргаулев, увидев череп, поднялся, крякнул:

— Где ночевал?

— На Центральной.

— Ламачко, Пашко.

Мы вышли покурить.

— Видишь?

Слева от горы с изваяниями виднелась еще одна голая гора с похожей на башню вершиной.

— Там и есть корчин! Когда белый человек пришел, корчин мало-мало еще жил тут. Это их гора — Илимбурга, они на вершине землянку делали, там и оstarлись.

Старик выразительным жестом показал, как те, о ком он говорит, обрушили на себя вершину.

Гора Илимбург у деревни Суво

— Там и ищи!

— А это чей? — показал я на череп. — Эвенки там жили, на Центральной?

Старик отрицательно покачал головой.

— Тунгусов¹ там не было, — сказал подошедший Бубеев. — Они в Белых Водах, верстах в двух оттуда, жили. Но лет шестьдесят-семьдесят назад был у них большой мор от оспы. Может быть, там хоронили. Я слышал, большую яму выкопали, всех мертвецов сложили и сожгли.

— А баргуты?

¹ Так до революции называли эвенков.

Бубеев внимательно посмотрел на вершину горы Илимбург, потом на меня:

— Да, баргуты там жили.

— Это их череп?

— Не знаю.

Я понял, что большего не добьюсь. Что здесь: незнание, нежелание говорить, суеверный страх перед мертвыми? Вспомнилось осторожное поведение Ламачко Цыренова и то, как быстро усакал Павел Колмаков.

Побывал я еще у русского старика Евдокима Кокорина, который, по словам Бубеева, хранил полученные от отца баргутские удила.

— Они были во какие! — восторженно сказал Евдоким. — Вдвое боле наших!

Прошу показать.

— Нету, паря! Потерялись, — и Евдоким горестно развел руками. — Переезжали в новый дом и потеряли. А баргуты здесь были, верное слово. Еще отец говорил, возле Бодона есть Баргутская падь. Их падь, значит.

Но где же следы этих огромных людей? Только названия — Баргузин, Илимбург, Баргутская падь — и предания. Прошлое кружилось, как песок, приносимый из степи ветром: он просачивается сквозь пальцы рук, ускользает.

Быть может, тому, кто придет сюда или в другие места, посчастливится больше, чем мне.

* * *

В Москве антропологи сказали, что найденный череп эвенкийский.

А баргуты? Значит, зря скитался я по Баргузинской долине?

— Нет, не зря!— Таково было единодушное мнение наших туристов. Мы пойдем теперь по реке Турукче, будем искать новые стоянки баргутов, попробуем проследить их пути от Байкала на юг.

Мы пойдем по Турукче!

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Башкуев Б. В. и Тугутов Р. Ф. По Бурятии. Туристские маршруты. Улан-Удэ. Бурят. кн. изд-во, 1961, 89 стр. с илл. (Бурят. филиал Геогр. об-ва СССР).

Трифонов Д. Н. Светлая. М., «Физкультура и спорт», 1960. 93 стр. с илл. (По родным просторам).

Описание туристских маршрутов по Бурятской АССР.

Фадеева Н. В. Селегинское среднегорье. Улан-Удэ. Бурят. кн. изд-во, 1963. 169 стр. с илл.

Природные условия Забайкалья.

Н. БЕРКОВА

В стране контрастов

Передо мной лежит похожий на стекло темный камень. Когда на него падает свет, в изломанных гранях вспыхивают таинственные темно-красные или фиолетовые огоньки. Это обсидиан, кусочек застывшей лавы. Много времени прошло с тех пор, как кипящая, бурно клокочущая лава превратилась в твердый камень и щедро разбросала его по земле. И теперь каждый раз, когда смотрю на него, вспоминаю замечательное путешествие, которое удалось мне совершить по стране ослепительного солнца и синего-синего неба — Армении.

* * *

Закавказье. Почти у каждого, кто слышит это слово, в памяти возникают покрытые снегом горы и безбрежное море, пальмы и бесчисленные дома отдыха и санатории, заселенные загорелыми курорт-

никами. Кажется, здесь все уже известно и вряд ли можно увидеть что-либо новое. Но это совсем не так! Стоит лишь миновать знакомые всем курортные места, и вы попадете в сравнительно неведомые туристам края, в одно из древнейших и своеобразнейших государств нашей страны — Армению. Здесь, правда, нет теплого моря, но природа ее полна особой прелестью, а для любителей памятников старины и древней истории вряд ли найдется другое такое же интересное место.

Хотя Армения невелика, ее площадь всего лишь 29,8 тысячи квадратных километров, меньше озера Байкал, на ее территории сочетаются самые невероятные контрасты. Даже климат здесь в равнинной и предгорной части сухой, континентальный с жарким летом и не очень холодной зимой, в среднегорье умеренный, в высокогорье холодный, на юго-востоке — субтропический. Так же разнообразен и рельеф: вулканические плато и горные хребты чередуются с речными долинами и котловинами.

Много маршрутов можно наметить по Армении, и они удовлетворяют все вкусы: пешком, на машине, на вертолете (в такие места, как Кафан). Если вы хотите заняться горным туризмом, для этого надо отправиться в Зангезурский район, гористую часть Северной Армении. Совсем еще недавно связь между населенными пунктами поддерживалась здесь главным образом только по пешеходным тропам или верхом. Да и сейчас, пусть проложено много дорог, осталось достаточно неизведанных путей и тропинок с головокружительными спусками и крутыми подъемами.

Поражает красотой Зангезурская долина. Особенно славится Азизбековский район с превосходным курортом Джермук, широко известным не только у

нас в стране, но и за рубежом. В Армении более двухсот источников, но воды Джермука считаются уникальными. Этот горячий, с температурой воды до шестидесяти четырех градусов, источник по своему составу и действию близок к знаменитым целебным водам Карловых Вар.

Джермукские минеральные источники находятся в 215 километрах от Еревана и в 100 километрах от станции Норашен, расположенной на территории Нахичеванской АССР.

Из Еревана в Джермук можно попасть двумя дорогами: первой, более короткой (250 км), через Аштарат, Норашен, вторая (260 км) идет к Севанскому озеру по ущельям и горам, сворачивает на юг и проходит через поднятый на 2410 метров Аноцзорский перевал по живописному зеленому ущелью. После суровых горных ущелий попадаешь в мир пестрых лугов, обильных источников.

Джермук — один из молодых курортов, хотя слава о целебных свойствах чудесной воды из ущелья Истису, так летописцы называли это ущелье, над которым всегда клубились дымки, переходила из века в век. Свое название Джермук получил от «джерм» — горячий. До сих пор сохранились остатки бассейна и выбитые большие ямы, в которых больные принимали процедуры. Считалось, что, чем дольше больной просидит в горячей воде, чем больше примет ванн за день, тем скорее поправится. Далеко за пределами Даралагязского уезда (сейчас Азизбековский район) было известно о здоровом климате этого ущелья, обильных пастбищах и альпийских лугах.

В 1932 году сюда по крутым тропам пришли врачи и ученые. Много дней жили они в палатках, внимательно изучали растекающиеся по скалам источни-

ки, была заложена буровая скважина. На берегу реки Арпы забил первый шестиметровый горячий фонтан. С тех пор прошло немногим больше тридцати лет, и Джермук стал прекрасно оборудованным курортом союзного значения. Плато с трех сторон окружают покрытые зеленью горы, над шумной рекой вздымаются диковинные скалы, похожие на крепости и пирамиды. С высоты 70 метров с грохотом низвергается водопад, разбрасывая блестящую на солнце водяную пыль. Незабываемое зрелище! Даже если у вас нет никаких болезней, стоит побывать в Джермуке и утолить жажду кружкой чудесной целебной воды.

Не только курортом привлекает путешественника Зангезурский район. В 20 километрах от центра Зангезура, Гориса, интересный памятник армянской архитектуры IX века Татевский монастырь. Дорога к нему идет через леса и луга, покрытые массой пестрых цветов. Селение Татев расположено на высоком плато, монастырь находится на краю обрыва. От громадного здания остались после землетрясения только стены.

У этого монастыря богатое историческое прошлое. Много крови и слез видел он. В годы становления Советской власти в нем прятались националисты-дашнаки, жестоко расправлявшиеся с красноармейцами и партизанами. Они сбрасывали пленных со скалы, названной Скалой партизан.

Недалеко от Татева над широкой и быстрой рекой переброшен естественный мост — Сатаникамурдж (Чертов мост). Он образован отложениями кальцита. Местами мост порос травой и мелким кустарником, на нем образовались пустоты и отверстия, похожие на пещеры.

Очень интересен Горис — зеленый городок с белыми домиками под красными крышами. Он со всех сторон окружен горами. Это целый лес пирамид, столбов и других причудливых по своим очертаниям фигур. Все это результат выветривания. Недалеко от Гориса находится известное селение Хндзореск. Когда-то здесь в пещерах жили люди. Пещерное селение остается одним из самых больших и характерных памятников отдаленных времен.

Есть еще один горный маршрут. Из Аштарака, минув множество фруктовых садов и виноградников, отдохнув в селении Ошакан, можно подняться на вершину Арагаца, самую высокую в Советской Армении — 4090 метров.

Арагац — потухший вулкан с хорошо сохранившимся кратером и небольшим озером. Там можно увидеть замечательные альпийские луга, реки в глубоких ущельях и руины неприступных замков. На склонах Арагаца до сих пор находят громадные каменные изваяния вишапов — древних божеств Армении.

Из Аштарака можно попасть в Ленинакан. На всем пути от Арагаца до Ленинакана через Снитакский перевал вы видите остатки памятников древнейшей культуры — развалины акведуков и мостов. А вокруг бесчисленные горы, покрытые зелеными лесами.

Но не надо думать, что в Армению могут ехать только те, кто любит горы и трудные дороги. Озеро Севан с его чудесными пляжами и исключительно чистой водой вполне заменяет море.

На Севан можно добраться на попутной машине, а проще всего пойти на гостеприимную Ереванскую турбазу (Норк) и вместе с другими туристами вас довезут до озера. Машина быстро идет по шоссе, окаймленному узкими тополями и низкорослым кустар-

ником. С одной стороны виднеется Арарат, с другой — Арагац. А дальше путника вознаграждает открывающееся за последним поворотом голубое озеро среди скал, не говоря уже о необычайно вкусной форели с белым вином, которую можно заказать в ресторане «Минутка».

Много песен и стихов посвящены Севану, этому маленькому чуду, расположенному на высоте почти 2000 метров. О нем не случайно говорят, «что это самое большое из высоких озер и самое высокое из больших». Вода в Севане настолько прозрачна, что, несмотря на большую глубину, видишь брошенную на дно монетку. Редко где можно найти такое разнообразие красок: все оттенки синих, зеленых и голубых цветов, от яркой бирюзы до нежной лазури. Сколько изумительных полутонов, как все это переливается и сверкает под синим небом!

Севаном можно любоваться часами. Озеро переменчиво, как настоящее море: тихое и спокойное, даже неподвижное, вдруг становится бурным. Ветер поднимает большие волны, начинается шторм. Севан становится серым, мрачным, неприветливым, потом успокаивается, и снова его поверхность гладка и прозрачна. Когда-то в центре озера был остров. Сейчас, когда Севан значительно обмелел, остров превратился в полуостров. На нем выстроен дом отдыха, где можно всегда найти приют, а задержаться на Севане, право, стоит. Полуостров, распластавшийся над синевой воды, немного напоминает черепаху. На его вершине чернеют два квадратных храма IX века, сложенные из грубоотесанных камней. В одной из церквей находится музей, и наше внимание невольно привлекает тонкая резьба на дверях храма: фантастические животные, цветы, надписи переплетаются в за-

мысловатом рисунке. Много видел этот храм: он бывал и крепостью, и тюрьмой. В нем когда-то томились провинившиеся монахи и неугодные правителям люди. Подземные каморки с крохотными окошками, забранными железными решетками, становились могилой для узников, заключение в Севанский монастырь считалось тяжелым наказанием.

По озеру резво бегают небольшие пароходики. Берега Севана неповторимы в своем разнообразии. С одной стороны скалистый крутой берег, там, где отступают горы, видны тенистые рощи и ущелья с реками. Противоположный берег покрыт обломками скал и бесформенными глыбами. Далеко на горизонте возвышается Гегамский хребет. Вершины и склоны его покрыты снегом, кое-где зеленеют альпийские луга.

Тот, кто побывал на Севане, долго его не забудет.

* * *

Маленькая Армения, как уже говорилось, удачно сочетает в себе почти все интересные для туриста маршруты. Рассказать о всех невозможно, каждый может выбрать для себя наиболее подходящий. Но безусловно, любой маршрут надо начинать со столицы республики — Еревана. Это город, в котором старое тесно переплетается с новым, и, пожалуй, именно здесь можно ясно увидеть, как изменилась жизнь народов Закавказья.

Город возник в глубокой древности. Эривань был типичным азиатским городком с кривыми узкими улочками. Все в нем было из глины: дома, крыши, стены. Дома выходили окнами во двор и поэтому с улицы были видны только бесконечные глиняные стены, кривые и безобразные, изредка прерывавшиеся

низкими дверцами, почти всегда запертыми. До революции в городе жило только 15 тысяч человек, причем в промышленности было занято всего 580 рабочих. В советское время в Ереване начала бурно развиваться экономика, появилась промышленность. Запущенный маленький городок превратился в благоустроенную столицу одной из советских республик.

Ереван очень красив. Ослепительное солнце, зелень, разноцветные — розовые, желтые, красные, серые — здания, ярко-синее небо и виднеющийся на горизонте, покрытый голубоватой дымкой белоголовый Арарат — совершенно сказочное зрелище.

Армению когда-то презрительно называли страной камня, раньше это было синонимом бедности, теперь камень стал источником богатства. Армянский туф известен далеко за пределами республики. Туф самых разнообразных цветов и оттенков: белый, розовый, оранжевый, черный севанский порфирит, различные граниты — все это превосходные строительные материалы. В Армении из них строят целые города, замечательные памятники и дворцы. Армения всегда славилась своими резчиками по камню, и сейчас народные умельцы смогли широко применить свое мастерство. Дома в Ереване не похожи один на другой, и многие из них невольно заставляют прохожего останавливаться и подолгу рассматривать чудесные каменные узоры. Есть целые улицы, где каждое здание — образец искусства. Такова, например, улица Баракамянца. В архитектуре Еревана сочетается национальное народное искусство с лучшими современными традициями. Крытые колоннады, величественные арки, колонны, украшенные гроздьями винограда, фруктами, экзотическими животными и каменной кружевной резьбой, придают зданиям какой-то

фантастический колорит. Большинство строений в Ереване трех-, четырехэтажные: в Армении довольно часты землетрясения.

Для Еревана характерны большие архитектурные ансамбли, площади и проспекты. Центральная площадь имени В. И. Ленина с двадцатиметровым монументом из чеканной меди — одна из красивейших в нашей стране. Кажется невероятным, что несколько десятков лет назад на этом месте стояли убогие лавочки низкая баня и неприглядный кинотеатрик «Аполло».

Площадь Ленина — любимое место отдыха жителей Еревана. Вечерами, когда заходит солнце, большинство горожан приходит сюда отдохнуть около фонтана. Огромная площадь с разноцветными дворцами, оживленная, пестрая толпа и небо, покрытое крупными звездами, — все это кажется сценой из спектакля с прекрасными декорациями.

Можно совершить увлекательную прогулку по набережной реки Занги, полюбоваться на красивые мосты и попить вкусной ереванской воды. Надо сказать, что вода — предмет законной гордости ереванцев. Это одна из достопримечательностей города. Ее трудно сравнивать с какой-либо другой: она чиста, прозрачна, всегда прохладна и имеет свой, какой-то неповторимый вкус. Достаточно сказать, что стоит выпить ее в самую жару, а жара в Армении очень ощутима, и вы почувствуете себя бодрым и полным сил. Поэтому возле каменных фонтанчиков всегда толпятся люди. Но эта достопримечательность города тоже появилась только в советское время. До революции ереванцы пили грязную зангинскую воду, а также воду из родников, берущих начало в заболоченных районах города. Эта вода была рассадником страшных

болезней и во многом способствовала тому, что смертность в городе была огромна.

Замечательная вода поступает теперь в город из Крхбулагских родников, которые выходят из трещин базальтов к северо-востоку от Еревана и образуют здесь целую речку.

Но не водой единой могут гордиться ереванцы. В городе находится знаменитый винодельческий трест «Арарат». Его вина, особенно коньяки, принесли ему мировую известность.

Нельзя перечислить все улицы и здания, которые надо посмотреть. Конечно, необходимо побывать в театре оперы и балета имени Спендиарова и полюбоваться на это оригинальное здание, сочетающее в себе зимний и летний театры. Непременно посетите парк Победы и поглядите сверху на город. Надо поехать и в новые районы города и порадоваться за новоселов. Еще много интересного можно и нужно посмотреть, и в этом вам всегда помогут экскурсоводы с турбазы, но мне хочется посоветовать вам обязательно побывать в Матенадаране.

Это государственное хранилище старинных рукописных книг, одна из самых древних библиотек в мире. Здесь свыше двенадцати тысяч рукописей на армянском, древнегрузинском, тюркском, арабском и многих других языках и наречиях. Многие из этих книг и рукописей раньше хранились в разных монастырях, где их никто не считал за особую ценность. Неоднократно, когда нападали враги, уникальные документы уничтожались, разрывались, и поэтому много бесценных материалов навсегда пропало. До недавнего времени огромная библиотека хранилась в Эчмиадзине — монастыре недалеко от Еревана. Там вдали от людей все эти сокровища скрывались больше пяти-

сот лет. Теперь все они собраны в одном месте. На специальных стендах выставлены книги, написанные на пергаменте, на грубой шероховатой бумаге красками и тушью. Здесь есть фолиант, который весит более тридцати килограммов, и крошечная книжечка со спичечную коробку. Много рукописей и книг иллюстрированы художественными миниатюрами, яркими, свежими и оригинальными по своему замыслу и исполнению. Все работники Матенадарана влюблены в свое дело и в свой музей. Они не считаются ни со временем, ни с силами и всегда с радостью поделятся с вами своими знаниями.

В залах книгохранилища время летит незаметно. С удивлением видишь, что прошло уже три часа, а они показались мгновением. И когда выходишь из тихого вестибюля на ярко освещенную улицу, то невольно кажется, что ты на машине времени перенесся из далекого прошлого в наши дни.

...Мы на турбазе. В туристском кабинете прохладно и после ослепительного солнца даже сумрачно. На стенах карты с маршрутами и фото. Как много еще можно бы увидеть. Но, как говорил Козьма Прутков, «нельзя объять необъятное». Придется удовольствоваться только некоторыми маршрутами. Вообще если вы путешествуете «диким» образом, то вам лучше всего сделать Ереван своей центральной базой и отсюда делать вылазки. Тогда вы сможете съездить и посмотреть интересный курорт Арзни, на Севан, монастыри Эчмиадзин и Звартноц, где сохранились руины древнего круглого храма, выстроенного еще в VII веке.

В Эчмиадзине всегда много посетителей: их привлекает прежде всего храм — памятник старинной церковной армянской архитектуры. Эчмиадзин — ре-

зиденция Католикоса, главы армянской церкви всего мира. Бросаются в глаза вызывающие недоумение черные фигуры монахов, бесшумно скользящих по монастырскому двору и храму. Большинство из них совсем молодые, и так странно в наш век космоса и покорения атомной энергии видеть юношей в черных рясах, медленно движущихся с опущенными глазами.

Каждый, кто приедет в Армению, обязательно должен посетить Гарни и Гегард — интереснейшие исторические памятники, сохранившиеся до наших дней.

В Гарни и Гегард можно доехать на машине по прекрасному шоссе или часть пути пройти пешком, только, конечно, рано утром, когда солнце еще не начнет припекать, а потом уже добираться попутной машиной. Эта дорога никогда не бывает пустой. По ней проносятся легковые машины, тяжелые грузовики, и трудно себе представить, что когда-то по этой же дороге шагали римские legionеры, двигались повозки и раздавался топот лошадиных копыт.

Машина быстро несется по гладкому шоссе. От яркого солнца и раскаленной земли воздух становится горячим и обжигает лицо. Мимо пробегают ровные поля, изредка попадаются деревни с домами из камня, с плоскими крышами и купами деревьев возле отдельных зданий. И все время виднеются величественный Арарат и многоголовый Арагац, освещенные солнцем.

Ближе к ущелью Гарни пейзаж меняется. Высокие базальтовые скалы круто поднимаются с одной стороны реки и полого — с другой. Большинство базальтов розоватого цвета. Солнце и ветры немало потрудились над твердым камнем, придав ему причудливую форму. Кажется, проезжаешь огромную скульптурную

Храм Рипсимэ по дороге в Эчмиадзин

Фото В. Кучкина

галерею, где стоят изваяния, высеченные мастером-виртуозом. Трудно поверить, что они созданы не руками человека, а самой природой. Кругом тишина, сюда не доносится даже шум бурного Азата, стремительно несущегося в ущелье.

Закончился подъем — и перед нами селение Гарни. Здесь нужно сделать остановку и перенестись во II век до нашей эры. На окраине селения, высоко над обрывом, там, где сливаются две горные реки, на

треугольном мысу, сохранились остатки крепости Гарни, построенной еще в дохристианский период. Гарни в то время славилась как неприступная крепость. Отделенная от всего мира крутым обрывом и пропастями, она гордо смотрела вниз на зеленую долину, где весело журчали ручейки и кипела жизнь. Могучая крепость, сложенная из огромных базальтовых глыб, окруженная непроходимыми скалами и укрепленная стеной с прямоугольными башнями, могла быть уверена в своей безопасности. Тут была стоянка воинских гарнизонов, поддерживающих римскую верховную власть. Внутри крепости на высоком холме расположился языческий храм, созданный еще во времена Нерона. В 1679 году храм разрушило землетрясение: рухнула каменная кровля, упали тяжелые колонны с резными капителями.

Сейчас сохранились остатки стен, фундамент и каменные лестницы. Обломки храма раскиданы на довольно большом расстоянии друг от друга. Между ними выросли деревья, и мох покрыл их, мешая как следует разглядеть замысловатые резные узоры. Но здесь снова можно увидеть национальный армянский орнамент: виноградные гроздья, листья, плоды гранатовых деревьев. Очень выразительны изображения львов с оскаленными клыками, свирепо глядящие на окружающий мир. С обеих сторон входа на массивных плитах умелой рукой высечены обнаженные фигуры. Они стоят на одном колене и поддерживают поднятыми вверх руками тяжесть. Фигуры полны жизни и экспрессии.

Камни, из которых был сложен храм, скреплялись железными скобами, а узлы соединения заливались свинцом. Они так и сохранились до наших дней; такой высокой прочности можно и сейчас позавидовать!

Недалеко от храма была найдена полуразрушенная древняя баня с полом, покрытым оригинальной мозаикой, где можно увидеть полуобнаженные женские и мужские фигуры, а также изображения различных рыб и мифических существ. Для того, кто любит искусство, эта мозаика может представить большой интерес.

Крепость и храм осмотрены. Бросим последний взгляд на величественные руины! Наш путь идет дальше: ущелье постепенно сужается, на дне его бурлит быстрая река, а высоко вверху виднеются причудливые базальтовые скалы. На самом карнизе глубокого ущелья приютился старинный пещерный монастырь Гегард. Раньше он назывался Айриванк, пещерный, но после XIII века его переименовали в Гегард: монастырь Святого копья. Горы так крепко охватили монастырь со всех сторон, что его видно только тогда, когдаходишь во двор. Главная церковь, сложенная из тесаных плит, плотно примыкает к стене ущелья, а ее конусовидный купол отчетливо выделяется на темном фоне. Главный вход украшен прекрасной резьбой по камню, но не она привлекает к себе туристов.

Гордость Гегарда — пещерные храмы, высеченные на разной высоте в скале северной стороны главной церкви. Внизу находятся две небольшие церкви с притвором, наверху — усыпальница. По преданию, в XIII веке владельцем монастыря Айравайк стал князь Прощ. Он нанял талантливого архитектора Галдзака, чтобы тот переделал естественные пещеры в подземные

С шумом мчится покрытая пеной река

Фото В. Кучкина

храмы. Галдзак блестяще справился с задачей. Он соорудил две небольшие церкви и усыпальницу над ними. Свет проникает в храмы через отверстие в верху купола. Во втором пещерном храме усыпальница князей Прощьянов. На стене их герб: голова быка с цепью во рту, к цепи прикованы два льва, ниже орел, держащий в лапах ягненка. Эти храмы известны во всем мире как своего рода шедевр древней архитектуры. Недалеко от храмов в скале высечены узкие каменные пещерки, в которых среди мрака и сырости совсем еще недавно жили монахи. Контраст между прекрасным памятником творческой мысли и этими кельями для заживо погребенных людей так велик, что еще раз можно было невольно удивиться сложности человеческой натуры.

* * *

Обо всем этом: о величественных руинах Гарни, фантастических пещерных храмах, базальтовых ущельях и неповторимом городе Ереване — напомнил мне темный, похожий на застывшее стекло камень с вспыхивающими на его поверхности таинственными огоньками. Трудно в немногих словах передать все то, что можно увидеть, путешествуя по замечательной Армении. Чтобы все это посмотреть собственными глазами, надо поехать самому, и, уверяю вас, вы об этом никогда не пожалеете!

АРМЕНИЯ

№ 61. По Армении и Грузии: Ереван — 4 д., Севан — 2 д., авт.— Дилижан — 2 д., авт.— Кировакан — 2 д., авт.— Тумаян — 2 д., авт.— Мухета (включая экскурсию в Тбилиси) — 3 д., ж. д. — Пицунда — 5 д. Всего — 20 д. Май — октябрь. 70 руб.

№ 62. По Грузии и Армении: Тбилиси — 2 д., авт.— Тумаян — 2 д., авт.— Кировакан — 2 д., авт.— Дилижан — 2 д., авт.— Севан — 2 д., авт.—

Ереван — 3 д., ж. д. — 1 д. — Пицунда — 6 д. Всего — 20 д. Май — октябрь. 75 руб.

№ 63. По Грузии и Армении: Тбилиси — 2 д., авт. — Иджеван — 2 д., авт. — Дилижан — 3 д., авт. — Севан — 2 д., авт. — Ереван — 4 д., ж. д. — 1 д. — Пицунда — 6 д. Всего — 20 д. Май — октябрь. 75 руб.

№ 121. По Армении и Азербайджану: Ереван — 2 д., ж. д. — 1 д. — Кафан — 3 д., авт. — Горис — 2 д., авт. — Шуша — 2 д., авт. — Мингечаур — 3 д., ж. д. — Баку — 2 д. — Ялама — 5 д. Всего — 20 д. Май — сентябрь. 85 руб.

№ 152. Кировакан (лыжный). 10 д. Январь — март. 28 руб.

№ 153. Озеро Севан. 10 д. Июнь — сентябрь. 30 руб.

№ 253. Цахкадзор (лыжный). 10 д. Январь — март. 28 руб.

№ 406. Кафан. 10 д. Июль — август. 28 руб.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арутюнян Н. А. Армения. Туристский путеводитель. Ереван, Айпетрат, 1962. 161 стр. с илл.

Беркова Н. М. Куда ведут следы легенды. М., «Физкультура и спорт», 1962. 94 стр. с илл. (По родным местам).

Григорова Л. С. По Армении и Грузии. Маршрут 61-й. Ереван, 1963. 31 стр. с илл. (Армян. Совет профсоюзов. Респ. совет по туризму).

Григорова Л. С. По Грузии и Армении. Маршрут 62-й. Ереван, 1963. 30 стр. с илл. и карт. (Армян. Совет профсоюзов. Респ. совет по туризму).

Е. СИМОНОВ

Шестеро на перевале, включая ишака

(юмористический рассказ)

Не знаю, что подумал бы об этом старик Прометей, который, как гласят предания, был прикован к скале где-то здесь на Кавказе, но огонь костра самым оперативным образом сближает усевшихся близ него путников и, словно искру из кремня, высекает из памяти сидящих всяческие события их походной жизни.

Началось с того, что из клапана рюкзака моего спутника по перевальному маршруту выпала выцветшая от времени фотография... Полотно с аляповато изображенным Эльбрусом, по сторонам которого в не предусмотренном геоморфологами соседстве подстроились Казбек с Ушбой. На фоне вершин джигит

в бурке с каким-то ятаганом в руке. И в отверстии на месте, где должна быть голова, роговые очки и лицо моего спутника, весьма авторитетного специалиста по физике металлов. И надпись: «Привет с Нальчику».

— Дела моей туристской молодости,—ответил на мой недоуменный взгляд спутник.— На старом базаре в Нальчике снимался, теперь такого уже нет. Больше всего колебался я, когда фотограф подал мне для съемки папаху, ее небось не вытряхивали и не чистили со дня русско-турецких войн.

И еще фото... Понуро стоящий ишак, и возле него группа туристов со здоровенными рюкзаками.

— Из той же эпохи,—улыбнулся спутник. И поведал нам историю перехода через хребет.

...Мечта сбылась. Перед нами темнела стена Главного хребта. За ним Сванетия.

Мы собирались перевалить через Донгорун и, пройдя Сванетию, выйти к морю. Тут к нам и присоединился профессор из Одессы: тощий как палка, на носу круглые очки-велосипед. И видать, бывалый турист.

Только и слышим от него: выход самого крепкого нарзана за Койсюреньгом, в Зугдиди хорош холодный поросенок, абрикосы надо брать в Русском Баксане, в Дизи уважающий себя турист не будет ждать автобуса, надежнее «голосовать»: всегда подкинет попутная машина с мраморного карьера.

И, как припев, после каждого рассказа: «Вот когда еще хаживал я с Крыленко да с Бархашом...»

Прикинули мы свой бюджет — не могуче! А профессор предлагает:

— Вот какое дело, братцы, я турист, так сказать, западного склада: ходить могу сколько угодно, но тащить за плечами целый комод в виде рюкзака не лю-

блю. Давайте условимся так: я авансирую вам энную сумму карбованцев и мы приобретаем на паях в Тегенекли ишака. Здесь они дешевле пареной репы, а в Абхазии его в это время года, в уборку косточковых и цитрусовых, у нас с руками оторвут. И через перевал, и дальше по ущелью Накры лопоухий труженик честно транспортирует нам багаж, а мы идем себе налегке и любуемся ландшафтами нивальной зоны и субальпийского пояса. А где-то в Сухуми делаем бизнес и выручаем по три карбованца на каждый рубль оборотного капитала. Итого...— и он сладко зажмурился.

— Это вы, профессор, чудесно придумали,— выразила наше общее мнение Лиля Галкина.

Весь вечер бродим по Тегенекли. От сакли к сакле:

— Ишак бар?

— Йок...

Наконец, дед Кутурук приводит какое-то взъерошенное существо, все в репьях и комьях навоза. На вопрос профессора: «А он у тебя смирный?» — с достоинством подтверждает: «Очень даже смирная. Спасибо делать будешь мне, красивый русский турист».

До Терскола нас взялась подкинуть попутная машина, на борт которой погружаем и нашего лопоухого спутника.

Надо сказать, что он полностью оправдал референции деда: ни неистовая тряска в кузове по баксанским колдобинам, ни проливной дождь не вывели его из состояния устойчивой меланхолии. Всю дорогу жует себе клок сена и ни на что не реагирует.

Рассвет застает нас в сборах. Первыми встречают новый день вершины Эльбруса, за ними — повара на базе ЦДКА, потом уже птицы, радисты и прочая живность.

Только наш новый спутник стоит, понуря морду, а когда мы для пробы кладем ему на потник первый рюкзак, он с полной невозмутимостью подгибает ноги и ложится. Повторяем. Та же реакция. Переносим рюкзак по другую сторону — тот же эффект!

С недоумением глядим на наш оборотный капитал. Он, само олицетворение бесстрастия, дожевывает вчерашний клоч сена.

Профессор, его фамилия была Пшеницын, слегка озадачен, но, как и подобает мужу науки, пытливый ум не признает непознаваемых явлений.

— Горский ишак непривычен, друзья, к рюкзаку. Вот где заковыка! Он, конечно же, всегда ходит только под балкарским хурджином — надо делать вьюки.

Пожалуйста! Долго утискиваем барахло в оболочки от спальных мешков. Разматываем основную веревку, репшнур.

Для начала Пшеницын осуществляет такую хитроумную систему такелажа, что его поясной ремень оказывается притороченным к ишаку, и Лилка давится от хохота, когда потянувшийся за травкой ишак валит на камень уважаемого профессора.

Но академическая солидность и здесь не изменяет ему:

— Минуту терпения, мои юные друзья, надо последовательно воспроизвести весь процесс, и тогда мы сможем установить причинную, так сказать казуальную, связь между взваливанием груза и приземлением животного. Априорно просто не могу допустить, чтобы оно оказалось нетранспортабельным.

Минул час, пошел другой. Солнце (мы твердо уговаривались выйти засветло, по утреннему холодку) жарит вовсю.

— Не хватит ли возиться? — сердито сказал Лешка. — Взвалим-ка лучше рюкзаки на горб, не впервой ведь, а возле кошей переложим на этого симулянта, должен же он в конце концов разойтись. Кроме того, деваться-то ему будет некуда, зашагает как миленький, — и, предупреждая вопрос профессора, добавил: — Половину ваших вещей пакую в свой рюкзак.

Вагаршак Тертерян, солидный профдеятель из Ростова, поддержал:

— Конечно, обидно, что уже в начале нашей, так сказать, экспедиции дают себя знать подобные отрицательные недостатки. Но я, товарищи, оптимист. Если в нашем небольшом коллективе имеет место такое явление, как любовь к перемене мест, нам не страшны ни рюкзаки, ни такие антиобщественники, как этот в полном смысле слова осел.

— Я бы не стал постулировать столь категорично, — заступился Пшеницын. — Более чем уверен, что животное постепенно адаптируется к походной жизни, и мы еще не раз будем вспоминать его под сухумскими пальмами.

— Вот именно, — зловеще подчеркнул Лешка, под своей выкладкой смахивавший на тифлисского мушу, в одиночку перетаскивавшего пианино.

И мы затопали к перевалу.

Первым Лешка. Последним ишак. Не мы, а он определял темп похода, и ни сахар, который скармливал ему сердобольный профессор, ни яростное «Ха-щц!», которым погоняют скотину балкарцы, не оказывали на него никакого воздействия.

Он не трусил, как все ишаки на свете, не шел, а лишь время от времени с удручающей медлительностью переставлял ноги.

Если мы уходили вперед, издали доносилось ветром «Алло, друзья!» и, подпихивая под круп свое «изобретение», спешил догнать нас залитый потом Пшеницын. Из лесу выходим на альпийские луга,

минуем запертую избушку кордона — по слухам, здесь располагался некогда какой-то контрольный пост. Тропа взбирается по склону к озерку.

— Животное могло страдать от жажды, — неуверенно бормочет профессор.

Ишак с тем же тупым безразличием стоит у озера и словно глядится в его мутную воду. Вагаршак с силой пригибает его морду к воде:

— Пей, дуралей. Пей же, тебе говорят.

Ишак нехотя делает несколько глотков и неожиданно ложится.

Общими усилиями поднимаем лопоухого. Леша, по специальности шофер, сокрушается, что не положил в рюкзак средней грузоподъемности домкратик, и мы

молча трогаемся. На чистом небе белеют шапки Кара-Чиран-Баши, Донгуз-Орун-Баши. За рекой громада Большого Донгуза, где зарождаются лавины. Но нам некогда любоваться природой. Теперь уже не только профессор, но и Лиля, и Вагаршак поддерживают ишака, а он норовит если не прилечь, то хотя бы остановиться.

Наконец ледник. На сероватом снегу издали видна и тропка, и заветная перевальная точка на гребне. Ишак ложится, и ни уговоры профессора, ни камни, которые швыряет в него разъярившийся Вагаршак, не возымели действия.

Поднимаем на руки упрямое животное.

— До чего же тяжел, чтоб тебе сдохнуть,— ворчит Лешка.

— Начинается кукарача,— прощebetала Лиля.

Оттащим на себе вверх тяжелую ношу и спускаемся назад за рюкзаками. Потом еще метров на сто. И опять

все сначала. Авось, размышляем вслух, на перевале этому черту полегчает и хоть вниз-то он своим ходом пойдет: о том, чтобы он тащил наше барахло, уже и не мечтаем.

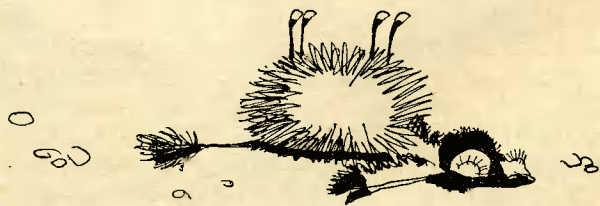
А тут еще профессор вытаскивает из-под клапана путеводитель Левина и читает вслух: «Для людей подъем к перевалу очень прост, другое дело для выючных животных: их обычно приходится частично или полностью разгружать, а выюки подтаскивать самим участникам похода. Одному из членов группы следует идти впереди животных, протапывая пологими зигзагами тропу».

— Я бы протоптал ему пологими зигзагами тропку к могилке и организовал похороны по первому ряду,— буркнул Лешка.

Думал ли он о том, что уже близок к истине!

Еле дошли до перевала, все перессорились. Даже с профессора слетела вся его респектабельность. Спустились кое-как по осыпи, положили ишака, тут он вдруг на миг поднял морду, огляделся, дернулся всем телом и... навеки затих.

Делать нечего, придется заняться захоронением. Начали раскидывать камни. Копаем ледорубами гальку, а со скалы голос:

— Здравствуй, пожалуйста! Что делать хочешь, дорогой?

Оборачиваемся. На скале два свана с винтовками.

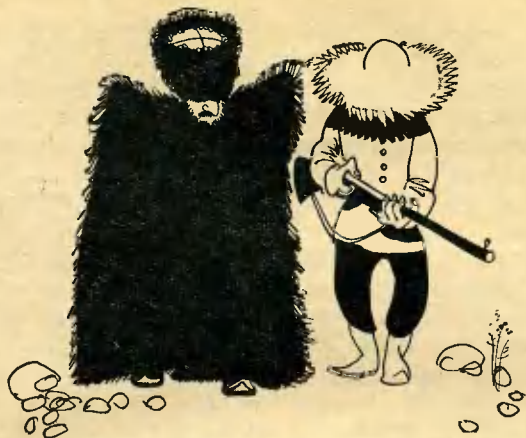
— Слушай, алпыныст. Откуда идешь?

— Из Терскола.

— Вот и хорошо. Не наш ишак, балкарский, значит, ишак. Неси обратно и там его копай сколько хочешь.

— Позвольте, уважаемые,—закипятился профессор.—Мы же не виноваты, что нам его подсунули, что он здоровьем был слаб и скончался на вашей ведь территории.

— Не наше дело. Ветеринарный кордон, понимаешь,—говорит пожилой сван с густыми усами и небрежно снимает с плеча винтовку.—Здесь Сванетия. Нам дохлый скотина не надо. Неси обратно, где брал.

И мрачное шествие движется вспять. Где-то на Накринском спуске поджидали нас и небось давно уже ушли туристы и топают себе по ущельям. А мы? Мы взваливаем на ледорубы наш источник утопического обогащения и волочем его обратно.

Профессор робко предложил вскипятить воды и перекусить. Никто ему не ответил. Когда мы уже готовились заваливать яму, на тропе показался человек в бурке и кубанке, за ним — еще один в белой войлочной шляпе.

— Здравствуй, товарищ! Откуда идешь? Из Сванетии идешь, я все видел. Неси туда свой ишак.

Только ночью, крадучись яко тати, закопали мы далеко в стороне от тропы наше мучение и решительно двинулись к долине Накры, над которой сливались с утренними туманами дымки селений.

Дней через пять разбили палатку, не доходя забора Сухумской турбазы, где рядом с призывом «Добро пожаловать!» красовался написанный от руки плакатик: «Мест для внеплановых нету». Наш профессор успел сделать заем у какого-то встретившегося знакомого академика, жизнь снова улыбалась, и вечером Лиля, между прочим, осведомилась у профессора за бутылкой Маджари:

— А мы так и не знаем вашей научной специальности, Борис Аполлонович.

— Я, видите ли, по образовательному цензу археолог, последние годы занимаюсь раскопками древних захоронений вятичей.

— Тогда все понятно,— удовлетворенно кивнул Леша.— Даже в походе вас и тянуло к древности в лице этого ишака. И к захоронениям тоже. Так сказать, рефлекс, привычка.

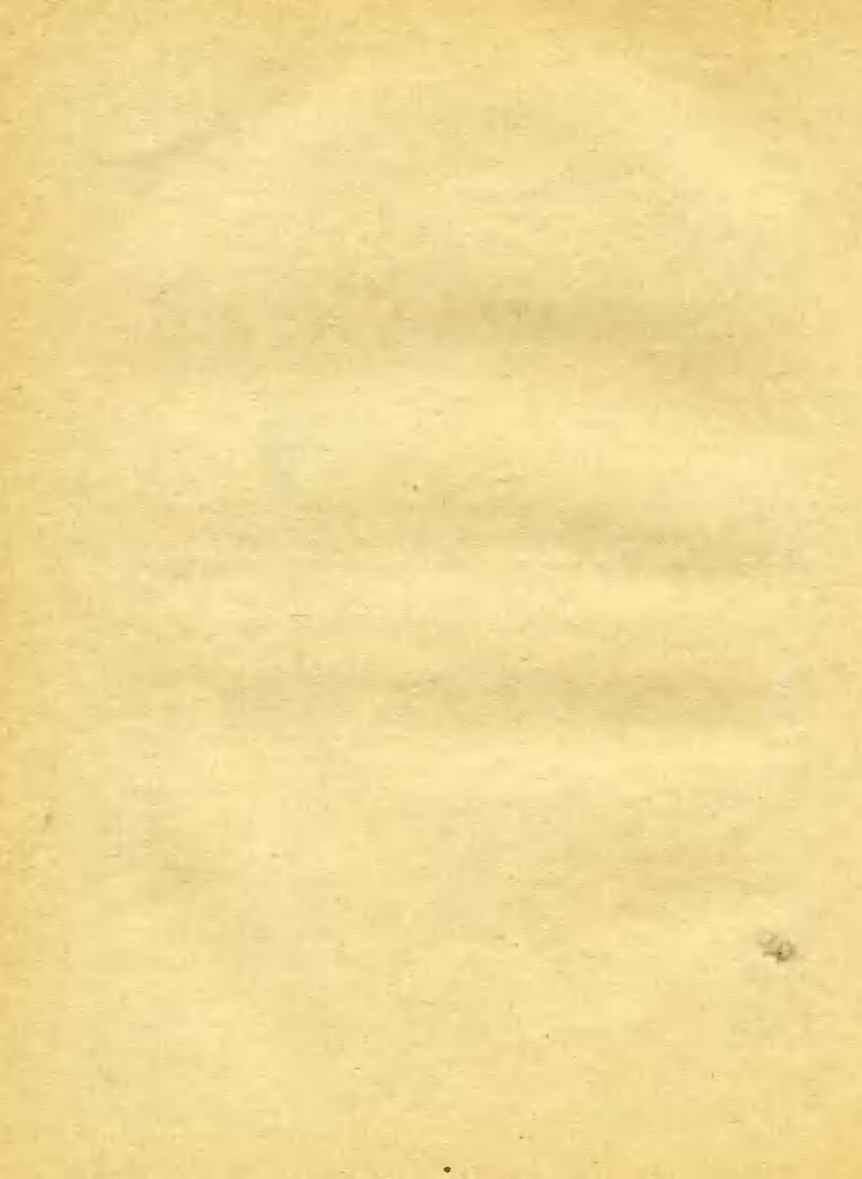
Профессор благодушно кивнул.

* * *

А мы намотали себе на ус, пусть он имелся только у Вагаршака: туризм несовместим с коммерцией!

страна большого туризма

Чудесен мир странствий

Из года в год, особенно в зимние месяцы, все больше любителей туризма из Советского Союза выезжает в соседние нам Татры — излюбленные места лыжных походов, стремительных спусков по горным склонам.

...Утро в горах. Дымкой тумана окутаны долина реки Раба, ближние ущелья. Согретые солнцем, постепенно возникают покрытые искрящимся снегом склоны, опушенные белым леса с рассыпанными там и сям туристскими хатами, ползущими над просеками подъемниками.

И всюду вершины, величественные в своем зимнем убранстве, в шапке облаков, сверкании снегов. Привольные, манящие любителя скитаний места. И среди других достопримечательностей вам покажут здесь двухэтажный гуральский¹ домик близ ведущего в Закопане шоссе. С уважением и любовью осматривают его туристы: в этих стенах в годы краковской эмигра-

¹ Гурали — жители горных районов.

ции руководил собраниями большевиков Владимир Ильич Ленин.

В народной Польше любовно сохраняют все то, что связано с жизнью Ленина. Восстановлена выгоревшая часть дома. Толстые бревна, срубленные не меньше века назад, пропитаны специальным составом. Воссоздана утварь тех лет. Здесь, в Кракове, в горных районах Польши, и жили в 1912—1914 годах Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

«Ходить по горам страшно любил Ильич», — читаем мы в воспоминаниях Крупской. И в Швейцарии, и здесь, в татранских селах, Владимир Ильич решительно примыкает к «партии прогулистов», как шутя именовали себя любители туристских походов в отличие от «синемистов», тех, кто предпочитал отдых в зале синематографа, как называли тогда кино. Не раз в погожие летние месяцы 1913—1914 годов уходит Ильич в дальний путь к горным озерам, к гордо поднятым над долинами вершинам Татр. Об этих походах поведали нам их участники Анджей Буцевич, Сергей Багоцкий, Ядвига Ковалевская-Лыпацевич.

...Тянутся кажущиеся бесконечными горные тропы. И чем выше, чем ближе к первой цели пути, озеру Черный Став в Гонсеницовой долине, тем величественнее приблизившиеся, подступившие вплотную к тропе, отражающиеся в спокойном водном зеркале вершины. Ленин с восхищением вглядывается в причудливо выветренные скалы, такие разнообразные по расцветке.

Багоцкий усиленно щелкает кодаком, особенно когда участники похода вышли на перевальную точку. К вечеру туристы достигают расположенного высоко в горах озера с поэтическим именем Морское око.

Денег в обрез, гостиница не по карману, удовлетворимся ночлегом в простой хижине, где всего лишь

за крону можно получить кров, а продукты туристы принесли с собой.

Многие, вытянув натруженные переходом ноги, располагаются на отдых, но Ленин поистине неутомим. Нельзя не оглядеть еще раз все эти красоты, которые природа с такой щедростью собрала в этом замечательном уголке.

— Обратите внимание, Владимир Ильич, на гору Мних, по-русски Монах.

Ленин, прищурившись, вглядывается в очертания вершины над озером.

— А она, между прочим, весьма похожа на своего тезку в Швейцарских Альпах,— вспоминает он.

— А это вот,— продолжает Багоцкий,— главные татранские вершины: Менгушовец, Жабим, Рысы.

— Кстати,— напоминает Владимир Ильич,— завтра же спозаранку выходим на эту вершину.

— Как вы хотите, тем более что с утра туда же двинется группа Краковского туристского клуба. Ее поведет хорошо знающий вас сотрудник местной газеты «Напшуд».

— Преотличная затея!

Вечереет. Тени ночи медленно вползают по склонам гор, уже утонули во мраке оставшиеся внизу долины, но долго еще не смолкают задорные польские песни вокруг вечернего костра.

Выход ранним утром. Багоцкий с тревогой смотрит на своего спутника: в краковской группе много молодежи, трудновато тягаться с нею, но Ленин шагает ровно, и все, что встречается на пути, привлекает его внимание. Высота — тысяча метров над уровнем моря. Редкий низкорослый хвойный лес. Все чаще стволы деревьев расступаются под напором скал. Ленин приветливо здоровается с пастухами в традиционных до-

мотканых белых одеждах гуралей, с неизменной сумой — гунькой — через плечо.

Владимир Ильич не очень еще свободно говорит по-польски, но на привалах неизменно включается в общую беседу, о чем-то расспрашивает рабочих и за разительно смеется в ответ на удачную шутку.

И все дальше уходит долина, откуда начали они путь. Все ближе облака, прилепившиеся к гребню хребта. Ленин оттирает пот с высокого лба, с восхищением оглядывается. С высоты перевала видны затеявшиеся в нагромождениях камня пять горных очей, пять поблескивающих под солнцем озер.

— Нам стоило сюда карабкаться, — с восхищением произносит Ильич.

Но Багоцкий видит: нелегко дался Ленину этот подъем и он намеревается схитрить.

— Обратно двинем по тому вон склону.

— Почему так?

— Откроются новые виды, — лукавит Багоцкий.

Ленин поворачивается к нему, в светло-карих глазах искорки.

— Не следует избегать трудностей. Нужно уметь их преодолевать.

И с самым решительным видом зашагал по крутому гребню.

Багоцкий сокрушенно разводит руками. Его дипломатическая акция не встретила поддержки, а он-то ведь руководствовался лучшими намерениями: спуститься с Лениным по более легкому пути.

Не раз еще отправлялся в такие же походы Ильич.

В 1948 году в польской газете «Голос народа» («Глос люду») один из товарищей Ленина по таким походам в Татрах, упоминавшаяся нами Ядвига Ковалевская-Лыпацевич, опубликовала свои воспомина-

ния о совместных путешествиях по живописной Гонсеницовой долине.

Перевалив через Жулту турню (Желтая вершина), Лыпацевичи встретили знакомого им по Закопане Ленина. Вместе с местным туристом из Польского «Общества любителей Татр» Борисом Вигилевым он направился к вершине Костелец.

«Мы были тогда молоды и любили общество,— вспоминала много лет спустя Ядвига.— Несмотря на то что наши туристские запасы почти кончились, мы все же пригласили Ленина и Вигилева зайти к нам в хижину. Они охотно приняли это предложение, так как под палящим полуденным солнцем они перевалили через гору Бочан и прошли ничем не примечательный горный склон Уплаз Қалацкий, поэтому отдых и подкрепление были очень кстати... Ленин был разговорчивый, простой и общительный... Беседа шла о Париже, Швейцарии, Петербурге».

И здесь, в Татрах, и в Альпах Швейцарии Ленин пользовался нечастой возможностью для того, чтобы взвалить на спину походную котомку и отправиться к дальним вершинам. На велосипеде проделывал свой неизменный дневной маршрут с очередной партией почты, ведь из Кракова и Поронина поддерживалась связь со ста пунктами в России.

Но не раз с любовью и грустью вспоминал он родные волжские просторы.

Разговорившись с Лениным, Адоратский рассказал ему о том, как, не пользуясь ни проводниками, ни организуемыми туристскими фирмами группами, руководствуясь только популярным в те годы путеводителем Бедекера, исходил он пешком немало маршрутов по Швейцарии.

— Такие пешие прогулки по новым местам достав-

ляли мне громадное удовлетворение,— живо отозвался Ленин.

И рассказал... Это было в 1890 году: он и шесть самарских марксистов ранним майским утром, когда еще только озаряются лучами волжские просторы и дрожит над рекой туман, двинулись в плавание по «кругосветке», разумея под этим не путешествие вокруг света, а маршрут вокруг Жигулей.

Мы не останавливаемся сколько-нибудь подробно на этом маршруте по Волге, ее притоку Усе и вновь по Волге до Самары, о нем рассказывается в публикуемом в нашем сборнике очерке Г. С. Орешко. Хочется лишь напомнить об этом туристском эпизоде из жизни Ленина.

В своей книге «Воспоминания о Ленине» Надежда Константиновна Крупская рассказывает о путешествии Ильича по Швейцарии. Такие порой нелегкие по своей нагрузке маршруты были любимой разрядкой, отдыхом после титанической работы.

Так было и после тяжелых дискуссий с бывшими соратниками, переметнувшимися в стан меньшевиков, или же после того боя, который дали возглавляемые Лениным большевики в Циммервальде.

«На другой день по приезде Ильича из Циммервальда полезли мы на Ротхорн. Лезли с «великоторжественным аппетитом», но когда влезли наверх, Ильич вдруг лег на землю, как-то очень неудобно, чуть не на снег, и заснул. Набежали тучи, потом прорвались, чудесный вид на Альпы раскрылся с Ротхорна, а Ильич спит, как убитый, не шевельнется, больше часу проспал. Циммервальд, видно, здорово ему нервы потрепал, отнял порядочно сил»¹.

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине 1957, стр. 251.

Вспоминая еще об одном длившемся с месяц путешествии, Надежда Константиновна не без юмора сетует... Руководимые благими намерениями, они взяли с собой тяжелый французский словарь и столь же тяжелую французскую книгу, которую только что получили для перевода. «Однако ни словарь, ни книга ни разу даже не открывались за время нашего путешествия; не в словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озера, дикие водопады.

После месяца такого времяпрепровождения нервы у Владимира Ильича пришли в норму. Точно он умылся водой из горного ручья и смыл с себя всю паутину мелкой склоки»¹.

И право же, прочитав о всем этом, хочется спросить у того, кто в нерешительности раздумывает, что же предпринять ему в выходной день, чем заполнить дни своего отпуска: «А как вы, дорогой читатель? Умываетесь ли водой из такого вот горного ручья?» Той самой, которую и русские сказки, и предания многих народов нашей страны спокон веку величают «живой водой», ибо она возвращает и умножает силы каждому, кто испил из этого источника свежести и бодрости.

За последние годы не раз доводилось нам встречать на туристских тропах нашей страны путешественников из самых различных стран. То это была сухощавая с тронутыми сединой волосами и густым загаром на лице англичанка Джойс Даншит. То невысокий скуластый человек, к которому на его пути к Алма-Ате, приняв за земляка, то и дело обращались по-казахски, хотя сам он — шерпа по национальности, житель индийского города Дарджилинга, прославленный побе-

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. 1957, стр. 86.

дитель Эвереста Тенцинг — не понимал ни слова на языке Джамбула и Абая.

И они, и каждый, с кем только довелось нам беседовать, с неизменным восхищением отзывались о природе, о туристских возможностях, о стройках той необъятной страны, которая зовется СССР.

В дни собравшейся в Москве на очередную сессию Международной электротехнической комиссии приехала к нам известная туристка госпожа Джойс Даншит. Она уже побывала в Альпах Швейцарии, Франции, Новой Зеландии, путешествовала по Скалистым горам Канады, разбивала свой бивак в пустынях Азии и Африки. Вместе с опытными советскими туристами — заслуженным мастером спорта А. И. Сидоренко и ставшими недавно заслуженными мастерами спорта И. Г. Кахиани, М. В. Хергиани и переводчиком, тоже бывалым туристом Е. Б. Гиппенрейтером, — английская гостья прошла немало троп по красивейшим ущельям Приэльбрусья, Домбая, Сванетии.

Она писала потом «уважаемому мистеру Джозефу Кахиани», что, вернувшись в Лондон, не успевает выступать с лекциями о Кавказе. Ее слушали в Кружке имперских гидов, «в Лондонском университете, при дворе королевы-матери».

Особо отмечала гостья постановку туризма и альпинизма в нашей стране, доступность путешествий для всего населения. Говоря о лагерях и туристских базах Большого Кавказа, отмечала Даншит: «Они отлично служат цели, для которой предназначены. Удивительно, как много удобств создано в этих лагерях, расположенных в столь отдаленных местах».

И право же, хочется напомнить тому, кто иной раз задумывается, чем же заполнить свободный вечер и

тем более воскресный день, о глотке свежего, бодрящего, хмелящего воздуха. О порции солнечных лучей. О ритмичном поскрипывании снега под лыжами. Об отмеренных собственными ногами километрах по весенней тропе, возле которой видишь пробивающуюся среди прошлогодней пожухлой травы зеленую поросль шагающего навстречу тебе туристского лета.

И пусть тупой стук костяшек забиваемого «козла» не открывает больше день вашего отдыха. Пусть его заменит хотя бы трудолюбивый постук дятла, когда он завидит вас топающим по лесной тропе.

Общеизвестно, что даже путь на многие тысячи километров начинается с одного шага. Но быть может, этот шаг и требует наибольшей решимости. В самом деле, как же так?.. Сдвинуться с места и вместо воскресного сеанса кино слезать с автобуса где-нибудь в Новогорске, что за Химками, и шагать, шагать по еще голому, еще сыроватому лесу и, услышав чье-то потревоженное фырканье в кустах, увидеть губастого лося, а в другом месте — бусинки глаз следящей за вами белки. Чудесен этот мир странствий! И вовсе не надо ехать за тысячи километров, чтобы окунуться в живительное море новых видов и впечатлений. Даже в пределах нашего Подмосковья найдется и своя собственная тайга, и темный гулкий мир пещер, и свежесть лесных речушек, и просторы уходящих к далекому горизонту водохранилищ, и многое другое.

Тем-то и хорош, и дорог этот мир путешественников, что он протягивает тебе, турист, свою большую ладонь, и ты видишь на ней и то, что создано матерью-природой, и то, что преображает в ней советский человек.

Не раз читали мы за последние годы о звуковом или тепловом барьере, встававшем на пути конструкторо-

ров сверхскоростных самолетов. Своего рода барьер, правда психологический, встает и на пути того, кто собирается в первый поход. И пусть высота этого барьера измеряется сантиметрами — такова высота порога вашей квартиры, — но для первого туристского старта он иной раз не легче, чем пятикилометровые выси Эльбруса для бывалого восходителя.

Но если вы решились. Если махнули рукой на привычный уют, перешагнули порог пассивного отдыха и двинулись в поход... Тогда уже ничто не остановит вас. Вами завладеет великая притягательная сила странствий. Сила поиска и узнавания нового.

Итак, в путь! Быть может, для начала всего-навсего в местный туристский клуб, где вам обеспечена толковая консультация. Итак, до встреч на путях длинноногих, как именуют себя любители пешего туризма.

Славное племя «длинноногих»

Мы начали знакомство с путями туриста с Татарских вершин, с горных кантонов Альп, где в до-революционные годы довелось путешествовать находившимся в эмиграции большевикам. Но разве можно сравнить природу той же Швейцарии с горами нашей родной советской земли: могучими кряжами Большого Кавказа с прорезающими их ущельями, или с поднятыми на 6 и 7 тысяч метров над уровнем моря пиками Памира и Тянь-Шаня с их усыпанными пепельно-серебристым ковром эдельвейсов горными пастбищами-сыртами, или озаренными вырвавшимся из-под земли огнем вулканами Камчатки.

А реки и озера! Темно-зеленая стена тайги! Поднимающиеся повсюду стальные руки кранов строек.

Туристы путешествуют целыми семьями

Фото В. Кучкина

Подобные вновь родившимся хребтам стены великих плотин, перегородивших извечное течение самых могучих рек и направивших их нетронутую силу на служение человеку! А увиденная откуда-нибудь с высоты перевала жемчужная россыпь огней, которые открываются перед путником, приближающимся к Рустави в Грузии, к Тырнаузу в Кабардино-Балкарии, Темиртау в Казахстане.

Новое соседствует со старым. Новое все решительнее вторгается в старое. В один и тот же миг видит путник перед собой не только день вчерашний и день сегодняшний, но и встающее в гуле строек завтра, видит мачты новых линий высокого напряжения, бегущие рядышком с руинами древних замков.

Все это хочет видеть, знать, запомнить пытливый советский человек, по имени Турист. Ведь многие

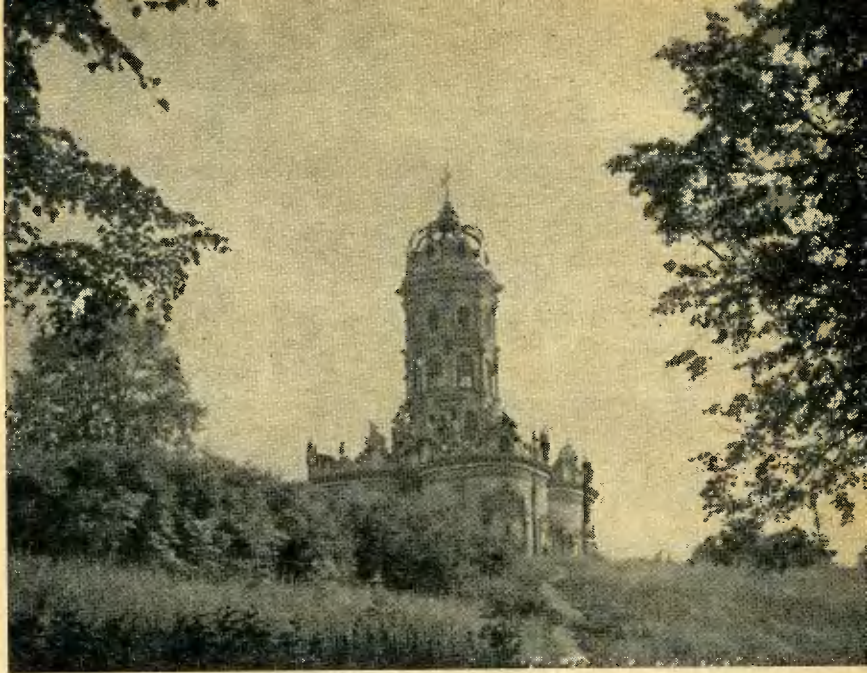
миллионы неугоминых топают, едут, плывут, скользят на лыжах по родной земле и даже прокладывают свои пути в ее глубины, и не только на земной тверди, но и в скрытые под волнами озер и морей.

Неуемному путешественнику и прославленному исследователю академику Александру Евгеньевичу Ферсману карта нашей страны представлялась огромным знаменем. Он писал: «Возьмите географическую карту мира и посмотрите на очертания Советской страны, протягивающейся, как развевающееся большое знамя, с запада на восток. У нас есть области, находящиеся на 130 метров ниже уровня океана. Есть далеко уходящие за линию вечных снегов вершины. Крупнейшие в Европе и Азии действующие вулканы... Многообразен и разнообразен этот ландшафт».

Хорошее, конечно, дело читать о тех или иных достопримечательностях своей страны, знакомиться с нею по книгам или альбомам, но разве не уподобляется тот, кто познает родную страну только по книгам, человеку, который решил всю жизнь питаться консервами?

Аппетит приходит во время ходьбы. В том числе аппетит к странствиям. И перелистанное на ходу «меню» таких путешествий, носящее сугубо деловое название «Туристские маршруты Центрального совета по туризму ВЦСПС на 1965 год», возбуждает желание сняться с якоря, узреть весь этот поистине необъятный мир.

Если под № 1 навечно внесена в перечень маршрутов столица Москва, то где-то в третьей и четвертой сотнях значатся радиальные маршруты базы «Горный воздух» на Сахалине, школьная турбаза «Эдельвейс» на Тянь-Шане, пути по следам сказов

Подмосковье. Дубровицы на Пахре

Фото В. Кучкина

Бажова, лыжные переходы по маршруту легендарного рейда маршала Блюхера. «Около 800 плановых направлений для походов только у всесоюзных и местных советов», — подчеркнули нам в Центральном совете по туризму. Ведь даже самая тренированная кибернетическая система будет не в силах спрограммировать все обилие маршрутов: плановых, выходного дня, самодеятельных.

Только маршрутов, которые рекомендуют для таких групп местные организации,— 2500.

Советский человек хочет видеть свою страну.

Об этом свидетельствует хотя бы дислокация туристских баз. Самая западная из них — «Хвойная» — расположена на Куршской косе, в чудесном заповедном лесу, между Литвой и Калининградской областью. Десятки европейских стран можно было бы поместить на тех тысячах километров, которые отделяют ее от самой восточной базы на Камчатке. А назвать точное местоположение самой северной базы весьма затруднительно. Ведь она не стоит неподвижно: то плывет к заполярному острову Диксону, то спускается по Енисею, в Красноярск. Как вы уже догадались, это одна из сорока пяти плавучих туристских баз-теплоходов. Теперь о самой южной: она укрыта могучими хребтами «Крыши мира» и расположена в местечке Варзоб, неподалеку от Душанбе.

В не столь уже давнем 1959 году наши туристские организации не без удовлетворения сообщали: в разного рода походах приняли участие два миллиона человек! Но это, как стало очевидно теперь, было только стартовым разгоном. Уже в 1964 году в туристских походах и экскурсиях шагало по стране более тридцати миллионов человек, вдвое больше, чем в 1962 году. А в нынешнем, сказали нам в Центральном совете по туризму, речь идет о тридцати восьми миллионах! Только базы Центрального совета по туризму ВЦСПС могут одновременно принять без малого сто тысяч любителей путешествий (94 тысячи человек).

Более трех десятилетий назад Алексей Максимович Горький писал: «Никогда еще перед молодежью

не открывался так широко и свободно путь к всестороннему познанию ее страны. Она может опускаться под жесткую кору земли, подниматься к вершинам гор, в область вечных снегов, перед нею открыты все заводы и фабрики, где создается все необходимое для жизни.

Учись, вооружайся!»

И не только в большом всесоюзном походе, иной раз даже и в малом выходе в окрестности своего города начинается этот путь туризма, познания, любви к родной земле.

Искусство ориентирования

...Давно прошла пора, которую зовут золотой осенью, и на всем Карельском перешейке от Балтики до Ладоги серое, затянутое тучами небо отражалось в потускневшем зеркале тех бесчисленных водоемов, за которые эту землю и прозвали Краем тысячи озер.

Летний спортивный сезон давно закончился. Зимний еще не открывался. Но точно в назначенный час, к полуночи, на берегах Чертова озера, что неподалеку от Ленинграда, замелькали в отблесках костров тени людей, спешивших к месту старта.

Светящиеся стрелки на циферблате показывали третий час ночи, когда мастер спорта А. Г. Громов¹ подал сигнал. Участники вскинули на спину рюкзаки. Капитаны команд распечатывали врученные им пакеты, склонялись над картосхемами. Старт, казалось бы, дан! Но почему же все участники на месте? Никто не вырвался вперед, стремясь опередить со-

¹ Ныне заслуженный тренер СССР.

перников? Ведь именно так начинается любое соревнование, победа в котором определяется фактором времени, значит, и скоростью.

Но здесь можно было видеть иное... Собравшись в кружок, обступив капитанов, команды сообща намечали маршруты. Не так-то просто проложить кратчайшую трассу до финиша, от которого отделяют целых 40 километров и путь лежит не по накатанной, хорошо промаркированной лыжне либо тщательно утрамбованной беговой дорожке. Компас, карта да опыт туриста поведут тебя через неведомые тропы чащоб и болот, ты волен избрать любой вариант пути, хотя бы по той воздушной прямой, по которой летают, правда, только птицы. Непременное условие — отыскать по компасу и карте хитроумно замаскированные среди камней или в лесных зарослях контрольные пункты, отметить всей командой на каждом из них в той именно последовательности, которая указана приказом. И быть на финише в любое время, но не позже шести вечера, донеся до него весь взвешанный и запломбированный груз, в который входят аптечка, компас, походный скарб, продовольствие.

По регламенту на финише разрыв между участниками внутри команды не должен превышать 50 метров, иначе штрафные очки. Потеряешь на маршруте хотя бы часть груза — не попадешь в зачет.

Так выглядело начало того разыгранного много лет назад не совсем обычного ночного первенства туристов Ленинградского университета, которое называлось «Туристские соревнования по закрытому маршруту».

...И в два тридцать, в скупых лучах мотоциклетных фар стартовали мужчины. Спустя полтора часа —

женские команды. Все тусклее становился огонь костров, засыпаемых обильно падавшим мокрым снегом. Частая капель падала с веток.

Когда мы познакомились с университетскими туристами, в памяти всплывали строки, отчеркнутые в толстом томе, на корешке которого стояло «Н. М. Пржевальский»: «Не ковром там будет постлана ему дорога, не с приветливой улыбкой встретит его дикая

Туристские соревнования по установке палатки

Фото В. Кучкина

пустыня и не сами полезут ему в руки научные открытия».

А здесь... На Карельском перешейке... С трудом пробившись сквозь заслонившую его облачность, солнце озарило наконец леса и гряды оставленных древними оледенениями каменных глыб. В девять ноль-ноль в просветах между деревьями показались идущие ровным походным шагом туристы. А к шести вечера линию финиша миновал последний участник последней из команд, которых было девяносто девять! Почти сто команд, оспаривавших звание туристского чемпиона одного лишь коллектива общества «Наука» (ныне «Буревестник») — Ленинградского университета.

Так открывали сезон зимних походов туристы одной ленинградской секции, и их маршруты, проложенные той осенней ночью вдоль берегов озера, были как бы предисловием к ближним и дальним походам нового туристского года. Намеченные на карте цветные линии уходили от кружка, обозначающего на карте город Ленина, в самых различных направлениях: на холодную Колу, где сорокаградусные морозы сковывают воды и землю, а студёные ветры сдувают снег с застывших озёр; и к залитым горным солнцем и окаймленным нежным цветом рододендронов тропам Западного Кавказа; и к далеким и высоким «Небесным горам» — Тянь-Шаню, где прокладывали свои маршруты не альпинисты, а группы велотуристов.

Так довелось нам наблюдать много лет назад становление того вида туризма, что ныне обрел свои формы в виде ориентиринга — соревнований в умении быстро и верно ориентироваться в сложных условиях.

Болельщики всего мира признали недюжинную силу наших «пожирателей длинных километров» Владимира Куца или Петра Болотникова. Но представьте себе, что вместо «гладкого» бега по гаревой дорожке перед вами чащоба лесов и взлеты холмов и даже преградившие путь завалы да реки, что нет размеченной флажками трассы, что он и вы даже не знаете точного маршрута, а только общее его направление. Лишь компас на запястье поможет отыскать искусно запрятанные ориентиры. Если вы узнали все это, то поймете: здесь уже не решает фактор скорости, в таком соревновании не обойтись без умения читать местность, с ходу сориентироваться, иной раз даже и в ночном лесу (проводятся и такие соревнования).

Так выглядят соревнования по ориентирингу, этому гибриду бега с туризмом, который особенно полюбился в такой спортивной и туристской республике, как Эстония.

Не так давно нам нанесли визит деятели Международной федерации ориентиринга. Шведы культивируют этот вид туризма более семидесяти пяти лет. Они-то и познакомили нас с точным, быстро и надежно настраивающимся компасом типа жирокомпаса, стрелка которого как бы сама выведет вас по кратчайшей; легкими, укрепляющимися на лбу фонариками, позволяющими двигаться в темноте, рассказали о растущем интересе к этому виду спорта.

Учитель одной из таллинских школ Владимир Арнхольд рассказывал московским туристам, с каким воодушевлением преодолевали километры по лесам и дюнам даже те из его питомцев, которые не больно ладили до этого с географией. И надо было видеть, как азартно отыскивали они расщепленную молнией сосну или другую веху, указывающую направление.

— Соревнования на точность ориентировки,— понимающе сказали гости.

— Еще больше на точность совести туриста,— правил Арнхольд.— Ни на одном километре дистанции не было судей. Прошел этап, сам же отметить на листке-протоколе, укрепленном на дереве, время, фамилию и тогда шагай дальше. А идущие последними соберут все листки, и по ним определится победитель. А представьте себе, какую тренировку дает все это будущему географу, геологу, геодезисту, археологу.

Туристы без рюкзаков

Не один год добивались признания своего туристского статуса путешественники за рулем. Мы имеем в виду автомобилистов, попутно и прочих механизированных путников, которым долго отказывали в признании блюстители «чистого» туризма.

...Как-то автоинспектору на одном из дальних проселков захотелось проверить документы у мчавшегося из края дальних озер немолодого водителя.

«Что такое? Не ошибся ли? Свидетельство на вождение машины № 162 от 26 июня ...1913 года, выданное каким-то МГУ».

— Не Московским же государственным, я извиняюсь, университетом?

— Конечно, нет: Московской городской управой.

— Тогда, выходит, что ваш стаж, товарищ водитель...

Механизированные туристы
Фото В. Кучкина

— Ровным счетом полвека, чистеньких пятьдесят годков. Год рождения 1894. А в том самом 1913 году с пробега Москва — Брест-Литовск и началась моя автотуристская биография.

Инспектор почтительно взял под козырек. Водитель ответил ему более продолжительным, чем положено, гудком. Обмен салютами.

Как известно, туризм то входил у нас в общую спортивную классификацию, то на два-три года вычеркивался из нее, и тогда спортивные разряды заменялись (почти как у пионеров) степенями. От автомобилиста требовалось набрать для получения значка «Турист СССР» 500 километров в пяти походах выходного дня или в одном дальнем с «ночевкой в полевых условиях».

Сколько же мог тогда наездить за свои полстолетия не обладатель этого элементарного значка, но удостоенный в числе первых девяти человек звания «Мастер туризма СССР» упомянутый нами водитель Ион Михайлович Лещенков, причем только в походах туристского профиля: езду на броневиках военных лет он не приплюсовывает, это, так сказать, не туризм, а служба.

— Да, без малого двести тысконок,— дал нам справку Лещенков,— если же быть точным, то сто девяносто девять тысяч километров.

Ведомую его по сей день сильной и точной рукой машину видели и на восемнадцати серпантинах идущего с Крестового перевала прославленного Млетского спуска, и на тесных улочках Львова, где с трудом разминулись бы, повстречайся они здесь, наши прославленные богатыри Власов с Жаботинским и где водители с профессиональной шоферской гордостью общаются приезжим: «Без дополнительного экзамена у

нас не признают права, выданные любым городом. Зато с нашими львовскими правами сразу принимают в автотранспортном хозяйстве любого пункта СССР». А впервые попавший сюда Ион Михайлович Лещенков провел машину с точностью и стремительностью слаломиста.

Много машин, путей и людей повстречал на своем веку старый автотурист, который по сей день не оставил еще работы заместителя главного технолога одного из столичных предприятий.

Славную весну двадцатилетия победы над фашистской Германией отметили множеством походов и механизированные туристы. Это были заочные туристские соревнования «По дорогам и тропам славы».

Из Грузии мотоциклисты и автомобилисты двинулись на запад: и к одному из островов Эстонии, с которого скидывали в море оккупантов усатые воины грузинской дивизии, и в Прагу, первым комендантом которой после освобождения был генерал В. В. Ненешвили.

Доброе дело затеяли туристы, отправившиеся по местам, где родились их земляки, Герои Советского Союза.

Литовцы вместе с белорусами двинулись по следам партизан, местам их потаенных «схоронов», к Березине, Брестской крепости. Ленинградцы начали рейд под девизом «Ничто не забывается, никто не забыт!» от Пискаревского кладбища и до «дороги жизни» и отдаленных подступов к городу.

Автотуризм все шире входит в быт: достаточно сказать, что за год автотуристы одного лишь Московского клуба механизированных путешественников наездили в дальних своих походах более миллиона километров.

Четыреста витков вокруг планеты

А знаете ли вы еще одно племя туристов, которые только в 1962 году добрых четыреста раз опоясали своими маршрутами планету Земля. Не думайте, что мы заведем сейчас речь о тех орбитах, на которые выходят наши космические корабли. Речь о другом, о том виде туризма, который сначала зародился у наших польских друзей, за ними каких-нибудь четыре года назад был принят на «вооружение» сначала туристскими организациями Ленинграда и Прибалтики, а затем и остальными.

Ставшее теперь популярным слово «Автостоп» действует с поистине чудодейственной силой, даже более могущественной, чем «Сезам, отворись!» из памятных вам арабских сказок. Короткое «Автостоп» (правда, с предъявлением соответствующей книжечки, без которой доли бюрократизма не обойтись) — и вот уже включаются тормоза, да не одной, а многих тысяч автомашин, и десятки тысяч туристов едут в них туда, где начинаются их походные тропы, — к зеркалам лагун, окутанным туманами хребтам, глубоко запрятанным пещерам.

И все это очень просто! Отправляясь в дальний маршрут, вы не должны больше думать о том, как же преодолеть те унылые десятки, а иной раз и сотни километров, которые в походном языке именуются подступами. Для байдарочника это не только волокы между реками или другими акваториями, но и те большаки, по которым надо добираться от поезда до того места, где можно спустить на воду свою посудину. Для любителя горных походов это дороги, которые приведут тебя к исходному пункту подъема. Для идущего на лыжах... да, словом, каждый понимает, о чем речь.

Перед походом любой ленинградский либо эстонский турист покупает абонементную книжку на нужное ему количество километров, ее талонами он и будет расплачиваться с шофером той машины, которая, чтобы не трястись порожняком, попутно прихватила туристов. Такса доступна: от одной (Ленинград) до двух (Эстония) копеек за десять километров. За эти годы сложился и кодекс «Автостопа». Книжки можете приобрести в своем коллективе физкультуры, туристском клубе, на турбазе. Продаются они любому старше шестнадцати лет. Перевозящий автостоповцев водитель не имеет, естественно, права отклоняться от маршрута, предписанного ему путевым листом. Но и дотошное ГАИ не может расценивать перевозки туристов как ездки «калымщиков», «леваков».

Мы полистали три толстые книги отзывов в Центральном клубе туристов в Ленинграде и с первых же страниц узнали:

«Это чудо-книжка, Волшебная книжка. Это очень здорово!»

(Светлана Швецова, Инна Лерман и другие, проделавшие путь 6 тысяч километров).

«Где это видано, чтобы за полтора рубля можно было проехать насквозь Россию, Белоруссию и Украину»

(студенты Ленинградского университета и Строительного института).

Заслуженного признания удостоился «Автостоп» и от самих водителей, которые в один голос свидетельствуют: он способствует в первую очередь борьбе с любителями халтур. Мы публикуем одно из них, сохраняя стиль подлинника:

«Уважаемый «Автостоп»!

Двадцать лет работая в транспорте, первый раз мне пришлось встретиться с туристами «Автостопа».

Я ехал из Горького в Баку, и автомашина была пустая. Жалко, что их было мало. Мне встретилось только двое, и я их отвез из Ростова в Тбилиси. Я был очень доволен от них, так как они по дороге даже помогали. Когда прощались, они со мной сфотографировались. Прошу Вас, передайте им привет.

Я работаю на автобазе Минстроя Аз. ССР.

В следующем году, когда буду ехать из Горького в Баку, постараюсь больше перевезти туристов!

Касумов Сидчи».

Коль мы завели речь о «Сезамах», представим себе, что спидометры всех бегущих по дорогам страны автомашин соединились вдруг в одном, так сказать, главном спидометре нашей автомобильной державы. В год возникновения «Автостопа» стрелка его остановилась бы на отметке 150 910 километров. Кажется, неплохо! Уже в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году ленинградцы взяли автостоповских книжек для невиданного путешествия в 10 500 тысяч километров.

С нового 1965 года «Автостоп» введен по всей стране. Общественность преодолела сопротивление последних, упорствовавших новому прогрессивному делу инстанций.

Альпинисты наоборот

Несколько лет назад, когда туристы и альпинисты Грузии обнаружили утерянную в веках пещеру Бетлеми, Николай Семенович Тихонов призвал туристов к дальнейшей разведке, познанию темного, зачастую незнаемого, но манящего мира пещер. Ведь в одной только Грузии, где приступили к составлению кадастра, как сообщил нам в республиканской Академии наук К. В. Джавришвили, число их превышает десять тысяч.

Если поначалу разведкой занимались одиночки, их на Западе называют «альпинистами наоборот» (не лезут вверх, но спускаются вниз), то теперь спелеология стала одной из обязательных разновидностей туризма.

В перечне маршрутов 1965 года, с которого начали рассказ, мы найдем Кунгурскую пещеру на Урале, пещерный городок Вардзию в Грузии, армянские Гарни и Гегард.

Еще делегаты проходившего около трех десятилетий назад XVII Международного геологического конгресса с восхищением отзывались о карстовой Кунгурской пещере (Пермская область). Они прибыли сюда из Ленинграда, чтобы в самом большом гроте Дружба народов провести свое заседание.

Широко известен и пещерный город-заповедник XII века Вардзия в Грузии. Триста его сооружений, вмещающих не один десяток тысяч жителей, вырублены в скалах, на высоте 940 метров на берегу Куры.

Первые шаги начавшего развиваться в послевоенные годы спелеологического туризма¹ относятся к

¹ В разделе о походах в пещерах использованы материалы, любезно предоставленные нам председателем Центральной секции спелеологического туризма В. В. Илюхиным.

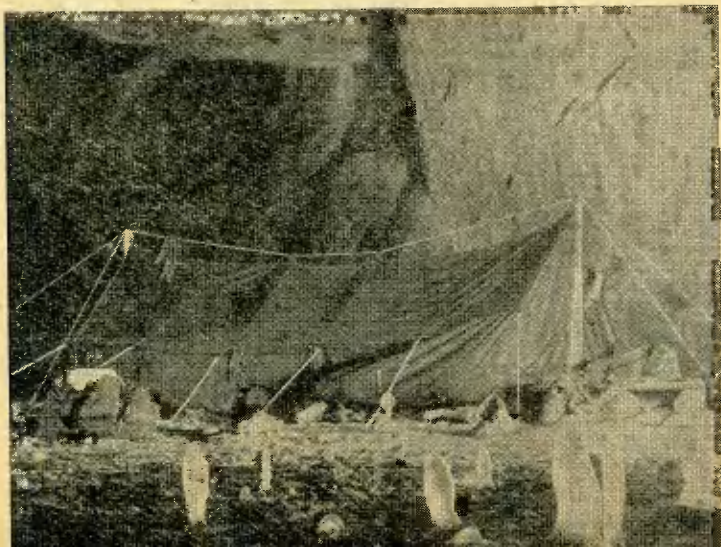
1959 году: московские и крымские любители подземных путешествий обследовали Скульскую и Желтую пещеры и Геофизическую шахту в Крыму. Был установлен и первый в нашей стране рекорд спуска: глубина 160 метров в шахте Каскадной. (Теперь он повысился, точнее сказать, углубился до 380 метров.)

Мир неведомых глубин привлекал молодежь. Секции «пещерников» создавались в десятках городов: от Львова до Хабаровска, от Тбилиси до Норильска. В балансе уже более тысячи разведанных пещер.

Прокладывая себе ходы под землей, великая труженица вода, уходя все глубже, оставляла сложные системы карстовых ходов. Созданные ею пещеры, пропасти, подземные лабиринты — это особый причудливый мир.

Капова пещера на Урале

Фото В. Алексинского

Здесь царит вечный мрак. Здесь свои законы, свои опасности и свои неповторимые красоты. Подземный мир бесконечно разнообразен. Не существует двух похожих пещер. Лабиринты тесных ходов сменяются гигантскими залами. Белоснежные кальцитовые драпировки, каменные водопады, разноцветные сталактиты и сталагмиты, ледяные колонны составляют великолепное убранство подземных дворцов.

Но все это очарование подземного мира открывается ценой большого и опасного труда. «Подтягивание на руках, продвижение ползком в тесных протоках, протискивание в извилинах ужасных расщелин, карабкание, спуски по лестницам, опасное балансирование на каменистых гребнях, продвижение по ломким карнизам, выступающим то над пустотой, то над

Сталагмиты Каповой пещеры

Фото В. Алексинского

пенистыми водами маленьких подземных потоков,— все это и прочую акробатику нам приходилось выполнять с невыносимо тяжелыми и громоздкими рюкзаками, которые нужно было нести, катить или волочить за собой» — так описывает будни спелеологов знаменитый французский исследователь пещер Норбер Кастере, книги которого не раз издавались в Географгизе, а ныне в издательстве «Мысль».

Но исследование новых пещер не самоцель. Особое удовлетворение дает участникам спелеологических экспедиций то, что они решают научные и практические задачи. По заданию геологического управления красноярские спелеологи в тесном контакте с учеными и строителями изучают карстовые явления зоны затопления ГЭС. Спелеологи обнаружили и исследовали более шестидесяти пещер, карстовых шахт и провалов. А именно через такие полости может уйти вода из водохранилища.

Отряды любителей-спелеологов из Москвы, Симферополя и других городов постоянно участвуют в работах Комплексной карстовой экспедиции Академии наук Украины. Геологи, гидрогеологи и геофизики экспедиции изучают пещерные лабиринты горного Крыма — естественный резервуар подземных вод.

Вместе с биологами туристы-пещерники изучают подземную фауну, нередко сохранившуюся с древнейших времен. Современные обитатели пещер позволяют реконструировать жизнь далеких эпох.

Итак, пещеры нужны ученым. В не меньшей степени эти замечательные памятники природы интересны и для любителей природы и путешествий.

Трудно переоценить воспитательное значение спелеологического туризма. Посещение пещер не только дает незабываемые впечатления и является велико-

ленным активным отдыхом, но также будит интерес к природе родного края, к его далекому прошлому, а часто и к недавним событиям истории; с пещерами нередко связаны эпизоды гражданской и Великой Отечественной войны.

Настоящими энтузиастами пещерного туризма могут стать школьники. В этом отношении интересен опыт наших болгарских друзей. Один из лучших болгарских спелеологических клубов «Студенец» возник первоначально в местной школе как кружок любителей пещер. За несколько лет он вырос в сильнейший в стране пещерный клуб.

Как говорилось выше, широкой известностью пользуется Кунгурская ледяная пещера на Урале — единственная оборудованная для туристских посещений. Правда, вызывающий большой интерес пещерный комплекс Сатаплиа с отпечатками ископаемых динозавров в Западной Грузии, в окрестностях Кутаиси, оборудован только частично.

У нас много других, не менее интересных пещер, которые при небольших затратах на благоустройство могли бы привлекать множество экскурсантов. Это Капова пещера на реке Белой с палеолитическими рисунками, Каракольская пещера на Алтае, Торгашинский провал под Красноярском, Карлюкская пещера в Туркмении и многие другие.

Большое значение для развития туризма имело бы оборудование пещер в курортных районах. Множество прекрасных пещер на Черноморском побережье Кавказа. Близ Сочи известна величественная Большая Воронцовская пещера — военная цитадель и торговый центр древности. Недалеко от Сухуми, в живописном ущелье реки Келасури, несколько пещер с анфиладой залов и галерей с пышным сталактито-

вым убранством, подземными озерами. На другой стороне реки возвышаются знаменитый Келасурский пещерный замок и руины средневекового монастыря.

В окрестностях Нового Афона грузинскими спелеологами с помощью сельских комсомольцев Гиви Смыра и Валерия Гумбы недавно открыта Анакопийская пропасть с грандиозными подземными залами, уникальными сталактитовыми и сталагмитовыми драпировками разных тонов, россыпями пещерного жемчуга.

В 1964 году по инициативе Центрального совета по туризму были проведены экспедиции по изучению возможного использования для туризма Воронцовского пещерного комплекса, пещер плато Лагонаки (московскими и краснодарскими спелеологами) и пещеры Абрскила (абхазскими спелеологами).

В апреле 1964 года в Сухуми впервые в стране создан Общественный научно-исследовательский институт туризма, который занимается и вопросами развития спелеологического туризма. Институт заинтересован в получении возможно более широкой информации о пещерах, интересных с точки зрения туризма.

Великий подземный мир ждет того, кто лучом фонарика разгонит мрак столетий и, нацепив, несмотря на царящий на дворе зной, шерстяное белье и непроницаемый гидрокостюм, пустится в плавание по подземным рекам, заливам, сифонам, плавание в неизвестное.

Теперь, когда спелеология обрела права гражданства, нельзя не вспомнить тот чеховский персонаж,

Любят у нас лыжный туризм
Фото В. Кучкина

который требовал, чтобы ему подали огонь, «который не умственный, а натуральный». Ведь кое-где в местных организациях по сей день с недоверием встречают ту часть молодежи, которая вместо прогулок по лесам, залитым солнцем берегам лезет неизвестно зачем в темную и сырую преисподнюю.

Но молодежь могла бы напомнить и о том, как в годы войны известные немногим пещеры укрывали партизан. И о том, как вслед за известным многим прибрежным Крымом был открыт еще один — подземный: пятьсот только вновь открытых пещер (общая протяженность — более 50 км, глубина — более 15 км). Специалисты пришли к заключению: то, что внесли в наши знания о карсте Крыма туристы, превосходит весь вклад, сделанный до них учеными. Ведь ребята в штормовках обнаружили в подземных кладовах одно из самых ценных здесь ископаемых — воду.

* * *

Страна щедрой рукой финансирует дальнейшее развитие туризма. Достаточно назвать одну лишь цифру: по бюджету советских профсоюзов и социального страхования на строительство новых баз, приютов, гостиниц ассигнования 1962—1964 годов выразились в солидной сумме — более 21 миллиона рублей.

В городах-столицах, на тихих берегах дальних северных озер, в богатых древними памятниками городах Узбекистана, в новорожденных городах Сибири, на вечнозеленых берегах Абхазии и склонах гор, где даже в июне можно кататься на лыжах, возникают своеобразные комбинаты отдыха, туризма и спорта. Возникнут они и близ Эльбруса, в Домбае, на Селигере.

Шире дорогу, советский турист идет!

полный рюкзак советов

**Доктор медицинских наук,
профессор В. А. МИЛИЦИН**

Какого вкуса воздух странствий?

Великую мать-природу человечество издревле почитало мудрым целителем всяческих физических и психических недугов. В наше время эти наблюдения подкреплены множеством тщательно проведенных исследований влияния на здоровый и больной организм отдельных метеорологических и климатических факторов: температуры, влажности, движения и давления воздуха, земного и атмосферного электричества, лучистой энергии солнца, химического и бактериологического состава воздуха, прихотливых их сочетаний.

Положение о единстве внутренней и внешней среды человека было выдвинуто основоположником отечественной материалистической физиологии Иваном Михайловичем Сеченовым. Новейшие успехи естествознания и техники дали нам возможность проследить в количественных выражениях изменения дыхательной, сердечно-сосудистой, эндокринной, выдели-

тельной и других систем, возникающие в организме в ответ на колебания внешней среды.

Значительную роль в возникновении сложных ответных реакций организма на внешнюю среду играют зрение, обоняние, слух, даже вкус. Да, вкус, как это ни покажется странным на первый взгляд. Помнится, добравшись сравнительно сложным путем (вплоть до случайного местного самолета) с байдаркой и ружьями до поймы Оки и выйдя

на утренней заре на крылечко, мы с женой, не сговариваясь, воскликнули: «Какой вкусный воздух!» И мы действительно воспринимали этот чудесный воздух Мещеры не только обонянием, но и вкусом.

О зрительных воздействиях природы на человека немало писалось и в прозе, и в стихах во все века, всеми народами мира. Красота природы запечатлена в творениях художников, а в наше время все большую роль играет в популяризации этого кино и телевидение. Но они никак не заменяют глубокого непосредственного влияния зрительных восприятий особенностей ландшафта и непрерывно меняющейся гаммы света и тени, красок неба, воды, растительности.

Хотелось бы напомнить и еще о необычной палитре благотворно (порой и отрицательно) влияющих на психику звуковых, да и обонятельных впечатлений,

которые дает нам общение с природой. Устрашающе грозен штормовой прибой моря, ласково, успокаивающе шуршит песком и галькой чуть набегающая волна. Звонко, бодряще поет струя лесного родничка, мелодично звучит под веслом умелого гребца речная волна, убаюкивающе хлюпает вода под килем моторной, а особенно парусной лодки. А звуки леса — от шума сосны до шелеста листвы кустарника, под которым вы прилегли на биваке.

А как пахнет лес, и как своеобразна природа в разное время года, от поры лопающихся почек через летнее пышное многоцветье до осеннего прелого листа. Впрочем, пахнет он и зимой, особенно когда пригреет солнце, и этот аромат неповторимо тонок и свеж. А как нежен и своеобразен на каждой реке и даже на разных плесах той же реки запах столь бессмысленно и нередко вредительно истребляемой лозы! А приходилось ли вам когда-нибудь вдыхать острый запах степной полыни?

Реакции на внешнюю среду со стороны органов чувств человека не только возникают быстрее, чем реакции всех других систем организма, но и оказывают глубокое влияние на ведущие разделы нервной системы, на его психику, как правило уравнивая ее, улучшая настроение, повышая работоспособность. Конечно, при неразумном, неумеренном использовании сил природы (например, перегрев на солнце, чрезмерное купание) они могут оказать и вредное влияние.

С незапамятных времен все в нарастающей мере и все совершеннее человечество учится врачевать множество разнообразных заболеваний силами природы: лучами солнца, воздухом, целебными водами внутреннего и наружного применения, грязями и тор-

фами различного происхождения — словом, всей совокупностью факторов различных климатических комплексов степей, лесов, предгорий, гор, а также приморских районов.

Беспорен более быстрый, зачастую и более стойкий положительный эффект лечения ряда заболеваний включением в общий лечебный комплекс тех или иных естественных факторов, а также, как их нередко называют, переформированных природных факторов. Наряду с этим наибольшего внимания заслуживает и профилактическое, предупредительное, тренирующее, закаливающее воздействие факторов внешней среды. Значимость его равна для всех возрастов.

Вряд ли я отойду от истины, утверждая, что и в меньшей смертности детей, и в долголетию стариков нашей страны наряду с возросшим уровнем санитарного благополучия в быту и труде, лучшим питанием населения, повышением уровня материального благосостояния сыграло известную и гораздо более важную роль, чем в прежние времена, общение с природой. Особенно касается это горожан.

Многие факторы природы способны оказывать благотворное влияние в неизмеримо большей степени на фоне того, что мы понимаем под активным отдыхом. Тогда к действию этих факторов присоединяется огромное число эмоций, связанных с достижением целей, стоящих перед туристом, охотником, рыболовом, не говоря уже о целой гамме разнообразных, далеких от привычного бытового и трудового комплекса полезных мышечных усилий.

Мы с женой издавна искушены во всех видах туризма, от пешеходного (во все времена года) и горного до водного и автомобильного. Всем видам мы предпочитаем водный. Он доступен для всех воз-

растов. Личный состав экипажей нашей моторки состоял из матросов от четырех до семидесяти двух лет. Для людей «в годах» моторка — наиболее приемлемый вид путешествий по воде. Для каботажного плавания мы берем складную байдарку и челнок-долбленку.

Возможность пристать к любому красивому месту лугового или лесистого берега с заманчивыми для рыболова и охотника заводями, совершать из лагеря походы — все это делает водный туризм привлекательным и полезным.

Страна наша обильна реками. Нам приходилось плавать по Волге, Тверце, Оке, Дону, но, пожалуй, ближе всего нашему сердцу Днепр с его притоками. Пленяет необыкновенная живописность и разнообразие берегов, еще сохранившаяся чистота воды.

Среди обитателей многочисленных палаточных лагерей на берегах Днепра и Десны, среди временных соседей, облюбовавших на ночь заводь рядом с нами, мы встречали не только жителей Украины, но и москвичей и даже ленинградцев. Вместо того чтобы загораживать, стоя на ялтинских или сочинских пляжах, они разумно объединяют целительное воздействие солнечных лучей с отдыхом от шума и суеты, используя широкие возможности природы.

Гигиенисты да и специалисты по изучению производительности труда прекрасно поняли значение периодического переключения человеческого организма (включая и нервнопсихическую сферу) на что-то другое, отличное от обычного круга нашей деятельности. Даже подготовка туристского, охотничьего, рыболовного инвентаря, а после походов приведение его в порядок (поверьте старому туристу и спортсмену!) — само по себе универсальное и всемогущее

лекарство от раздражительности, служебных и бытовых забот.

А воспоминания о недавних и даже совсем отдаленных, и трудных порой, и забавных, и смешных ситуациях, с которыми невольно сталкиваешься во время самого разнообразного общения с природой (особенно если они запечатлены еще фото- или киноаппаратом) — как способны они украсить наше бытие, как укрепляют дружеские связи между товарищами по странствиям. Даже если зимой приснится сон о том, как ты когда-то поймал гигантского карпа или мастерски проскользнул между камнями, грозившими продрать борт лодки, или просто заснял чудесный закат солнца, то, проснувшись утром и вспоминая, убедишься лишний раз, как прекрасна она — жизнь!

Итак, природа — наш друг и целитель, она бесконечно много дает нам.

Но она в свою очередь вправе и требовать от нас, настойчиво требовать бережного и любовного отношения к себе. Мы обязаны не только не губить, как хищники и браконьеры, зверя, птицу, рыбу, растительность, но должны активно бороться со всяческим браконьерством и даже в мелочах следить за собой на природе: аккуратно прибирать места стоянок, глубоко закапывать все отбросы, консервные банки и т. п. О бутылках не говорю, им вообще не место в общении с природой. Я настойчиво напоминаю о глубоком целительном, скажу, и облагораживающем влиянии элементов природы на нашу психику. Но ведь притупленный, чтобы не сказать резче, алкоголем мозг не может ни воспринять, ни передать во все управляемые им системы организма положительное воздействие факторов природы.

Многих вам часов радостного и полезного общения с матерью-природой, товарищи туристы, охотники не только с ружьями, но и с фото- и киноаппаратами, и вам, рыболовы!

А. В. ЯРОВ

Рюкзак

Рюкзак — друг туриста, и надо обращаться с этим другом бережно. Только в крайних случаях можно использовать рюкзаки для сидения, что обычно разрешается только в зимних походах и на остановках для отдыха во время перехода на лыжах.

Турист хранит в рюкзаке все необходимое для похода и собранное в походе, все это надо доставить в целости и сохранности. Поэтому каждую вещь укладывают в рюкзаке на свое место: все бьющиеся вещи в надежном месте, все необходимое в пути под рукой.

В один из узких карманов кладут топор, резиновые тапочки с запасными носками, запасной шнур для рюкзака с непришивными лямками. В другой узкий карман — ремонтную аптечку, флягу или полулитровый термос и металлическую коробочку со спичками, сухим спиртом и другим материалом для разжигания костра в сырую погоду. Если нет фляги и термоса, можно положить приспособления для установки палатки и костра. В средний карман обычно кладут маршрутные документы, литературу, компас, карту, дневник, газеты, журналы и другое необходимое в пути и на коротких привалах.

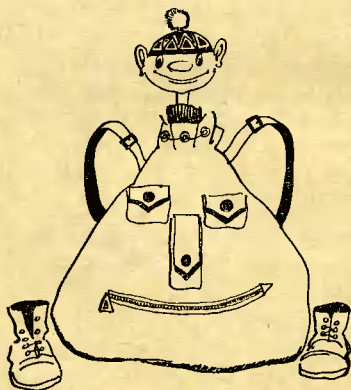
В карман верхнего клапана рюкзака — непромокаемую накидку и мешочек с принадлежностями для умывания.

Все остальное хранится в мешочках разного цвета или с другими предметами. Тогда вы быстро найдете в мешочке с желтой полосой запасное белье и фотопленку, в синем — крупу, в белом — сахар, чай, какао, сухарики, в розовом — хлеб. Костровая посуда (о ней ниже) тоже хранится в мешочке в рюкзаке, а не в руках или поверх рюкзака.

В продаже имеются рюкзаки: пионерские стоимостью от 3 р. 34 к. с одним карманом до 6 р. 30 к. с тремя карманами. Рюкзаки для взрослых 6 р. 70 к. с одним карманом, 9 р. 70 к. с двумя карманами, 10 р. 80 к. с тремя карманами. Последний для туриста мал. В три охотничьих рюкзака три туриста для путешествия на пять дней уложили только половину груза.

Экспедиционный рюкзак тоже мал. Абалаковский рюкзак (конструкции заслуженного мастера спорта В. М. Абалакова) — один из лучших, но в продажу поступает очень редко. Его недостатки: стенка рюкзака промокает от потной

спины; стягивающие рюкзак лямки придают ему форму горизонтального цилиндра, надо немного помять его со стороны спины, чтобы перед тем, как надеть, придать ему плоскую форму; пряжки с пружиной, через которые проходят лямки, ржавеют, на сильном морозе лопаются, зубцы обледеневают и плохо держат лямку.

Заманчивые и красивые рюкзаки со станком неудобны, не прилегают плотно к спине. Опрокидывающий момент у них больше, чем у простых рюкзаков, от них отказались и альпинисты и туристы. Рюкзак от спины намокает, пропитывается потом и содержимое. Рюкзак сохраняет свою форму, но ради этого таскаешь металлическую раму, которая ржавеет и рвет рюкзак.

Рюкзак конструкции автора этих строк стоит 13 руб. В нем имеется карман, в который обязательно нужно вложить металлическую или другую жесткую пластинку размером 30×40 см (продается без пластинки). Пластинка фиксирует определенную форму, а также предохраняет от пропитывания потом. Если вы уложились не очень тщательно или доставали что-то из рюкзака и нарушили правильную укладку, углы жестких предметов все равно не будут упираться в спину. На обеденном привале лист используют как кухонный и обеденный столик, для раздувания костра, подстилки для сидения, для сушки продуктов. В зимних походах можно использовать лист как лопату. При помощи шнуровки сбоку регулируют объем рюкзака. Если требуется увеличить объем, надо вынуть боковые шнуры. Шнуром можно привязывать к рюкзаку вязанку дров. Когда начали отрываться лямки в месте крепления, рюкзак спасти

невозможно. В нашей модели плечевые лямки держатся металлическими скобами на толстом шнуре, который пропускается через все люверсы верхней кромки и закрепляется концами в полукольцах дна рюкзака. Если шнур перетрется через год или два, замените его новым. Концы шнура должны быть завязаны на дне рюкзака за полукольца под запряжниками. Благодаря этому дно не провисает. При завязывании рюкзака прежде всего подтяните дно, потом стяните верх рюкзака, завяжите двойным узлом шнур, чтобы одновременно, стянув верх, подтянуть и дно.

Пустой рюкзак с зашнурованными боками, подтянутым дном и застегнутым за нижние запряжники верхним клапаном похож на ранец.

Нижние концы плечевых лямок крепятся в двойных полукольцах. Такие полукольца на тесменных ремнях хорошо держат дорожные вещи. На случай небольшого проскальзывания лямки в полукольцах за ними поставлена шлевка, через нее и следует продернуть конец лямки. Сбоку около дна пришито с каждой стороны по ремешку с полукольцами для более плотного крепления рюкзака к телу дополнительным поясным ремнем. Это необходимо при спусках на лыжах, чтобы рюкзак не съезжал в сторону или на шею при поворотах. Очень тяжелый рюкзак следует посадить на поясной ремень, ослабив плечевые лямки. Под большим верхним клапаном карман для накидки от дождя, аптечки, фотоаппарата, мешочка с предметами для умывания и купания. Если рюкзак очень полон и плотно не затягивается, а закрыть его нужно, в этом поможет большой клапан.

Если рюкзак не полон, то ремни клапана можно застегнуть в нижней паре запряжников, клапан закрывает не только верх, но и все три кармана.

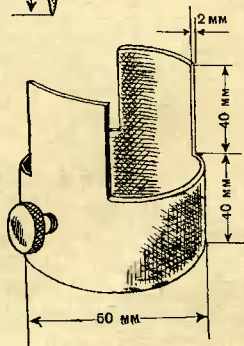
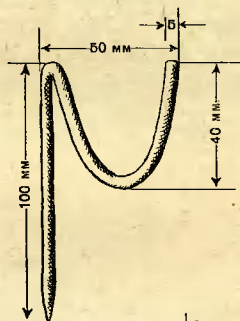
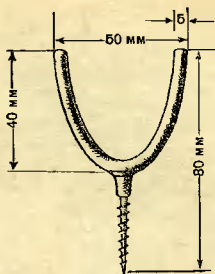
Костровое хозяйство

Обычно для приготовления горячей пищи над костром требуются две прочные рогатины и перекладина. Приходится рубить ровные молодые и здоровые деревья толщиной в руку. Костровую рогатину выбирают особенно тщательно.

Достаточно срубить толстое дерево для перекладки над костром и этим ограничиться. Продолжение ствола, если перекладина вырубалась из средней части, и комлевою часть можно использовать под стойки. В верхнюю часть стойки можно вбить, ввинтить или надеть на концы стоек искусственные металлические рогатины.

Первое и естественное желание туристов, которые любят и берегут природу, заменить рогатину.

В туристском клубе Московского университета применяют металлические рогатины, заменив деревянные стойки металлической дюралевой трубкой. В нижнюю часть вставляется металлический

штырь, трубку легко забить в землю, в верхний конец вставляется металлическая пробка, ниже ее — рога-тина, которая легко убирается поворотом вниз. Трубку сделали разъемной, стойки оказались очень легкими, удобными для переноски.

Оправдала себя и замена крючков для посуды цепями с крючками на концах. Перекладину над костром можно поставить так высоко, чтобы она не обгорела, котелки и ведра подвесить на любом расстоянии, при необходимости поднять или опустить.

Костровый кол — трубка из нержавеющей стали. Внешний диаметр ее 10—18 мм, толщина стенки 1—2 мм, длина не более 90 см. В нижний конец вставляется стальной заостренный наконечник, чтобы кол можно было забить в землю. В верхней части трубки стальная головка, пробка большего диаметра,

чем сама трубка. В пробке не менее трех отверстий длиной 3—3,5 см. В отверстия вставляются кронштейны из стальной проволоки или прутьев диаметром 4—7 мм. Кол забивается или втыкается в землю. В отверстия пробки вставляются концы кронштейнов, на немного расплюснутые и загнутые концы подвешивается посуда.

Кол стоит не в центре, а сбоку костра, даже на большом, жарком костре кол слегка покраснеет только со стороны огня. На прочности конструкции это не отразится. Вращая кронштейны вокруг костра, можно отвести в сторону от огня кипящую воду, спокойно промешать содержимое, дать остыть или доварить на малом огне.

Не смущайтесь, если кол свободно уходит в песчаный или слабый грунт, спокойно вешайте посуду. Подвешенный груз закрепит своей тяжестью кол. Колом мы регулировали высоту подвешенной над костром посуды, то опуская, то поднимая его. Цепи для подвески посуды не нужны.

Таганок 1 состоит из трех стальных прутьев диаметром до 8 мм. Длина прута 30—35 см.

Костровая рогатина из алюминиевой трубки и сталистой проволоки

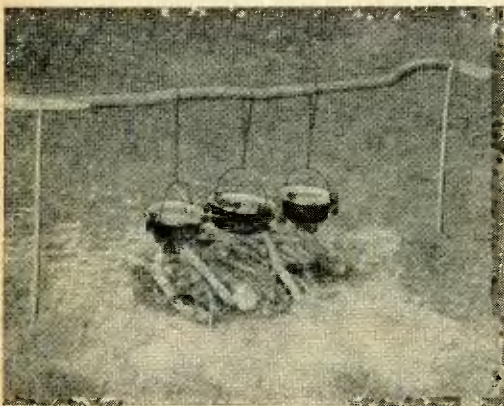
Костровый кол с кронштейнами и подвешенными на них ведрами

Таганки № 1. Миски с двойными ручками

Костровая перекладина установлена
на разборные рогатины

Нижние концы заостряются, чтобы легко входили в землю, к верхним концам приваривается по небольшой пластинке с двумя отверстиями (диаметр отверстий 5 мм). Три прута втыкаются треугольником в землю и скрепляются поперечными прутьями диаметром 5 мм. Концы каждого поперечного прута загибаются, чтобы легко входили в отверстия пластинок вертикальных прутьев. На треугольник из прутьев можно ставить любую посуду, разводить костер. Длина поперечных прутьев должна быть такой, чтобы в треугольник не проваливалось дно посуды.

Таганок стал любимым костровым приспособлением, заменяющим рогатины и перекладину.

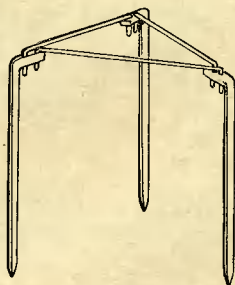
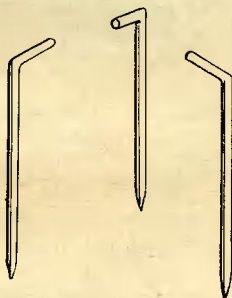
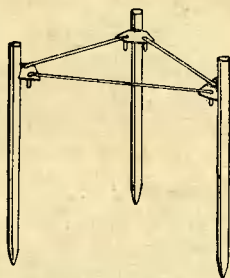
Таганок 2 состоит из трех стальных пруть-

ев диаметром 6—8 мм. Длина прута 37—42 см. Нижние концы заостряются, верхние загибаются под прямым углом на 7 см. Как и в первом случае, длина каждого прута до загиба 30—35 см.

Прутья втыкаются в землю, образуя треугольник, согнутые концы поворачиваются внутрь костра, на них ставится посуда. Можно переставлять прутья на любое расстояние, установив под дно любой посуды. Если прутьев не три, а четыре, то в четырехугольник между ними очень удобно подкладывать дрова, они не разваливаются, горят под дном посуды.

Более простой, чем первый, этот таганок оправдал себя только в индивидуальном пользовании и в группах из двух-четырех человек. Опуская ниже прутья, мы клали на них шампуры с шашлыком, поджаривали хлеб.

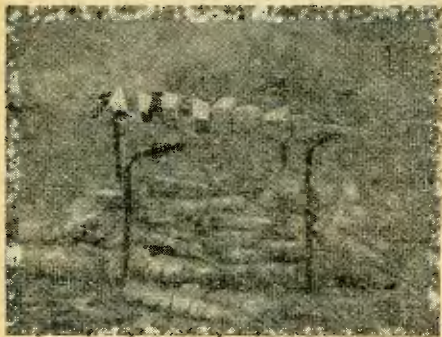
Посуда. Ведра как костровая посуда неудобны: громоздки и нетранспортабельны. Неудобно нести их в рюкзаке и в руках, особенно конусные.

Таганок № 2 из четырех прутьев.
Дрова не разваливаются и горят
под посудой

Так можно поджарить хлеб

Мы перешли на глубокие алюминиевые миски. Всегда можно подобрать их на любую группу, от двух до двадцати человек. Миски укладываются одна в другую, причем их обязательно надо переложить бумагой или травой, можно сложить одну в другую, не очищая от копоти, можно убрать в специально приготовленный для них мешочек и уложить в рюкзак. В этих мисках удобно готовить обед. Площадь нагрева у них больше, чем у ведер и кастрюль. Пища хорошо промешивается, не подгорает, удобно жарить грибы, картошку, испечь оладьи и пончики.

Как же приспособить миски для костра?

Мы делали в краях мисок по три отверстия и на цепях с крючками подвешивали над костром. Когда миску

снимали с костра, цепь с подвесками падала в суп, так как вынимать горячие крючки из отверстий неудобно.

Придывали к миске ручку-дужку. Но миска на весу очень неустойчива, наклоняется при малейшем прикосновении. Если ручку поставить не точно по центру, с ошибкой на 1—2 мм, миска с водой над костром оказывалась наклоненной.

После экспериментов найдено три способа запора ручек. Но это посуда для индивидуального хозяина, который хорошо знает, как ею пользоваться.

Общий недостаток всех способов крепления тот, что при неумелом обращении запоры быстро срабатываются. Такие запоры на большие миски объемом до восьми литров ставить мы не решались. При порче запора и опрокидывании миски мог пропасть обед для пятнадцати — восемнадцати едоков.

Хозяйственные сумки имеют по две ручки, они-то и натолкнули нас на мысль поставить на мисках тоже по две ручки.

Миски оказались очень устойчивыми и для переноски воды, и готовки над костром. В них можно свободно перемешивать пищу.

По неопытности кое-кто брался за одну ручку и опрокидывал миски со всем содержимым. От этого недостатка мы быстро избавились, надевая на ручки металлические зажимы, вырезанные из консервных банок.

Тот, кто несет костровые миски, должен скреплять ручки металлическим зажимом; когда они приподняты, то понятно, что миску надо брать за две ручки.

Перед тем как убрать миски, зажим отгибается и остается на одной из ручек, чтобы не потерялся.

При вертикальном положении ручек во время готовки они мало нагреваются, их удобно снимать с огня и ставить обратно, особенно на таганках и костровом коле.

К. БАРДИН,
мастер спорта

Вы идете в таежный маршрут

Все больше туристов отправляется путешествовать по Северу и Сибири. Бескрайние просторы дремучей тайги не менее привлекательны, чем альпийские луга и ледники Кавказа. О таких путешествиях рассказывают авторы нашего сборника. Ими, а также другими туристами накоплен немалый опыт таежных путешествий, который, к сожалению, мало обобщается, не передается.

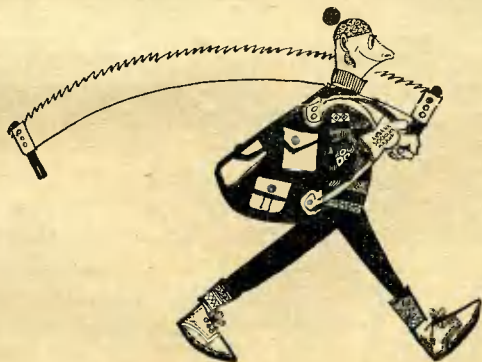
Главная трудность — ориентировка в тайге. В походе по Северному Уралу мы шли с неделю по тайге, вокруг были все те же деревья со свисающими бородами лишайника, все тот же бурелом. Наконец, выйдя из чащи, поднялись на гольцы. Во все стороны бескрайний лес, вблизи зеленый, вдали голубоватый, у горизонта совсем теряется в сероватой дали. Ни дымка, ни вырубки — ничего, что напоминало бы о людях. Мы почувствовали себя песчинками, затерянными в зеленом океане.

Огромные пространства тайги, сравнительное однообразие, отсутствие обзорных точек сильно затрудняют ориентировку. Умение двигаться несколько дней, выдерживая взятое направление, пользуясь только компасом, без возможности привязать карту к местным предметам решает успех таежного путешествия.

Общие приемы ориентировки найдете в справочниках. Но изучать их по книгам — полдела. До выхода на маршрут нужно использовать походы выходного дня для ориентирования на местности. Четыре-пять воскресных выездов, посвященных ориентировке и движению по азимуту, и вы сами увидите, насколько увереннее обращаетесь теперь с компасом и картой.

Но и это не все. Движение по тайге всегда осложнено буреломом, завалами, болотами, густыми зарослями кедрового стланика, участками горельника, частым подлеском. Умение выбрать в этих условиях наиболее легкий путь и при этом точно выдержать взятое направление — немалое искусство. В известной степени и к этому можно подготовиться в походах выходного дня. Старайтесь выбрать пересеченную местность, большие лесные массивы, не избегайте заболоченных участков.

Если маршрут группы разработан логично, почти всегда туристы встретят на тех или иных участках пути таежные тропы. Признак тропы — ее утоптан-

ность. Обычно такая тропа пробита какой-нибудь побывавшей здесь несколько лет назад экспедицией или местными охотниками, чаще всего из тех народностей, что живут в тайге: манси, коми, карел, эвенков, тувинцев. Тропы обычно нанесены на картах.

Таежные тропы, как правило, почти неразличимы. Их «веховые столбы» — ряды затесов на деревьях. Мне доводилось наблюдать такие затесы в 8—10 метрах друг от друга, в другом случае охотник коми оставлял их на расстоянии 50 метров и более. Таежная тропа — это не миниатюрная дорога, а лишь цепь меток, обозначающих наиболее выгодное направление.

Умение находить такую тропу и придерживаться ее — одно из важных качеств туриста. Нередко впервые попавшие в тайгу затрачивают на поиски тропы больше времени, чем отняло бы движение напрямик, без тропы. И все же тропу нужно отыскивать, несмотря на трудности. Иначе вы никогда не научитесь ходить по тайге. А с опытом приходит и умение держаться тропы. Встав на нее, турист выигрывает и в скорости, и в экономии сил.

Следует использовать и встретившиеся следы, звериные тропы. Мне доводилось идти по следу полуторамесячной давности, оставленному тремя верховыми лошадьми.

Довольно удобны для движения и звериные тропы. Но надо внимательно следить за направлением, вовремя оставить тропу, если она сворачивает в ненужную сторону. Звериной тропой можно пользоваться на коротком участке: дальше она сворачивает к водою, солончакам, лежкам. Зверь в тайге пробивает не одну, а целую систему взаимоперекрещивающихся

троп: покинув один звериный след, вы вскоре нападете на другой, пройдете по нему к следующему.

Нередко неопытные туристы отправляются в тайгу, увешанные ножами и ружьями. Оружие следует брать лишь в том случае, если с вами идет охотник.

Наиболее частые препятствия — реки. В горно-таежных районах Сибири, Алтая, Саян, Прибайкалья — это бешено ревущие потоки. Переправы трудное, порой опасное дело. Форсирование сравнительно широкой реки представляет немалые трудности, отнимает много времени. Приходится иногда использовать навесную переправу. Поэтому в ваших рюкзаках обязательно должны быть капроновая веревка, репшнур, карабины. Наведению таких переправ надо научиться заранее, в один из воскресных походов, натянув веревку между деревьями или над ручьем.

Много хлопот доставляют комары и гнус. Туристы, нередко заботясь о продуктах, снаряжении, картах, забывают о защите от комаров и гнуса.

Надо позаботиться о накомарниках и жидкости. Накомарники делают из мелкого черного тюля. Марля и волосяные сетки малопригодны, так как не обеспечивают вентиляции. В тюлевом накомарнике идти душно, но можно. Он не должен прилегать вплотную к лицу. Для этого накомарник натягивают на поля широкополой шляпы или на проволоочный обруч. Благодаря черному цве-

ту завеса перед глазами не мешает обзору. Со стороны затылка вместо тюля вшивается кусок более плотной ткани.

Из жидкостей наиболее употребителен — диметилфтолат. Считается, что тридцать капель защищают на четыре-пять часов. Практически жидкость растворяется, смывается потом и срок действия значительно короче. Попадая на слизистые оболочки, поврежденные участки кожи, диметилфтолат вызывает раздражение. Нанося его на лицо, нельзя смазывать лоб, чтобы препарат не попал с потом в глаза.

Хорошие результаты дает применение крупноячеистых сеток, пропитанных диметилфтолатом в смеси с закрепляющим веществом — ацетилцеллюлозой. Пропитанные так сетки Павловского сохраняли защитные свойства полтора — два месяца.

Некоторые мелкие мошки не кусают открытые места, но стараются проникнуть под одежду, где умело выбирают участки с наиболее тонкой кожей. Надо внимательно следить за одеждой.

Местные охотники ведут промысел зверя в радиусе 50—70 километров и более от деревни. Поэтому они сооружают в часто посещаемых районах небольшие охотничьи избушки или юрты. Иногда перебираются в избушку с семьей, ставят хороший дом, расчищают поля. Возникает починок, который лет через десять — двадцать превратится в деревню.

Но с каждым годом сказываются преимущества крупного хозяйства. Это заставляет людей переселяться в освоенные районы. Тогда избушки и починок оказываются заброшенными. Подчас об их месте могут рассказать лишь старики охотники.

Идет планомерное наступление на тайгу. В глубь лесов уходят отряды, экспедиции, возникают бараки,

ставятся метеопосты и пункты радиосвязи. Туристу надо заранее выяснить, какие из значащихся на карте населенных пунктов существуют. Запросы в районные центры и сельские советы, письма охотникам или старателям обеспечат вас последними сведениями.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гольденберг Л. А. Первый атлас «карт»-чертежей Сибири. «Известия Всесоюз. геогр. об-ва», т. 96, вып. I, 1964, стр. 39—45.

Колобков М. Н. Туристские маршруты по Западной Сибири. Новосибирск. Кн. изд-во, 1961. 92 стр. с илл. со схем. и карт.

По туристским тропам. Иркутск. Кн. изд-во, 1961. 199 стр. с илл. Сборник очерков о туристских маршрутах по Восточной Сибири.

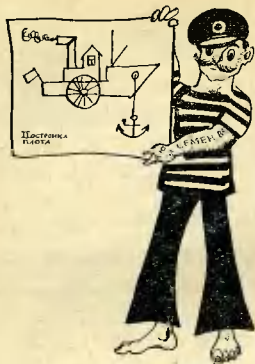
Юргенсон П. Б. Неведомыми тропами Сибири. М., «Мысль», 1964. 47 стр. с илл. и карт. (Геогр. серия «Замечательные географы и путешественники»).

В. Т. КОЗУЛИЦЫН

Постройка плота

Глухими звериными тропами продираются сквозь чащобу тайги разведчики недр, экспедиции, туристы. Их не остановили горные цепи, коварные болота, сыпучие пески. Но вот перед упрямыми путниками сверкнула пена бурной таежной реки. Как оседлать строптивые воды, заставить их нести людей и грузы?

Тут, несомненно, бывалые путешественники вспомнят о самой простой переправе — добротном плоте. Но как рассчитать его грузоподъемность, как узнать, сколько бревен нужно свалить, какой длины, толщины, что сделать, чтобы постройка шла быстрее и без изматывания сил? Об этом написано мало, а имеющаяся литература не дает достаточных сведений для расчетов.

И мы в первое время не раз попадали в затруднительное положение, но с годами рос наш опыт. Его проверяли такие придирчивые «контролеры», как реки Приполярного Урала — Кожим и Кос-Ю, Западных и Восточных Саян — Абакан и Кижин-Хем, Забайкалья и Сибири. Проверку мы выдержали и поэтому хотим рассказать туристам о своем опыте.

Расчеты. Собираясь строить плот, вы, разумеется, хотите узнать, сколько бревен придется срубить. Об этом вам скажет следующая формула:

$$П = \frac{Р}{Л_1 \times Д^2_{ср} \times (1 - К_{ср})},$$

где

$П$ — число бревен;

$Р$ — грузоподъемность плота (в т) или вес туристов + груз и вес надплотовых сооружений с некоторой надбавкой;

$Л_1$ — длина бревен (в м);

$Д_{ср}$ — средний диаметр бревна (в м). Получается из деления на две суммы диаметров бревен у основания и вершины;

$К_{ср}$ — средний удельный вес сухой древесины;

$1 - К_p$ — подъемная сила бревна;

Что же из этих величин известно:

Во-первых, $Р$ — средний вес одного человека с грузом 110 кг \times на число людей + надплотовые сооруже-

ния 200 кг + резервная надбавка * = для 8—10 человек — 500 кг, для 4—5—250.

Во-вторых, $D_{ср}$ для всех групп будет 0,25 м.

Далее: $K_{ср}$ Учитывая, что удельный вес сухой ели равен 0,52, кедра — 0,57, а сухой сосны — 0,53, K_c следует принять как 0,55.

L_1 — для группы 8—10 человек равно 8 м, для 4—5 человек — 5 м.

Теперь вычислим требуемое количество бревен для плота на 10 человек:

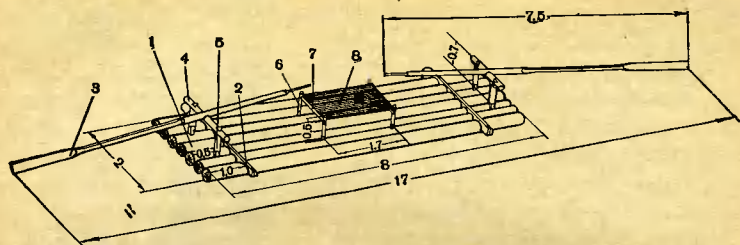
$$П = \frac{1,1т + 0,2т + 0,5т}{8 \times 0,25^2 \times (1 - 0,55)} = \frac{1,8т}{0,225} = 8 \text{ бревен}$$

Заготовка бревен. Верфь. Для плота на 8—10 человек следует подбирать деревья толщиной 30—40 см у основания и высотой до 25—30 м. Тогда из такого дерева получится два нормальных бревна средним диаметром 25—30 см.

Деревья лучше выбирать такие, которые ближе стоят к берегу. Сваленные деревья распиливаются и обрубаются на месте, затем с помощью катков и веревки подтаскиваются к берегу и сбрасываются в воду. На берегу кладут две слеги из сырой древесины длиной 7—10 м. Расстояние между ними должно быть 3—4 м. Сброшенные в воду бревна подводятся к слегам и с помощью веревки втаскиваются на слеги и закрепляются клиньями. Такой способ накатки бревен дает возможность выполнить эту операцию одному-двум человекам.

После накатки бревен можно приступать к постройке плота.

* После 10—12 дней нахождения бревен в воде удельный вес древесины ($K_{ср}$) увеличивается до 0,7—0,8, что снижает грузоподъемность плота. Это и предусматривается резервной надбавкой.

Плот на 6 человек:

1 — бревно основное; 2 — шпонка; 3 — гребь; 4 — подгребница; 5 — стойка подгребницы; 6 — стойка настила; 7 — перекладина настила; 8 — настил

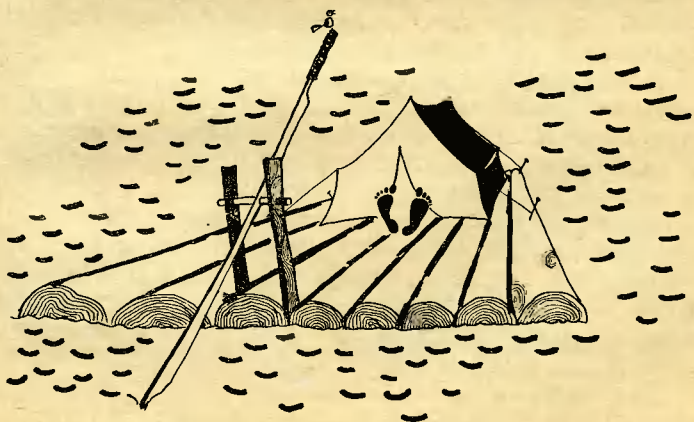
Постройка плота. Для сплава на большие расстояния по горным порожистым рекам плот лучше всего строить на шпонках. Такой плот строится без гвоздей. Шпонка вырубается из сырой ели. Обрубленная под трапецию (ласточкин хвост), она расклинивается сухими еловыми клиньями. Выпиловку в бревнах следует делать такой, чтобы шпонка вставлялась совершенно свободно с зазором 4—7 см с одной стороны. Когда шпонка пропущена через все бревна, то с помощью клиньев зазоры забиваются, а после спуска плота на воду клинья намокают и заклинивают шпонку «намертво».

При разметке бревен под шпонку необходимо сделать выпилки под стойки для гребей и под настил для багажа. Стойки для гребей и под настил для багажа делаются из сухой древесины длиной 80 см и толщиной 10—15 см. Нижняя часть зарубается под шпонку, немного заостренную на конце. Такие стойки в количестве восьми штук забиваются в отверстия после сборки плота и расклиниваются клиньями из сухой древесины. В стойках делаются выпи-

ловки под поперечины. Расстояние между стойками гребей должно быть не более 15 см. Расстояние между стойками, на которые опирается настил для укладки багажа, зависит от количества снаряжения. Поперечины забиваются в выпиловки и тоже расклиниваются.

Если группа не сильно перегружена, то можно брать с собой 10—20 штук больших гвоздей, тогда поперечины можно закреплять еще и гвоздями. Плот должен быть оборудован двумя гребями (носовая и кормовая) и запасной гребью. Гребни делаются также из сырой древесины длиной 7—8 м и толщиной у основания 15—20 см, у вершины 7—10 см. Конец у основания срубается по длине 1,5—2 м на плоскость, до толщины 8—10 см.

Спуск на воду. Когда плот сбит и на нем закреплены надстройки, его можно спускать на воду. Для этого надо вырубить из сухой древесины четыре-

пять ваг длиной 3—4 м и толщиной 5—10 см, выбить клинья из-под крайних бревен, слеги смочить водой и, толкая вагами плот с берега, спустить его на воду. Для швартовки плота необходимо закрепить на нем основную веревку, конец которой легко вытаскивается и в любую минуту готов к выбрасыванию на берег. На спущенный на воду и пришвартованный к берегу плот можно погружать багаж. Он должен быть привязан.

В. П. СТРЕШНЕВ

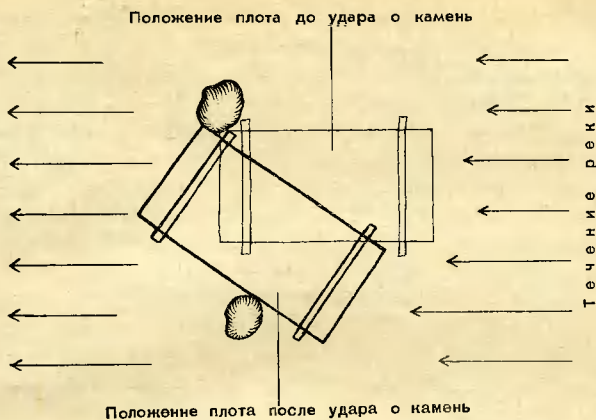
Лоция плавания на плотах

Все больше туристов привлекают реки Урала, Саян, Алтая и Забайкалья. Люди, изведавшие прелесть плаваний на байдарках или спуск на плотах по бурным горным рекам, стремятся снова и снова участвовать в таких путешествиях.

Спуск на плотах по быстрой горной реке требует хорошей подготовки, он становится опасным, если плот построен ненадежно или управляют им неумело.

Для успешного путешествия нужно заранее научиться определять мели, сливы, подводные и выступающие над водой камни, пороги, перекаты, завалы; учитывать, что при движении могут встретиться нависшие над водой на подмытых берегах скалы и деревья. Лоцман плота должен следить за обстановкой в потоке, вовремя принимать решение о пути движения.

Участники похода должны быть подготовлены физически и технически для преодоления трудностей.

Движение плота при ударе о выступ поперечины

Опасности возрастают с увеличением скорости течения. На таких реках, как Абакан, скорость течения иногда превышает 20 километров в час, что составляет более 330 метров в минуту. Скорость 10—15 километров в час — обычное явление. При больших скоростях нужно действовать быстро и без ошибок.

В путешествиях бывают разные случаи. Так, в 1959 году в походе группы московских туристов по Абакану один из плотов сел на подводный камень и был брошен среди бурного потока. Там же половина участников похода была сброшена в воду нависающими деревьями. В походе по Кос-Ю (Приполярный Урал) нависающие деревья порвали палатку на плоту. Угроза для людей была предотвращена тем, что удар пришелся на стойки. На Хамсаре (Саяны) один из плотов едва не перевернулся, проходя завал, участники оказались в воде.

Всех этих аварий можно было избежать при правильном управлении плотом.

Плот должен быть достаточно прочным, чтобы выдерживать сильные удары. Гребных устройств должно быть два: впереди и сзади плота; плот с одним гребным постом практически неуправляем. С одной гребью можно лишь поворачивать плот кругом, совершить маневр, быстро обойти опасное место при одной гребне невозможно. Обязательно нужна запасная гребь.

Рекомендуемые размеры гребей

Грузоподъемность плота	Длина гребни	Размеры загребной лопасти
На 2—3 человека	4—5 м	100 × (700—800) мм
На 5—6 человек	7—8 м	180 × (1200—1500) мм

Слишком большой тяжелый плот с завышенной грузоподъемностью при вынужденной остановке на мели, перекатах или на камнях трудно, иногда невозможно снять с препятствия. Боковые стороны плота должны быть гладкими, нельзя на них оставлять выступающие концы. При проходе между камнями или у скал выступы могут привести к неожиданному развороту и даже к потере плота.

Кору с бревен става плота обдирать не надо: ошкуренные бревна становятся в воде скользкими.

При многодневных походах целесообразно иметь настил, установленный на четырех стойках для рюкзачков и отдыха участников. Настил на высоте 0,5—0,6 метра над плотом создает удобства для экипажа, защищает от воды имущество и создает добавочную защиту от ударов нависающих деревьев.

Основы движения. Грузоподъемность и плавучесть плота создаются за счет разницы между удельным весом материала, из которого сделан плот, и удельным весом воды. Грузоподъемность намокших бревен значительно уменьшается, плот, поднимавший восемь человек, после двух дней похода держит лишь шестерых.

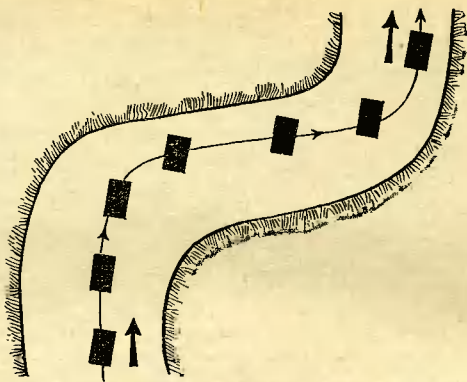
Плывущий по течению плот обладает значительной инерцией. Стремясь двигаться прямолинейно, он на изгибах и крутых поворотах приближается к вогнутому берегу реки, может попасть на мель или на камни у берега. Для преодоления силы инерции приходится отгребаться на поворотах от близкого берега.

Скорость движения туристского плота практически равна скорости водного потока. Лишь на участках реки, где скорость течения очень мала, приходится ставить плот поперек потока и работать гребями. Но даже напряженная работа гребями дает прибавку скорости до 1—2 километров в час. С еще меньшей скоростью при самой интенсивной работе осуществляется перемещение плота в смежные (боковые) струи потока, так как сильно мешает сопротивление воды.

В маневренности плот уступает байдаркам и лодкам: мы уже говорили о малой скорости, которую дает работа гребями.

Малая маневренность, иначе сравнительно плохая управляемость, плота требует мощных гребей и четкой, слаженной работы ими, оперативного (без опозданий) принятия решений о пути движения плота в потоке и быстрого их исполнения.

Положение плота в потоке мало отражается на направлении движения. Повернутый под углом к направлению потока плот в основном сохраняет это положение независимо от извилин русла. Плот переме-

щают поперек потока одновременной работой обеими гребями, рассчитывать на перемещение только за счет поворота обычно не приходится.

Главные опасности плавания: посадка на «избушку» (отдельно стоящую в русле потока каменную глыбу), нависшие над водой деревья, завалы, разрушение или опрокидывание плота при ударах о камни. Прочие случаи обычно не вызывают тяжелых последствий, но могут привести к трудностям и вызвать большие потери времени.

Всего этого можно избежать хорошей организацией движения и правильной тактикой действия.

Необходимо прежде всего иметь ясное представление о реке. В этом помогут географические работы, хранящиеся в клубах туристов отчеты о походах, карты, беседы, переписка с людьми, знающими район путешествия. Важно уяснить проходимость реки для плотов, наличие и расположение указателей, внешние признаки водопадов, порогов и других опасных мест,

водный режим реки (в зависимости от погоды, времени года, часов), состояние русла, непроходимые протоки, запасы сухостоя на месте строительства плотов. При отсутствии достаточных материалов о горной реке возможность сплава может рассматриваться только как запасной вариант движения.

Неизвестную реку нужно проходить особенно осторожно, после тщательной разведки.

Следует иметь в виду, что опасные места могут не выделяться особыми признаками. Наиболее опасные препятствия — водопады (они, как правило, непроходимы даже для разгруженных плотов) — издали со стороны движения плота ничем не выделяются. Невозможно установить с ходу проходимость сложных порогов.

Даже собрав сведения, нужно помнить, что состояние реки может измениться; на реке с несколькими

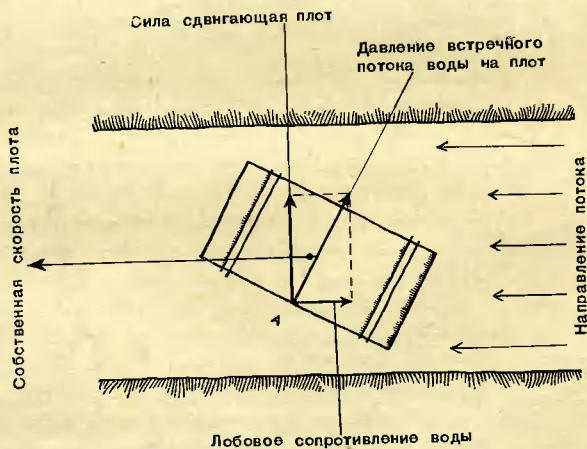

Схема сил, действующих со стороны А

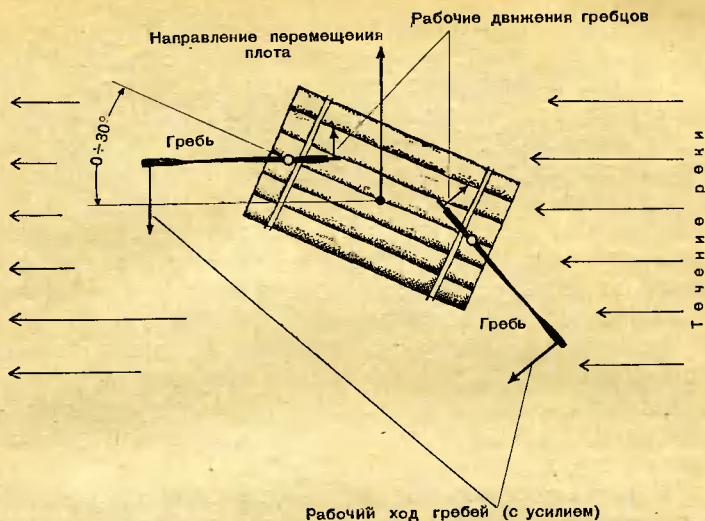
протоками плот может попасть в неизвестную протоку протяжением в несколько километров, некоторые сведения могут оказаться недостоверными. Даже располагая достаточными сведениями, нужно хорошо ориентироваться в обстановке.

На достаточно водной реке и при наличии водопада сплав надо всегда начинать ниже водопада. Построенный выше водопада плот по суше протащить невозможно, а спуск по течению в большинстве случаев закончится разрушением и потерей плота.

На участках с относительно спокойным течением стремиться держать плот в стрежне, иначе говоря, на линии наибольших скоростей, обычно и наибольших глубин. При скорости 6 километров в час и больше стрежень отмечен небольшими гребешками на поверхности воды. Они образуются за счет стока воды к фарватеру. На это указывают также воздушные пузырьки и соринки на поверхности, движущиеся быстрее смежных струй.

Если нет особой надобности, путь движения плота не должен проходить вблизи берегов, где больше затопленных деревьев, камней, а главное — над водой кое-где нависают деревья, постепенно падающие с подмытых берегов.

Перемещение плота поперек течения в параллельные струи потока достигается одновременной работой передней и задней гребей (давить гребью на воду в направлении противоположном перемещению). Для быстроты перемещения желательно поставить плот под небольшим углом в направлении перемещения. Стремясь продолжить прямолинейное движение, плот приближается к вогнутому берегу. Это нужно учитывать, в случае надобности заблаговременно отгребаться от берега.

Работа на гребях для бокового перемещения плота

На открытых участках нависающие деревья обычно видны издалека. На поворотах и закрытых участках видишь их позднее. Если плот оказался под деревьями, первый удар примут надстройки, если они есть, скорость снизится, экипаж успеет принять меры. При вынужденной остановке плота старайтесь избежать наклона на корму, чтобы предотвратить динамическое воздействие потока, затопление плота.

Мели и перекаты не представляют большой опасности, исключая тех, которые тянутся по всей ширине реки или на большом протяжении. На мель указывает рябь, желтоватый цвет воды. Перекат отличается от мели большим волнением воды, отсутствием желтоватого цвета.

Для обхода мелей и перекатов плот отгребают в струи, проходящие по участкам реки с достаточной глубиной. Если это не удалось, не стремитесь поставить плот параллельно мели (это нужно делать заранее), а используйте все силы для того, чтобы отгрестись, оттолкнуться от мели. Уткнувшись в мель, плот будет разворачиваться течением реки, причем часто удастся без задержки снять его с мели. Временный поворот плота кормой вперед не имеет существенного значения. При остановке на мели экипаж спускается в воду и перемещает плот на глубокое место.

Более глубокие места заметны по относительно большой скорости течения и по сливу воды с мелей. Сливы от перекатов и мелей к глубокому участку образуют характерный треугольник с вершиной со стороны более глубокого участка реки.

Выбор протоки. При выходе из теснин горные реки разбиваются на протоки. Даже многоводная, хорошо проходимая вверху протока может разделяться ниже на новые, непроходимые. В сложных случаях надо узнать заранее, в какую протоку плыть (по материалам походов, опросу местных жителей), или послать разведку.

На участке «Сорок Енисеев» на реке Бий-Хеме (Большой Енисей) выбрать протоку без помощи людей, знающих эти места, невозможно. Кажущиеся многоводными протоки дальше разбиваются на ряд новых, мелеющих и непроходимых.

В большинстве случаев протоки можно успешно выбирать с плота. Признаки: наибольшая скорость течения (определяется по пузырькам и соринкам на поверхности), наибольшая водность (куда течет основная масса воды), достаточная ширина.

При ненадежных данных или сомнениях в проходимости протоки следует причалить к берегу и разведать реку. Известен такой случай. На Хамсаре плот, направленный после совета с местными жителями, попал в узкую маловодную протоку, закрытую деревом, другой плот чуть не перевернулся у завала.

Завалы из стволов, занесенных в многоводье, — одна из серьезных опасностей. Особенно опасны завалы тем, что под ними часто расположен вход в протоку. Плот затягивает под завал, он может опрокинуться, затонуть. Завалы нужно проходить стороной, заблаговременно отгребаясь в соседние струи.

В горной реке всегда много крупных камней и других препятствий, требующих постоянного внимания экипажа плота к обстановке в водном потоке.

Заранее обнаруженные одиночные камни при умелом маневрировании не представляют опасности. Подводные камни легко обнаружить по бурунам, кругам и косым струям у вершины камня. Надводные камни выделяются бурунами на поверхности, там, где препятствия обтекает вода. Однако попадают мало выступающие над водой плавно обтекаемые камни, которые бурунов почти не образуют. Такие камни мало заметны. Если вы не успели отвести плот от бьющей в камень струи, можете оказаться на камне. Особенно опасно, когда плот, уткнувшись в камень, крепится, вода течет через плот, прижимает его к камню и ко дну реки, плот почти полностью оказывается под водой.

На Абакане плот с двумя туристами отчалил от берега, преодолел заслон из многих камней. Команда: «Гребь на плот!» Через две минуты неожиданно: «Впереди камень!» Вблизи плота, почти не выделяясь, возникла глыба. Отгрестись невозможно. Струя нанес-

ла плот боком на камень, развернула, накренила и накрепко посадила поперек потока. Четыре часа пытались снять плот, но безуспешно, плот потерян, спасено только имущество.

Шивера — участок реки, по которому хаотично, нередко на несколько километров разбросаны камни. Пример: шивера на реке Хамсаре у порога Большой, имеющая длину 12 километров. Прохождение его — слалом-гигант на воде, с которым могут справиться только опытные туристы. Необходимо следить за направлением струй, в которых находится плот, перемещать его в сторону от камней. Большинство порогов расположено там, где река прорывается через хребты. Здесь-то и преграждают путь каменные глыбы.

Пороги с камнями в русле реки и проходами между камнями и скалами проходят на гребях с учетом направления и силы струй, а на большом перепаде в уровнях реки помогает и собственная скорость плота. Таковы пороги Круглый и Рябой на Хамсаре. Рассмотрим прохождение порога Рябой. Перед Рябым имеется шивера (на сложную шиверу похож и сам порог), в которой каменные глыбы образуют три основные преграды: две большие глыбы у правого берега, несколько каменных «быков» в центре, отдельные камни у левого берега. Такой заслон оставляет проход для основного потока в центре и у левого берега. Сильный поток правее и у центральной группы «быков» бьет в расположенные примерно в 60 м следующие препятствия. Здесь есть два пути: правый между крупными камнями, левый в центре, среди группы камней, частично скрытых водой. Левее их проходит более спокойный путь.

Осмотр с воды и с большой высоты правого берега внес ясность в нашу лоцию. Пути у правого берега

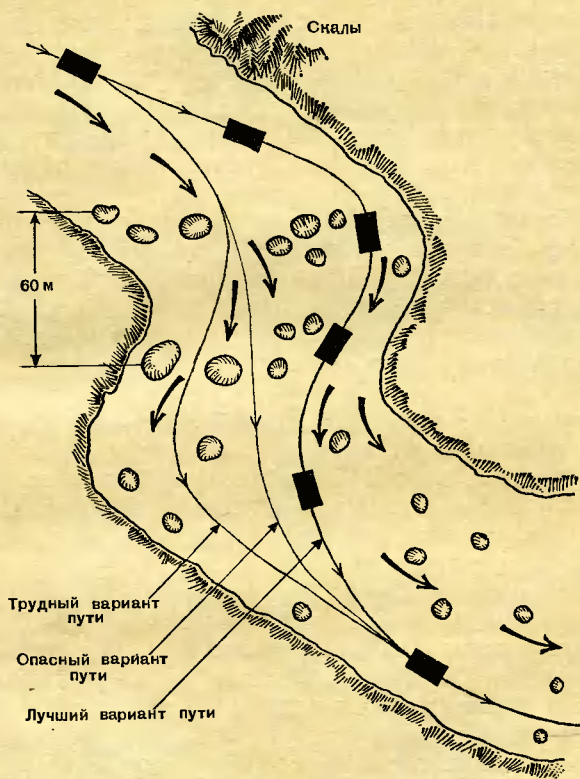

Схема прохождения порога Рябой

опасны: в правый слив плот завернуть трудно, в центре много подводных камней. Путь у левого берега просматривался плохо, хотя и представлял интерес. Последующий осмотр с левого берега показал, что это наилучший путь.

Тактика движения: на протяжении 200 метров, предшествующих порогу, плот перегребается к левому берегу. Затем проходит левее центральной группы каменных глыб.

Работая одновременно обеими гребями, гребем к правому берегу, частично проходим над подводными камнями и дальше между отдельными камнями, усиленно работая гребями на протяжении около 100 м. Плот пригребаем к правому берегу. Дальнейший путь по полуторакилометровой шивере в основном у правого берега.

Пороги без открытых камней в русле, но с большими стоячими волнами в относительно узком проходе при достаточной ширине русла проходятся сравнительно легко. Если эти пороги известны, можно проходить с ходу, по наибольшим стоячим волнам. Для плотов с достаточным запасом плавучести такие волны не опасны. Нужно только хорошо удерживаться на плоту при накатывании больших масс воды.

Другие виды порогов, а также шиверы трудны для прохождения на плотах. Завидев их, надо причалить к берегу и произвести тщательную разведку. В зависимости от обстановки могут быть приняты решения: отказ от плавания с людьми (плот спускается разгруженным); прохождение порога без груза, с необходимой частью экипажа; прохождение порога с грузом и всем экипажем.

Прохождение порогов с резким поворотом реки при наличии потока, бьющего с большой силой в при-

брежные скалы, разберем на примере Карбонака (Абакан).

После поворота у высокого яра река несетя на 300 м под уклон, с силой бьет в прибрежную скалу «Карбонак» с подводным отрогом и резко поворачивает под прямым углом вправо. Вдоль правого берега каменное поле с узкой протокой 1—2 метра вблизи порога. Разгруженный плот с работающими на гребях плотогонами на полной скорости движется вблизи от

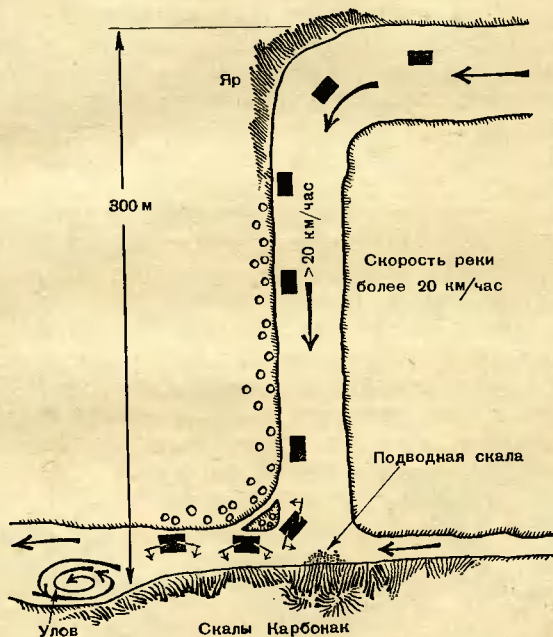

Схема прохождения порога Карбонак

правого берега, кое-где даже задевая камни. Подойдя к повороту, работая обеими гребнями в разные стороны, поворачиваем плот и отгребаемся от приближающейся скалы. Поток подносит плот к скале, но массы воды отбивают его и выносят вправо.

Один плот повернуть не удалось: сломалась гребь. Хотя сила удара была велика, основная масса воды все же оказалась левее и вынесла плот в улов.

На таких порогах надо следить за тем, чтобы основная масса воды не накрыла плот при ударе о скалу. Для этого плот держат у правого берега реки с дальнейшим поворотом и уводом в сторону поворота.

При ином расположении камней, скал надо действовать, учитывая всю обстановку, создавшуюся на пороге. Если нет уверенности, что пройти можно успешно, нужно отказаться от прохождения порога.

Туристской группе целесообразно размещаться на двух и больше плотах, поддерживая при движении связь, чтобы в случае аварии одного плота другие успели прийти на помощь.

В опасных местах нельзя плыть при неблагоприятном освещении (блеске на поверхности), сильном ветре, образующем рябь на поверхности воды.

Итак, знание реки, прочность и оснащенность плота, учет опасностей, внимание, правильный выбор пути движения, умелое и слаженное управление, физическая подготовленность участников дают возможность совершить увлекательное и благополучное путешествие.

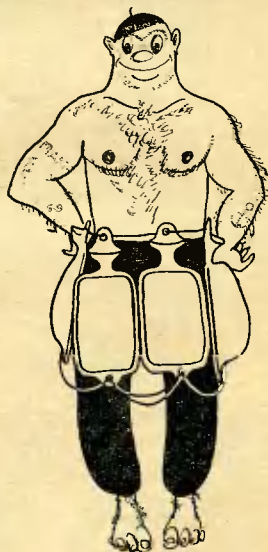
В дорогу, друзья! Голубые дороги готовы принять вас на свои просторы!

Спасательный жилет

В путешествии по воде на плотах или лодках, яхтах или байдарках мы должны помнить о безопасности участников похода. Самое надежное из индивидуальных спасательных средств на воде, удобное в обращении, легкое и доступное — самодельный спасательный жилет.

Он состоит из двух надувных резиновых кругов и соединяющего их брезентового пояса. Подкладные медицинские круги продаются в аптеках (1 р. 10 коп.), брезентовый пояс шириной 5—6 см изготавливается туристами. На одном конце пояса закрепляются две прочные петли, на другом — две палочки-пуговицы. В собранном жилете расстояние между кругами должно быть 1—10 см (в зависимости от ширины плеч), исходя из этого определяется и длина пояса.

Резкий шквал на открытом водоеме, отвал к кустам или другому неожиданному препятствию могут потребовать срочного применения жилета. Поэтому он должен быть в постоянной готовности, невдалеке от участника. Удобно крепить его к байдарке или лодке, загибая крючок из мягкой алюминие-

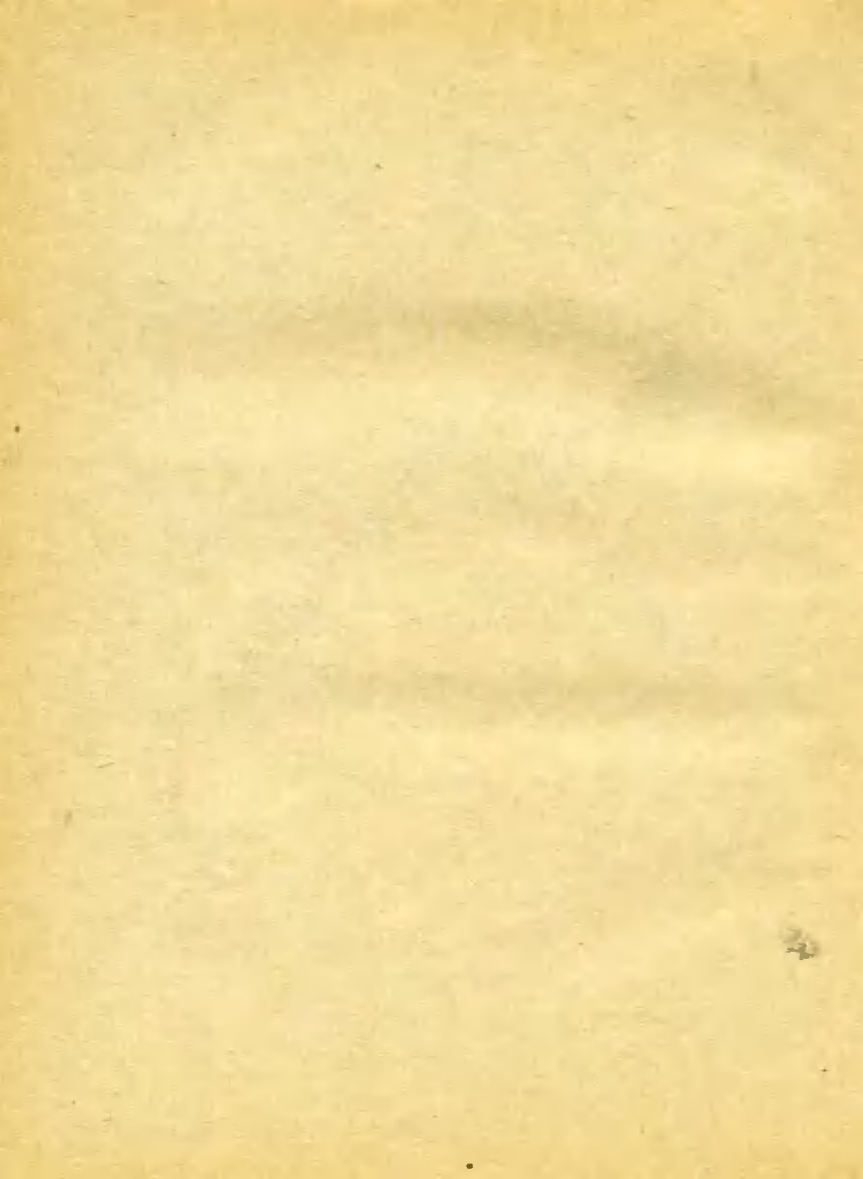

вой проволоки вокруг пояса. При рывке крючок мгновенно разгибается, освобожденный жилет надевается. Скрепляющий круги пояс располагается при этом за спиной. Проходя пороги, следует круги связать спереди мягкой тесьмой. Надетый жилет не мешает грести, не стесняет рук при плавании.

Попавшего в воду даже потерявшего сознание человека жилет удерживает, причем голова находится в 10—20 см над поверхностью воды. При случайном проколе одного из кругов другой обеспечивает плавучесть попавшему в воду.

Нужно укрывать жилеты от солнечных лучей, от них резина может прийти в негодность даже до окончания путешествия. Нельзя садиться на спасательные жилеты, класть на них что-нибудь. Соблюдение этих условий позволит сохранить жилеты на несколько лет.

странствия с фотонамерой

Чудесный край — Приэльбрусье!

Прочитанный нами заголовок газеты гласил: «Здравствуй, старина Эльбрус!» Полноте, так ли уж он стар, тот, кого наука и впрямь почитает давно потухшим, значит, вроде бы впавшим в немоощ с точки зрения вулканологии?

Рассказывали же нам зимовавшие в хижине на его склонах Виктор Корзун и Александр Гусев... Лет тридцать назад, когда они затеяли первое в летописи мирового альпинизма зимнее восхождение на Эльбрус... в недвижной, словно бы скованной лютыми морозами, атмосфере явственно ощущалось движение нагретого воздуха над склонами. Гора дышала. Эльбрус живет! И по сей день поит он стекающими со склонов ледниками равнины Кабарды, Пятигорья, Ставрополя.

Вставший в стороне от Главного Кавказского хребта Эльбрус — это в самом деле особенный, ни с чем не сравнимый мир, хотя лежит он в нескольких

часах езды от традиционных курортов группы Кавказских Минеральных Вод.

На его склонах вы можете в разгар июля защелкнуть маркера креплений и слушать, как аппетитно похрустывает зернистый фирняющийся снежок под пластмассовой подошвой ваших лыж. Можете видеть перед собой в один и тот же кусочек времени — и ночь и день, ибо в лежащей у подошвы горы Баксанской долине уже непроглядная темь горной ночи, а на вершинах горит солнце дня, ведь они на сколько-то тысяч метров ближе к источнику света.

В аквамариново свежих, несущих зелень породивших их ледников Донгузорунке или Азау можно выловить форель, вряд ли уступающую севанской. А над склонами Шхельдинского ущелья увидеть охраняющего своих козлят горного тура.

Мы встречали здесь веселые ватаги туристов: плановых и самодеятельных. И в заголовке их походной стенгазетки стояло: «А нам чо, а нам чо, мы махнем через Бечо!» И топая к Бечойскому перевалу по тропе, именуемой «зачетный маршрут № 46», они притихали, завидев злобно ощерившиеся трещины ледника Муркомьер. А с окраин села Ушхванари с почтением вглядывались в кручи двурогой Ушбы. Еще бы... На Западе существовал даже клуб ушбистов. Попастъ в него было куда труднее, чем в самый фешенебельный клуб и даже в палату лордов: ведь в этот клуб можно было войти только через вершину.

В 1868 году в горах Большого Кавказа побывал известный английский путешественник президент Королевского географического общества сэр Дуглас Фрешфильд. Поднявшись на устремленный к вершине Эльбруса гребень молодых лав, он с нескрываемым восторгом записал в путевом дневнике:

«Все ледяные потоки питает одно общее фирновое плато, над которым купол Эльбруса возвышается, как опрокинутая чашка над блюдцем. Уже отсюда вид был чудесен. Над фантастическим передним планом поднимается большой снежный сверкающей белизны единственный по красоте купол. В его простых линиях все насильственное отсутствует, а величина громады постепенно пленяет все существо созерцающего».

Фрешфильду суждено было дожить до самых преклонных лет и даже встретиться с «человеком из другого столетия». Им был приехавший в научную командировку в Англию металлист и математик, тбилисский профессор Г. Николадзе, кстати, ярый турист. Познакомившись с ним, сэр Дуглас вспоминает о том поистине неизгладимом впечатлении, которое оставил у него, выдавшего на своем веку и Альпы, и Пиренеи, и даже Гималаи, наш высокий Кавказ: «Я рад снова увидеть кавказские страны открытыми для всех народов мира. Нет причин, которые помешали бы Кавказу стать второй Швейцарией по привлечению туристов».

Мы побывали недавно в этом мире высоты, где не знающие каптажей нарзаны непринужденно стекают на асфальт, оставляя на придорожных камнях ржавые подтеки — следы окислов железа. Где в разгар кавказского лета сверкают безбрежные поля снегов, которые современные географы зовут вечными, а ученые прошедших веков — нетленными.

Где можно вспомнить еще одного английского путешественника прошлого столетия, которого обступили толпой жители аула Тегенекли, с немим удивлением наблюдавшие человека, который умеет писать. Грамота представлялась тогда горцам такой же не-

отъемлемой собственностью их феодала, князя Ёрусбиева, как и земли, и луга, и даже горы, одну из которых, Ушбу, другой феодал, Дадешкелиани из Сванетии, презентовал похвалившей ее иноземной туристке фрау фон Фиккер. А сегодня в том же ауле Тегенекли расположена одна из популярных туристских баз и вы можете встретить во главе колонны штурмующих свой Мингитау двух братьев, родившихся здесь же.

Старший, Хусейн, не только бывалый турист, заслуженный тренер СССР и РСФСР, но прежде всего заместитель директора основанного на склонах Эльбруса Высочегорного геофизического института. Младший, Михаил,— директор обсерватории «Терскол», мастер спорта СССР, человек, изучающий лавины. Для этого, как известно, надо сначала достоверно распознать все повадки этого хищника вершин, которого жители альпийских долин зовут «тигром в шкуре безобидного ягненка».

Приют, путешественников

Впервые многим из нас довелось побывать в здешних местах ровным счетом тридцать лет назад в рядах той жизнерадостной ватаги парней и девчат, которые пришли сюда в первом массовом походе в горы, организованном ВЦСПС. Как же удивлялись встречавшиеся нам в горах асы из прославленных «академических» альпийских клубов Запада. Еще сильнее были озадачены они, когда тысячи тех, кого непонятная им советская терминология называла ударниками пятилетки, забрались на макушку Эльбруса.

А входившая в состав альпиниады команда полиграфистов ухитрилась на элементарном тискальном станке отпечатать даже несколько номеров печатной газеты «Школа мужества». На первой ее полосе стояло: «Множить призыв ударников в советский альпинизм». Под напечатанными на миниатюрных страничках статьями читатели увидели подписи Н. М. Шверника, Н. С. Тихонова, В. И. Векслера.

Лихой спецкорр московской «Вечерки» Тихон Юдин вместе с памятной дощечкой Дома печати оставил в скалах восточной вершины Эльбруса свежий номерок альпинистской газеты.

Но конечно же, воспоминания не должны отвлекать нас от того нового, что открывается перед путником на сегодняшнем пути к Эльбрусу.

...Мы помнили, что название прилепившегося к отрогу Главного хребта балкарского селеньица Иткол переводится как «собачье ущелье». Когда же в колоннаде баксанских сосен возникло перед нами светлое, стройное, смело глядящее на солнце здание первого в нашей стране высокогорного отеля, подумалось, что самое время подыскивать для него в том же балкарском лексиконе новые слова: «кюнюм», — «солнечный» либо «гюль» — «цветок».

Отель вступил в строй. Бесшумный лифт вознесет прибывшего вплоть до увенчавшей все пять этажей плоской кровли, где с таким аппетитом пьешь процеженный от городской пыли, насыщенный смолистой амброзией сосен, ароматами альпийских лугов, как бы простроченный лучами горного солнца, воздух. А мир вершин — он перед вами. Здесь они словно бы подвинулись к путнику, кивают белыми папахами снегов, подзывают.

В отеле триста двадцать мест: от молодежных (как принято в горных хижинах, с двухярусными койками) до номеров-люкс на каждом этаже.

Нас знакомит со всем этим хозяйством Алексей Александрович Малеинов. Не полжизни, как это положено писать, а всю ее отдал ты, наш старый друг, Лешечка, горам! На грамоте твоего значка «Альпинист СССР» высшей ступени выведен порядковый номер «1». И, глядя на этот значок, нельзя не вспомнить его создателя.

Это каррикатурист, график, спортсмен и турист Александр Малеинов. Созданный им значок введен правительством СССР тридцать один год назад по ходатайству «Комсомольской правды». Год спустя на склоне пятитысячника Дыхтау сорвался Шура. Тогда Леша, переняв, словно эстафету, ледоруб из похолодевшей руки брата, вышел на штурм, взошел на Дыхтау.

Человек брал верх над горой!

Теперь Алексей Александрович директорствует в том комбинате отдыха, снега, солнца, здоровья, последние цехи которого и не увидишь за облаками, оседлавшими вершину Мингитау.

Иткольская гостиница — первая, специально созданная проектантами для того, что несколько пресно именуется у нас активным отдыхом.

Можно зримо представить себе один из баксанских вечеров, когда на темном своде горной ночи зажигаются кажущиеся спустившимися совсем близко к тебе звезды. Когда заскрипит смерзшийся с закатом талый снежок, и снова звонко и шумно в холле.

Ботинки, носки, штормовку — в сушилку. Себя — под тепло душа. Лыжи — в холодок хранилища.

Транспорт горы теней

И дальше в путь к Эльбрусу, где нас встретил жилистый быстроглазый загорелый спортсмен с подвижным, нервным лицом. Мы знали Юма. Он вовсе не однофамилец английского философа-агностика. Имя Юм закрепилось за Юрием Михайловичем Анисимовым с той поры, когда он тренировал острых на язык слаломистов сборной Московского университета.

Подобно Малеинову отряхнул он прах столичных тротуаров, переселившись в Терскол. Пусть имя его не значилось в номенклатуре генерал-директоров путей сообщения нашей страны, он тем не менее директор первой и пока что уникальной железной дороги над облаками, именуемой Чегетской канатно-кресельной дорогой. Она проложена по северным (дольше держится снег) склонам горы, чье имя значит «Стоящая в тени».

Мы поднимались в мирно покачивающемся креслице вместе с Малеиновым. Даже облако, в которое мы въехали, и оно, словно выжатая рукой великана огромная губка, щедро обрушил на тебя все транспортированные ею с берегов Черноморья осадки, не могло испортить радостной новизны подъема.

Отряхиваясь подобно выбравшемуся из воды пуделю, корреспондент не преминул задать несколько вопросов директору новой магистрали.

«...Полностью себя оправдала! По замыслу планировалась в основном для зимы, но даже летом, в бессезонье, продавали за воскресные дни до 2150 билетов. Еще до конца прошлого года подняли на Чегет стопятидесятитысячного пассажира.

Теперь будем ускорять продолжение нынешней трассы — дорогу «Чегет-2». Поднявшись тогда до от-

«Вокзал» первой в нашей стране кресельной дороги на Чегет.

Фото Л. Бородулина

метки «3050», мы растянем зимний сезон с ноября вплоть до июня. А третий, еще более высокий, «Чегет-3», откроет для всех и огромный снежный цирк у самой вершины».

В одну из недавних зим нам довелось наблюдать, как ухаживали за лыжными трассами хозяева последней белой олимпиады — австрийцы. Как возили в корзинах с дальних перевалов снег, обходившийся до одиннадцати долларов за тонну. Большой Кавказ не испытывает дефицита в снеге. Даже летом.

Когда Юм спускался с нами, где-то у кромки леса и облаков сверкнул во мраке горной ночи огонек, словно подмигивая запоздавшему путнику. Домик

охотника. Представьте себе, что вы поднялись на верхнюю станцию. Накатались. А тут ветер, метель, непогодь. Канатка работать не может. Но вам нет нужды топтать ночью по невидимой тропке. Преотлично переночуете в домике, греясь у жарко пылающего камина и улыбаясь подглядывающим в окна облакам.

Эльбрус подарил спортсменам

Старожилы могут вспомнить, что еще во времена Российской империи задумывали провести зимние игры в горах Большого Кавказа. Хороши, спору нет, долины и склоны Инсбрука, Шамони, Вербье, Кортино д'Ампеццо! Но сами же наезжавшие к нам из этих мест альпинисты с горнолыжниками отдавали первенство нашему Кавказу. Это подтвердил и наш недавний гость из Австрии, исходивший на своих лыжах склоны всей Европы, Густав Деберль. Он был, кстати сказать, первым на глазах автора этих строк спустившимся с такой неплохой лыжной «горки», как западная вершина Эльбруса! А это 5633 метра над уровнем моря!

Этот край покидали восхищенными и те, кого, казалось бы, ничем не удивишь после Гималаев или Анд. И сэр Джон Хант, под началом которого был покорен третий полюс планеты — Джомолунгма.

И прославленный «тигр снегов» Тенцинг, который, как он выразился, удостоился чести быть принятым римским папой, английской королевой и Эльбрусом.

Эльбрус подарил спортсменам! Весомый и приметный этот гостинец.

Не нужно обладать воображением писателя-фантаста, чтобы, взглянув на украшающую Центральный

совет по туризму панораму, зримо представить себе главный туристский проспект страны, в который превращается по замыслу проектировщиков ведущее к Эльбрусу Баксанское ущелье.

Быть может, этот край и станет трамплином к играм в Мехико, где наши олимпийцы окажутся в условиях, близких к горным?

Перед поворотом нынешней дороги к Эльбрусу вы могли заметить щель Ирикского ущелья. И оно взято на учет проектировщиками. Через Ирик к склонам Мингитау. Подъем по канатной дороге до станции «Мир». На вездеходе или, что еще лучше, на лыжонках по безбрежному заснеженному плато. А там по другой воздушной дороге к истокам Кубани. Глоток порожденной ледниками воды как символ прощания с белеющим на горизонте Эльбрусом, и несколько часов спустя вы разгуливаете по «пяточку» Кисловодска.

А хижины. И не только для туристов, но и для охотников, и рыболовов. Тропинки для любителей конного спорта, ведь Кабарда славилась и породой своих скакунов, и неприхотливым горным «коньком-горбунком».

В наступлении, которое повели те, кто хотят подарить Эльбрус любителям путешествий, и Иткольский отель, и Чегетская канатка всего лишь предмостные укрепления. Еще ближе на расположившейся у самого подножия Эльбруса поляне Азау мы увидели уже законченную коробку еще одного, шестиэтажного отеля. На подъеме к Старому Кругозору шипели молнии в руках сварщиков, стыковавших опо-

На склонах Чегета
Фото Л. Бородулина

ру, которая, расставив стальные конечности, теперь уже встала на склонах самого Мингитау. Окрашенная алым, сталь будет подобна знамени, укрепившемуся над хаосом вулканических образований.

Не за горами то время, когда не нужно будет восемь, девять, а то и все десять часов топать к «Приюту 11-ти» по осыпям и фирну, когда заберемся мы с вами в числе 35 пассажиров в покачивающуюся над долиной кабину. Поправит свою кондукторскую фуражку усатый Саид либо Юсуф и тремя этапами доставит нас за пятый километр высоты.

Канатная дорога вскарабкается на Эльбрус. С отметки «2360» до «4080». Перепад высот — 1720 метров. Снег в невиданном изобилии даже в те дни, когда там, за хребтом, зреют хурма и апельсин. Панорама всего Главного хребта, а на восходе тень на полнеба — второй массив Мингитау, отраженный облаками.

Тем, кому доведется побывать здесь снежной зимой, удастся наблюдать и за работой одного из интереснейших научных учреждений высокогорья.

Встречи с укротителями лавин

«Я ехал на перекладных из Тифлиса». Кому не памятли эти начальные строки, равно и следующий за ними разговор Максима Максимовича с горцами... «Что? были ль обвалы на Крестовой?» — спросил он извозчика. «Не было, господин, — отвечал осетин-извозчик, — а висит много, много». И дальше Лермонтов вкладывает в рассказ Печорина то, чем, без сомнения, любовался и сам на своем пути в Россию.

«...Направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра

оборваться в ущелье; узкая дорога частью была покрыта снегом, который в иных местах проваливался под ногами, в других превращался в лед от действия солнечных лучей и ночных морозов, так что с трудом мы сами пробирались; лошади падали»... («Герой нашего времени»).

Лавины, о которых осведомлялся у местных жителей бывалый штабс-капитан, по сей день предмет главного внимания и беспокойства тех, кто после снегопада ведет машину в горах, еще больше тех, кто ведаёт выющимися по этим склонам дорогами.

Лавины ведь были грозой еще памятных нам джек-лондоновских героев, которые хлынули на Юкон в поисках золота. Лавина 1847 года в горах Уосатч одним махом погребла весь лагерь старателей с его шестьюдесятью семью обитателями. А сорок лет спустя в Каскадных горах случилось событие, которое по сей день именуется «величайшей лавинной катастрофой в истории США». Ринувшаяся, набирая силу, огромная масса снега обрушилась на тяжело поднимавшиеся к перевалу Стивенс-Пасс составы. Сутки спустя газетные заголовки надрывались: «100 пассажиров погребены в снежном склепе». «Убытки оцениваются в миллион долларов». «Три поезда сдuty на дно каньона».

Когда же истощились золотые жилы, лесная служба, на которую было возложено обеспечение безопасности в горах, снова забила тревогу: «Лыжный спорт привлекает в горы еще больше людей, чем некогда «золотая лихорадка»».

Наступала эра «лыжной лихорадки».

Мы рассказали выше о канатных дорогах, слаломных трассах выше облаков, о том, как подарили Эльбрус любителям путешествий и спорта. Но дело не

только в спортсменах... Воздвигается рудник в горах... Перегораживают плотиной Ингурской ГЭС стекающую с хребтов реку. Прокладывают автотрассу к поднятому на 3000—4000 метров перевалу. Везде, прежде чем примутся за дело строители, проходчики, проектировщики, приходит в мир гор лавинная разведка.

Было, правда, время, когда на вопрос о лавинах, осторожничали: «Не хочешь рисковать — не ходи в горы». Но это был совет не столько осторожных, сколько трусоватых.

А человек шел в горы! Искал высоту, обживал ее.

И в расположенном у эльбрусского отрога Главного хребта балкарском ауле Терскол дислоцировано подразделение тех, кто объявил войну лавинам. Это лаборатория физики снега, лавин, ледников. Руководит ею кандидат физико-математических наук Варден Сергеевич Читадзе.

Какие только коллекции не собирают любители диковинок! Но если бы существовала коллекция директора обсерватории Терскол и сотрудника читадзевской лаборатории Михаила Чоккаевича Залиханова, ее не удалось бы уместить даже на большой арене лужниковского стадиона.

Они коллекционируют лавины.

Они нужны всем. Не лавины, конечно, но их анкетные данные: и откуда родом, и место проживания, и антропологические сведения, и особые приметы, и периодичность появления. Архитектору В. М. Маргулису они позарез нужны для привязки к стройплощадке первого у нас высокогорного отеля; Ю. М. Ани-

Лавина!

Фото Л. Бородулина

символу — для новой трассы скоростного спуска, где лыжник будет стартовать выше облаков; а там терпят строители рудника под вершиной Суварык; и подставившие под удары лавин новую трассу дорожники; и лифтовики, кому впервые монтировать подъемники в скопище двадцати трех ледников Эльбруса; и слаломисты, и вертолетчики, и туристы, и чабаны.

Всех не перечесть!

И отряды лаборатории вот уже второй год шагают вдоль оси хребта, который на языке «геоморов», как сокращенно именуют геоморфологов, зовется Главным или Водораздельным.

Предстоит пройти от расположенной против Эльбруса вершины Донгузорун до ущелья Псыгансу, к Осетии. Закончить сборы коллекции, которая официально именуется «Кадастр лавин Большого Кавказа». Их будет там не меньше двух тысяч.

Высокий Кавказ обживаетея, обстраивается, превратился в стройплощадку даже Эльбрус.

Нам довелось несколько лет назад быть свидетелями того, как к начальнику альпинистского лагеря «Рот-Фронт» Б. Ф. Кудинову обратился приехавший на отдых солидный инженер с Мосфильма:

— В какой стороне море?

— Туда.

И минуто спустя к тому же инженеру, решительно зашагавшему в чужаках на босу ногу, с махровым полотенцем, в пижаме:

— А вы это, собственно, куда?

— Как куда, купаться, к морю.

Высокогорный геофизический институт у подножия Эльбруса
Фото Л. Бородулина

— Да я же показывал вам дорогу на Бечо. Это же перевал: скалы, осыпи, ледники. До моря целых пять дней хода.

Читатель уже узнал, как преобразается страна снегов, солнца, слаломных трасс — Приэльбрусье. Нынешнее Баксанское ущелье — тупик в верховьях, замкнутый с трех сторон стенами Главного хребта, лавовыми контрфорсами Старого Кругозора, отвесами эльбрусского массива. Но архитекторы, улыбаясь, поведал нам Владимир Михайлович Маргулис, уже задумались над этим, предложили оперативное вмешательство в созданный природой горный аппендикс. Ведь все больше людей будет привлекать этот край! А как же это будет здорово после лыж и ледников окунуться в пенистый прибой Черного моря. До него же рукой подать. За хребтом. «А как бы сочетать все эти радости с купанием в море?» — осведомился у Читадзе проектировщик и болельщик всех этих мест Владимир Михайлович Маргулис, и оба невольно глянули в темнеющий по горизонту Главный хребет. «Не препятствие для тоннелестроителей, — отозвался Читадзе. — Пройти под хребтом что-нибудь порядка четырех, ну не больше пяти километров. А тогда, представьте только себе: спускаешься с гор, и снежок взлетает за тобой, а там лыжи на крышу «Победы» и два часа спустя окунаешься в море». — «Да, но как быть с лавинами?» — с тревогой осведомился архитектор.

Как сказал нам Читадзе, тоннельное соединение можно пробивать и под Донгузоруном, и под Шхельдой, южным порталам тоннелей обвалы не угрожают. Хуже с Бечо: до ста двадцати мощных лавин на сванской стороне.

А что, если, не дожидаясь лавин, убирать самим лишний снег со склонов? Расчищать их для туристов. Но кто же выступит в роли такого альпийского дворника там, где немного достигнешь, орудуя дворничьей метлой?

Разметать склоны доверили артиллерии. Использовали же в Высокогорном геофизическом институте зенитки, разгоняют ими градовые облака над Эльбрусом. Для лавин попробовали сначала миномет. Нет, не то! Или мины в снегу завязнут, не разорвавшись, либо разорвутся, а мощный пласт снега и не шелохнется.

Другое дело пушки. Снаряды уже стряхивают снег со склонов. Артиллерия — это ж математика; разработав таблицу, можно так палить по склонам, чтобы точно высчитанным сотрясением приводить в движение снега.

А если старый, слежавшийся, уплотненный?

Тогда дистанционные снаряды. Использование ударной волны. Стрелять над самой поверхностью снега. Разрушать и осколками, и волной верхний слой, а там уже сойдет своим ходом.

Излечима ли „горная болезнь“?

Виднейшие авторитеты в области кислородной недостаточности и других явлений высотной патологии — академик Академии медицинских наук лауреат и заслуженный мастер спорта Август Андреевич Летавет и действительный член Украинской Академии наук Николай Николаевич Сиротинин в глубине

души убеждены в необратимости «горной болезни». Они и сами в этом смысле хроники, ибо поездку в горы не променяют ни на какой санаторий.

Те же из нас, кто побывали за последние годы в Тироле, Доломитах, Альпах, Сьерра-Неваде, считают, что родной наш Кавказ — абсолютный чемпион мира по солнцу, снегу, вершинам, пейзажам, цветам. Не раз бывавший и здесь, и во многих других местах известный немецкий альпинист А. Фишер покидал Кавказ убежденный: «...красотой, богатством ледников, роскошью лесов и растительности он превосходит все, что можно видеть в Альпах».

Не потому ли встречали мы на лыжных склонах Кавказа и нобелевского лауреата академика И. Е. Тамма, и руководителя дубненского ядерного центра Д. И. Блохинцева, и прославленного геометра, академика и мастера спорта А. Д. Александрова. Не потому ли на вновь народившейся Горнолыжной федерации СССР застали Героя Социалистического Труда, лауреата, академика А. И. Целикова, озабоченно обсуждавшего проблемы производства металлических лыж и конусных палок.

Попробуйте в разгар зимы раздобыть путевку в альпинистский лагерь, купить пару эпоксидовых слаломных лыж, и вы убедитесь в тщете затеянного. Прошлой зимой в горной хижине на Алибекском леднике ее обитатели укладывались на ночлег своеобразными живыми штабелями. Горные склоны работают с полным аншлагом.

Вверх на кресле — вниз на слаломных лыжах
Фото Л. Бородулина

Горы зовут! В дымке снегов. В пляшущих по склону солнечных искрах. В восьмерках следа спускающегося широкими дугами лыжника. И это не далекие от нас долины Тироля, на пути к которым ты шесть раз пересекаешь государственные границы; пусть об этих горах так аппетитно писал в опубликованных недавно у нас дневниках Хемингуэй. Но побывай он на спусках Чегета, у схваченных рукой деда-мороза бриллиантовых колонн водопадов Су-Ауз-Су, повидай кудлатую башку зубра между буками Тебердинского заповедника, он ездил бы каждую зиму к нам, в Терскол либо Домбай.

И никуда больше!

Один из ставших особенно популярным маршрутов за последние годы — путь через Бечо.

...Горы встречают туриста близ Минеральных Вод. Они возникают неожиданно из ровной степи подобно островам в открытом море. Недаром же ученые прошлых столетий так и называли эти неродившиеся вулканы, лакколиты, скалистым архипелагом.

А дальше, по дороге к Прохладному, ясным свежим утром тот, кто впервые держит путь в горы, с восхищением увидит застывшие на далеком горизонте неподвижные облака. Это и есть Большой Кавказ. Те гребни и снега, которые некогда звали нетленными, а мы называем вечными.

И пусть прошли многие годы, изменился общественный уклад тех, кто живет у подножий вершин, но вид гор заставляет вспомнить поразительное по своей

образности описание, принадлежащее Льву Николаевичу Толстому.

«Вдруг он увидал — шагах в двадцати от себя, как ему показалось в первую минуту, — чисто-белые громады с их нежными очертаниями и причудливую отчетливую линию их вершин и далекого неба... Горы, казалось, бежали по горизонту, блестя на восходящем солнце своими розоватыми вершинами. Сначала горы только удивили Оленина, потом обрадовали; но потом, больше и больше вглядываясь в эту не из других черных гор, но прямо из степи вырастающую и убегающую цепь снеговых гор, он мало-помалу начал вникать в эту красоту и почувствовал горы».

Того, кто хочет сам ощутить вслед за Олениным своеобразие гор, ждет множество маршрутов; только у Центрального совета по туризму в 1965 году действовало в горах более ста десяти баз и приютов. Мы хотим избрать тот из них, что ведет из Кабардино-Балкарии в Грузию через перевал Бечо и живописные ущелья Сванетии, вдоль рек Долры и Ингури.

* * *

Нальчик раскинулся на покатом плато. Утром с верхних этажей, еще лучше с башенки, венчающей Дом туриста, виден на горизонте переливающийся изумрудными тонами лесов Меловой хребет, за ним темнеет Скалистый хребет. Но это лишь преддверие мира великанов Большого Кавказа. На 1,5 тысячи километров протянулись от Черного моря к Каспию вечно снежные вершины и гребни Главного хребта.

Если выдалась ясная погода, даже из города в ранний час отчетливо видны окрашенные первыми лучами солнца массивы вершин Безенгийской группы —

купола Коштантау (5145 м), третьей по высоте на Кавказе — Дыхтау (5198 м), оледенелый гребень Мижирги (4928 м).

Наш путь в горы пойдет вверх по ущелью реки Баксан, порожденной ледниками Эльбруса. Воды ее питают Баксанскую гидроэлектростанцию. Река промыла русло в отвесных стенах древних известняков, то желтоватых, то розоватых, зубчатая линия хребта напоминает очертания древнего замка.

При выходе из теснины Шаш-Бават ненадолго покажутся вдаль вершины Эльбруса, словно нарисованные нежной акварелью. Автомашина, на которой едут туристы, пройдет близ площади молодого города Тырнауза, поднимется в глубокую теснину Элжурту. Близ шоссе с немолчным грохотом несет свои воды Баксан. Из бокового ущелья впадает в него Адылсу, и в мутноватом, землистом от множества взвешенных в нем частиц потоке Баксана ясно различается чистая зеленая струя. Это воды Адылсу донесли сюда тона породивших их ледников.

У подножия хребта, в селении Тегенекли, усадьба туристской базы «Эльбрус». Отсюда путешественники уходят на «Кругозор» и «Приют 11-ти» Эльбруса, на тропы к перевалам. Вначале по асфальту дороги, затем по горным тропам: поднимаясь все выше и выше вдоль Баксана, они заканчиваются на высоте почти 4 километров над уровнем моря, у кромки ледника, сползающего с восточного склона Эльбруса.

* * *

Альпинист, с которым мы встретились несколько лет назад здесь, в горах, молча положил перед нами покрытый ржавчиной металлический предмет. Что за

орудие непонятного назначения? По виду оно напоминало большую трехзубую вилку длиной с локоть. Но где же мог он найти такую в горах? Кто и для чего мог пользоваться ею? В ответ альпинист показал нам фотоснимок: вытаявшая из фирна каменная глыба, на ней высечен крест, напоминающий по рисунку георгиевский орден, дата: «1829».

— Неужели обнаружили все это на склонах Эльбруса? — спросили мы.

— Именно там,— разрешил наши сомнения Константин Толстов, сотрудник Дубненского центра Академии наук, мастер спорта по альпинизму и туризму, руководивший группой, только что спустившейся с Эльбруса.— Эту «вилку» нашли в снегах на северных склонах, а изображение креста на камне увидели, когда располагались на бивак. Ведь мы шли на Эльбрус по пути Килара!

Обступившие Толстова альпинисты, сваны ближних селений, балкарские пастухи с высокогорных альпийских пастбищ с почтительным интересом передавали из рук в руки трезубец. Подумать только: ведь с ним шел сюда кто-то из первых альпинистов. Быть может, этот трезубец перед выходом на высшую точку и кинул на снег вместе с буркой и котомкой кабардинец Килар—единственный из участников экспедиции 1829 года достиг он тогда вершины горы.

«Пусть сей скромный камень передаст потомству имена тех, кои первые проложили путь к достижению поныне почитавшегося недоступным Эльбруса! Вершины же оно (Эльбруса) достиг только кабардинец Килар»,— гласит надпись на памятной доске, отлитой в том же 1829 году на Луганском заводе. Эту доску с потускневшей от времени надписью на русском и арабском языках можно увидеть на здании

Научно-исследовательского института в Нальчике по соседству с туристской базой. Она напоминает о первой победе над Эльбрусом, за многие десятки лет до того, как на приступ горы двинулись прославленные асы альпийских клубов.

Теперь, сто тридцать шесть лет спустя, не отважные одиночки выходят на штурм перевалов и вершин, а сотни и тысячи внуков и правнуков Килара. Проезжая по Кабарде, вы увидите очертания Эльбруса не только в небе, но и на груди многих молодых рабочих, колхозников, студентов в Нальчике, Чегеме, Баксане, Тырныаузе.

Если вы наметили пройти перевальный маршрут, простимся с Эльбрусом и в путь к скрытой лесами гряде Главного хребта.

* * *

Мелькнул в лесу вымпел старейшего альпинистского лагеря в ущелье Юсеньги, остались позади последние, согнувшиеся от ветров и лавин сосны. Перед нами подъем к перевальной точке, «Куриной грудке» — так зовут острый, покрытый снегом выступ, ведущий к леднику Керунда. Покидаем Кабардино-Балкарию.

С выемки перевала Бечо в каменистом гребне Главного хребта открывается Верхняя Сванетия.

Проникший в прошлом веке в этот край русский путешественник образно сравнивал ее со сложенными пригоршней руками. Верхняя часть ладоней — это хребты, пространство между ними — теснина, на дне которой, не умолкая ни днем ни ночью, гудит Ингури.

Стена хребтов, отгородивших маленькую страну, на многие века определила уклад ее жизни. Побывавший здесь в 1886 году социолог Максим Ковалев-

ский советовал каждому, кто хотел бы наблюдать «в натуре» родовой строй, отправиться в Сванетию.

Вольнолюбивые горцы, как гласят предания, пришли в неведомые далекие ущелья более двух тысяч лет назад. Но, покидая для заработков родные места, сван неизменно стремился вернуться сюда, где в чистой эмали неба белеет линия снегов, где высятся подобные мачтам бригантин понтийские пихты, и даже ливень не в силах пробить их сплетающиеся ветви.

Побывавший здесь в 1912 году русский турист С. С. Анисимов записал речь, которую держал перед односельчанами высокий, несмотря на свои восемьдесят лет, стройный крестьянин из Эцери: «Взгляните только на Сванетию, и вы увидите ее красоту. Страна наша прекрасна. Ее травы и цветы на лугах, ее леса, ее ручьи и реки, ее горные склоны и вершины — все дано для ее счастья. Но мы, сваны, бедны, хотя мы совсем не дики, как говорят некоторые. Мы любим землю и труд земледельца. Мы бедны потому, что наша земля у князей. Но будет время, когда вернется наша земля, а вместе с нею и счастье. Взгляните на наши горы, — торжественно произнес он, обратив лицо к Ушбе, — взгляните на это чудо. Если бы кто-нибудь мог взойти на нее, он узнал бы всю необъятность мира, увидел бы сразу и безграничную даль моря, и величайшие вершины Тетнульд и Шхару. Взойдите на нее, и вы будете счастливы и скажете, что счастье дано миру и счастье в мир вернется!»

Взойти на Ушбу!.. В конце прошлого столетия в горы Кавказа прибыла экспедиция английского альпиниста и географа Дугласа Фрешфильда. Со своим спутником, знаменитым швейцарским проводником Франсуа Девуассу, сэр Дуглас поднялся на вершины Эльбруса и Казбека. Через перевалы Главного хреб-

та он прошел в Сванетию. Бывалого восходителя остановила одна из местных вершин. Она напоминала по виду те суровые боевые башни, которые увидит каждый побывавший здесь.

Но башни изо льда и камня, на которые с восхищением и трепетом глядел путешественник, уходили в небо на высоту более 4,5 километра. С их склонов, грохоча, скатывались лавины. Чернели обнаженные камни отвесов, на которых не держится снег.

На пути к туристской базе, в районном центре Местиа, близ селения Ушхванари, и вы увидите эти башни-вершины, которые зовутся Ушбой. Это перед ними отступил Фрешфильд. Глава старейшего в мире альпийского клуба и президент Королевского географического общества записал в своем труде о Большом Кавказе: «Нет сомнения, Кавказский Маттергорн (одна из труднейших вершин в Альпах.—*Ред.*) найден! Разница только в том, что тут два Маттергорна стоят рядом, да еще удвоены в размерах».

Впрочем, Ушба показалась недоступной и другим путешественникам прошлого века.

«Название Ушба,—записывает русский турист Иван Акинфиев, пересекавший Сванетию в 1893 году,—по-местному будто бы означает чудовище¹, что как нельзя более соответствует внешнему очертанию этой горы, видимой из Бечо почти с самого ее основания. Вид на нее один из редких, но нельзя сказать приятных. Если при виде царственно величественного Эльбруса или красавца Тетнульда, или даже Казбека вы невольно восхищаетесь правильностью очертаний белоснежных конусов, то при виде Ушбы не прихо-

¹ Известны и другие толкования: «Вертеп ведьм», «Гора бурь», «Гора-чудовище» и т. д.

дится испытывать ничего подобного, наоборот, вас поражает грубая неправильность в форме раздвоенной вершины, составленной из каких-то безобразно гигантских утесов и обрывов, обнаженных в большей своей части от снега... Вzbираться на Ушбу вы не почувствуете ни малейшей охоты, потому что издали видна вся бесплодность подобного опасного предприятия».

Прошли десятилетия. Гранитные бастионы горы отбили более двадцати атак, предпринятых лучшими альпинистами Запада. Лишь в 1903 году четверке участников специально снаряженной Международной беспроводниковой экспедиции удалось после тщетных попыток достичь более высокой, южной вершины (на северную еще в 1888 году взойшли альпинисты Англии). Но после этого более четверти века никто не нарушает покоя вершины.

Ушба была многие десятилетия символом страха. Заслышав свист ветра с вершины, матери шептали: «Тише, Ушба гневается». В час ссоры сван бросал обидчику: «Чтоб тебе очутиться на Ушбе», а старики говорили: «Это также невозможно, как немыслимо смертному взойти на Ушбу».

Но разве же не развеяло наше время и более устойчивые, казалось бы укоренившиеся, поверья. Шли годы. И однажды собравшиеся вечером на окрестности Ушхванари сваны долго вглядывались в сторону вершин, пока кто-то не воскликнул: «Нарьи!» — «Свет!» Он вспыхнул высоко в небе, выхватив на миг из мрака резко очерченные линии «лба Ушбы». То был свет ракеты, зажженной рукой альпиниста на вершине.

Тбилисский гидролог Алеша Джапаридзе, его сестра синоптик Александра Джапаридзе, девдорацкий

рудокон и сказитель Ягор Казаликашвили, сван-охотник Гио Нигуриани были первыми восходителями СССР, покорившими в 1934 году Ушбу. Подвиг четырех сорвал покров тайны с вершины. На огонь, сверкнувший на вершине, ответило яркое пламя костров, согласно вспыхнувших в ближних селениях, где тоже ждали вестей с горы.

И разве не знаменательно, что в тот час, когда победители возвращались в Ушхванари, перед ними бежала по дороге крылатая тень и рассказ Алеши Джапаридзе, и дружные рукоплескания горцев сопровождал мощно нарастающий гул с неба. Самолет! Это был первый самолет над Сванетией. Воздушная дорога проложена.

Сванетия замкнута кольцом хребтов, лишь на юге слегка раздвинутых узким ущельем Лекзыри. По нему и выносит к Черному морю свои стремительные воды Ингури.

Десятки ледников спускаются со склонов. Движением льда выпаханы долины и террасы, на которых располагаются селения. На речных террасах раскинулся и районный центр Местиа. Гордо стоят пережившие века, опаленные порохом четырехгранные башни, а мимо них бегут полуторки, тарахтят мотороллеры и мопеды, а вечерами зажигаются огни в лампонах, напоминающих ландышевую аллею Центрального парка культуры и отдыха в Москве.

Первым туристам, побывавшим здесь в тридцатых годах, показывали огромные, в рост человека, глиняные кувшины для вина. Бережно закутав в кошму, день за днем катили их «своим ходом» за сотню километров из Мингрелии по тропам над речными каньонами. Теперь же диспетчер бойко торгует биле-

тами на голубые автобусы, курсирующие до Зугдиди и Сухуми.

Здание туристской базы высится над новой широкой улицей, служившей когда-то выгоном для скота, а ныне застроенной зданиями районных организаций. По горской традиции кладка новых домов производится монументальными глыбами известняка и гранита, напоминая о капитальных, непробиваемых для пули стенах древних башен-кóров, которые были и жилищем, и крепостью, и убежищем для скота. В новых зданиях разместились универмаг, магазин культуроваров, клуб, детский сад, госбанк, почта, больница.

Не только Местиа интересует туриста. Недаром здесь ходит поговорка: «Кто не видел Ушгуля — не видел Сванетии». Эти далеко выдвинутые на восток три селения встречают путника сложенными из толстых плит тесно, плечом к плечу, стоящими башнями. Их темные тона придают особенно грозный вид древнему пограничному форпосту Сванетии. Выше их вздымается только одетая снегами Шхара, уступающая по высоте лишь Эльбрусу. В Ушгуле в 1887 году родился Георгий Нижерадзе. В 1913 году он вернулся домой с дипломом университета, со званием уездного врача Сванетского приставства.

С горечью видел он, как ничтожно мало могут сделать врач да один фельдшер в Местиа и фельдшер в Бечо, если не изменить уклада жизни. Сванские жилища не знали ни труб, ни даже отверстия для выхода дыма. В любом селении можно было видеть людей, обезображенных зобом, затруднявшим дыхание, мешавшим говорить. «Каждый пятый обращавшийся за помощью к врачу,— рассказывал туристам Г. Г. Нижерадзе,— болел зобом». Были селения вроде Штулу, где трое из каждых четырех жителей пу-

гали приезжих видом безобразного мешка, свисавшего на грудь. В чистейшем воздухе высот чуть ли не четверть населения страдала туберкулезом. Целые роды вымирали от оспы. •

И вот наши дни... Лишь после долгих поисков по всей Местиа корреспонденты нашли наконец одну большую зобом. Остается добавить, что Мариам М. уже перевалило за сто лет и революция застала ее в том возрасте, когда заболевание становится трудно-излечимым.

Мы говорили выше о ледниках, чьи воды в изобилии орошают и поят горную страну. Но эта несущая в долины приятную свежесть, казалось бы, чистейшая вода таила одну опасность: она лишена солей, необходимых для организма. Простейшая мера — продажа по всей Сванетии соли, йодизированной по рецепту доктора И. А. Асланишвили, — избавила ее жителей от зоба.

Там, где до революции насчитывалось три медицинских работника, теперь значится, говоря языком штатного расписания Местийского райздрави, около двухсот единиц. Удивительно ли, что здесь не встретишь ни рахитичных кривоногих ребятишек, ни изъеденных оспой лиц, ни согнутых женскими недугами матерей.

Горы Сванетии таят немало богатств. Еще римский историк Гай Плиний Секунд Старший рассказывал про колхидского царя, по имени Савлак, для которого добывали «огромное количество золота и серебра в земле племени сванов» («Натуральная история», книга 33). Широко известен добываемый здесь мрамор. Плиты из далекого карьера на Ингури можно увидеть на станциях Московского метрополитена, в театре имени Вахтангова, во Дворце культуры в Варшаве.

Приходит пора покидать страну гор. Осталась позади Местиа. Нырняя в тоннели, спускается автобус проложенной над Ингури дорогой туда, где расступятся горы и туриста ждут залитые солнцем берега Черного моря. Путешествие заканчивается в столице Абхазии Сухуми.

ПРИЭЛЬБРУСЬЕ

- № 46. Эльбрусский (пешеходный, I категории сложности): Нальчик — 2 д., авт.—Тегенекли (включая поход на Эльбрус к «Приюту 11-ти») — 6 д., переход через перевал Бечо до Местии — 3 д., Местиа — 2 д., авт.—Зугдиди — 1 д., авт.—Нов. Афон — 6 д. Всего — 20 д. Июнь — август. 65 руб.
- № 315. Эльбрусский (лыжный) — 15 д. Январь — апрель. 49 руб.
- № 331. Эльбрусский: Тегенекли — 10 д., авт.—Нальчик — 10 д. Всего — 20 д. Сентябрь — октябрь. 54 руб.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агибалова В. В. С рюкзаком по тропам Центрального Кавказа. Харьков, Изд-во Харьковского ун-та, 1963. 156 стр. с илл.

Ахохов А. Целина Приэльбрусья. Туризм — дело интересное, выгодное. «Известия», 26 апреля 1964 г.; 25 апреля Московский вечерний выпуск.

Глушков Б. Ф. Адлер. Изд. 2, испр. и доп. Краснодар, Кн. изд-во, 1961.

Путеводитель по Адлеру.

Григорович С. Ф. По Военно-Осетинской дороге к Черному морю. Путеводитель. Орджоникидзе. Сев.-Осет. кн. изд-во, 1963. 139 стр. с илл. и карт.

Григорович С. Ф. По горам и равнинам Северной Осетии. Спутник туриста, краеведа и экскурсанта, изд. 2, доработ. Орджоникидзе, Сев.-Осет. кн. изд-во, 1960.

Ефремов Ю. К. Тропами горного Черноморья. М., Географиз, 1963. 405 стр. с илл. и карт.

Описание туристских маршрутов по Черноморскому побережью Кавказа. Много страниц уделено описанию Красной Поляны и району озера Рица. В книге много фотографий и схем. Полезное пособие для туристов, изучающих Кавказ.

Елизаров А. Н. Кавказское кольцо. Автомобильный маршрут. М., Профиздат, 1960. 128 стр. с илл. и карт.

Справочник-путеводитель.

Каминский А. И. и Остапенко Л. Г. Морской порт Батуми. Справка. М., «Морской транспорт», 1962. 14 стр. с илл.

Кассесинов В. Н. Экспрессом по Черному морю. Путеводитель, изд. 2, переработ. и доп. М., «Морской транспорт», 1962. 280 стр. с илл.

Латышев И. П. Лазурный берег Кавказа. Путеводитель, изд. 2, испр. и доп. Краснодар, Кн. изд-во, 1962. 284 стр. с илл.

Малинов А. Эльбрус — для всех, «Физкультура и спорт», 1959, № 6 (вкладка), стр. 31.

О создании Эльбрусской базы отдыха.

Никитин В. А. По живописным местам. Кавминводы, Теберда — Архыз, Ставрополь, Кн. изд-во, 1964. 182 стр. с илл.

Пачулия В. По туристским маршрутам Абхазии. М., Профиздат, 1962. 143 стр. с илл. и карт.

Путеводитель.

Рототаев К. П. и др. Терскольская база армейцев. М., Воениздат, 1963. 80 стр. с илл.

Туристские базы на Кавказе.

Цабаев В. Г. По Военно-Грузинской дороге. Путеводитель. Орджоникидзе, Сев.-Осет. кн. изд-во, 1961. 68 стр. с илл.

Цветаев Ю. В. На автомобиле по Кавказу (Путеводитель). М., Автотрансиздат, 1962. 222 стр. с илл.

Цхомария Б. Д. Красная Поляна. Краснодар, Кн. изд-во, 1961, 68 стр. с илл.

Путеводитель.

Через Рокский перевал. Орджоникидзе, 1963. 12 стр. с илл. (Сев.-Осет. обл. совет по туризму).

Кабардино-Балкария. Путеводитель, изд. 2, испр. и доп. Нальчик, Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1964. 218 стр. с илл.

Описание туристских маршрутов по Кабардино-Балкарской АССР.

Подъяпольский Г. Н. Достопримечательные места Кабардино-Балкарии. Спутник туриста, изд. 3, доп. Нальчик, Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1964. 195 стр. с илл.

Нас ждет Военно-Грузинская...

Давно уже полюбились туристам эти места. Этот пробитый трудом многих поколений людей путь в горах, где колоннаду тополей сменяет суровая тяжесть скал, а вечные снега Казбека — персиковые сады Мцхеты. Где с древними боевыми башнями соседствуют турбины современных гидроэлектростанций. Где?.. Впрочем, не лучше ли самому пройти этот путь веков через Кавкасион, как зовут в Грузии Главный Кавказский хребет.

Стена вздымающихся выше 5 тысяч метров хребтов отгородила Грузию от Северного Кавказа. Но один из ведущих на юг проходов — пропиленное водами рек Дарьяльское ущелье — знали еще кочевавшие по степям сарматы, гунны, аланы. Двадцать одно столетие назад писал о нем великий греческий ученый Страбон. Упоминает его в своей «Естественной истории» и Плиний.

В прошлом столетии от Владикавказа держал здесь путь на Тифлис наш Пушкин, который со скорбью писал: «Осетины самое бедное племя на Кавказе».

Прежний Владикавказ давно уже стал столицей Северо-Осетинской автономной республики городом Орджоникидзе. И что бы мог сказать Александр Сергеевич, доведись ему пройти по нынешнему богатому живописному городу?!

* * *

Быть может, не больно приметен этот домик возле воздвигнутых в городе массивов многоэтажных зданий и корпусов заводов. Но сюда, в музей певца Кавказа Косты Хетагурова, неизменно стекаются туристы со всех концов страны.

А ближе к окраине, на пути в горы, недавно вырос многоэтажный Дом туриста. Штаб путешественников. Отсюда держат они путь к глетчерам Цей и Казбека, нарзанам Кисловодска, древнему Тбилиси, пальмам Зеленого мыса.

Почему бы и вам не примкнуть к походному строю туристов. Они шагают к селению Нар, где в бедной сакле родился прославленный Коста.

Далеко в глубь веков ведет эта тропа в Даргавском ущелье. Около трех тысяч лет назад сложены из местного камня эти конические могильники.

Много интересного может повидать турист близ Орджоникидзе, но нас ждет Военно-Грузинская дорога. Название ее восходит к началу XIX века, когда русские войска пришли на защиту грузинского народа, который из века в век истребляли турки и персы. Этот путь на 1200 км короче железнодорожного сообщения от Орджоникидзе до Тбилиси. Поезд идет

«Город могил» в Даргавском ущелье

сорок два часа, автобус — шесть — восемь, хотя ему предстоит преодолеть пять хребтов.

«Чем больше углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелье. Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны через утесы, преграждающие ему путь. Ущелье извивается вдоль его течения. Каменные подошвы гор обточены его волнами. Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы», — писал на пути к Арзруму Пушкин.

Путешествуя в горах, поэт не раз зарисовывал ландшафты Кавказа, встречных людей и селения, через которые двигался он к Грузии и Турции.

Стекающий с ледников бурный Терек промыл долину в Лесистом и Скалистом хребтах. За селением

Терек

Балта проложенная вверх по течению реки дорога входит в зажатую горами теснину.

Среди хаотических нагромождений камня, вынесенного ледниками, выделяются четкие линии стен и башен крепости. Она воздвигнута русскими в 1803 году. Выше ее видны стены еще более древнего укрепления. Его ошибочно называют Замком Тамары.

Дорога вступает в Дарьяльское ущелье, или Тагаурскую теснину. Тяжко нависли над шоссе поблес-

кивающие ржавчиной железистых вкраплений граниты Дариала, что значило по-персидски «Врата ала-нов». Грузинские хроники называли теснину Арагвис кари — Арагвские ворота.

«Терек воет, дик и злобен», — писал Лермонтов. Реку теснят нависшие над ущельем скалы. Но сила Терека уже впряжена в турбины Казбекской ГЭС. Ток озаряет селения, где в дни Пушкина и Лермонтова сабли скудно освещались лампадой или лучиной.

За Чертовым мостом дорога вступает в пределы Грузинской ССР. Ее летописцы поведали нам о том, что еще во II веке до нашей эры, закладывая каменными завалами теснину, властители Грузии оборонялись от нашествий кочевников.

И все дальше поднимается дорога, бегущая рядом с рекой, о которой великий сын Грузии Илья Чавчавадзе писал: «Терек — это выражение пробужденной жизни человека... Хвала тебе, Терек! Тем ты и прекрасен, что ты вечно в движении».

Ныне с быстрой рекой соперничают автобусы, машины, мотоциклы. Отличная дорога создана там, где так часто нарушали движение обвалы, описание одного из которых оставил Пушкин, направлявшийся в 1829 году в Арзрум:

... сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом
упал,
И всю теснину между
скал
Загородил,
И Терека могучий вал
Остановил...

Живописным водопадом сбегает с утесов впадающая в Терек река Твелетис-цхали. Вскоре, за селе-

нием Гвелети, дорога переходит на левый берег. Вглядитесь, и вы различите на склонах трассу прежней дороги, которую систематически размывали воды из Бешеной балки. В те дни, когда основным транспортом была арба, и получила свое название скала, которую с надеждой называли «Пронеси, господи!».

Дальше дорога вступает в Хеви (грузинское — «ущелье, овраг»). Это суровый горный край, отгороженный хребтами Кавкасиони, высотой от 2 до 5 тысяч метров.

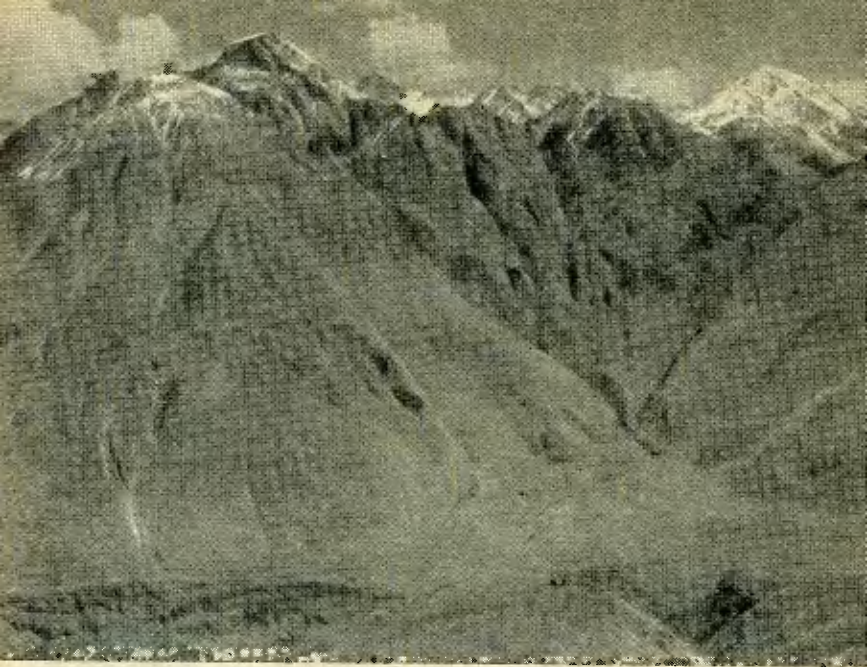
По синей эмали неба уже возник белый пунктир вершин вечных снегов. И ниточки рек так глубоко под тобой, что у заехавшего сюда горожанина невольно замирает сердце.

Сверкнул навстречу ослепительным блеском вечных снегов вставший выше облаков двуглавый Казбек. Мкинварцвери (вершина ледников) зовут его жители ущелий — мохевцы.

А дорога то жмется к склонам, то разворачивается над спадающими к воде отвесами. Вот оно, сердце Хеви, районный центр края тесных ущелий, упирающихся в небо вершин, взбирающихся по склонам селений подобных Гергети, над которыми и высится богатырь Казбек.

Почему бы не подняться на Гергетский ледник? Один из 2200 ледников Большого Кавказа. Разве не захочется увидеть лед не в тележке продавщицы газировки или в домашнем холодильнике, а там, где его выделяет такая «фабрика», как сами горы? Опытный инструктор с туристской базы поможет вам снарядиться и пойти в поход.

Если вы хорошо подготовлены к более трудным восхождениям, ледоруб в руки — и в путь, к вершине,

Главный Кавказский хребет

подобно тем пятистам, что поднялись на нее 15 августа 1960 года.

Много интересного сулит поход на Казбек, расположенный на восточном фланге Центрального Кавказа. До пятидесяти ледников стекает с Казбекско-Дарьяльского массива. Высота вершины — 5047 метров.

Еще в 1889 году отважный русский топограф Андрей Пастухов водрузил на ледяном куполе вершины огромный алый флаг.

По старой книге «Калмасоба» первым побывал на вершине Казбека в XVIII веке грузинский монах Иосиф Мохеве. В 1923 году после восхождений Г. Николадзе и А. Дидебулидзе Казбек стал колыбелью советского альпинизма. Но там, где прежде шли одиночки, теперь поднимаются сотни восходителей. И гордо реет над Кавказом государственный флаг СССР.

Пасущиеся на альпийских лугах отары овец — одно из главных богатств колхозного Хеви. Тот, кто бывал здесь, помнит бредущие долгим путем на зимние пастбища отары. Теперь даже овцы отдают предпочтение путешествию на колесах: быстрее, удобнее, дешевле!

«...Белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками» (Пушкин). Вот он храм XIII—XIV веков Цминдасамеба — «Святая Троица» или как называли его — Казбегис.

Проезжавший здесь в 1850 году Лев Толстой с восторгом осматривал этот замечательный памятник грузинского зодчества. У храма собирался некогда Совет старейшин и хевис-бери, вершивших делами Хеви. О прошлом Хеви напоминает эта улочка, сохранившая древние боевые башни.

В селении находятся усадьба-музей прославленного грузинского писателя XIX века Александра Казбеги и живописная церковь, памятник писателю Александру Казбеги (1848—1893 гг.). Расположенный в его усадьбе Государственный краеведческий музей познакомит вас со многими страницами жизни гор.

На ледниках Казбекского массива

В витринах музея хранятся многие памятники старины, часть которых пополнила экспозицию сравнительно недавно. Их обнаружили в легендарной пещере Бетлеми (Вифлеем).

Там в старину пленен Эдемом
Пещеру вырубил монах...
Досель зовется «Вифлеемом»
Затвор, иссеченный во льдах.
Гора кончается откосом
И образует узкий грот.
Гнездом орлиным над утесом
Чернеет издали проход.
И грозно лязгая над бездной,
Лишь цепь ведет к подножью
льда,
И только цепью той железной
Подняться сможете туда, —

писал когда-то Илья Чавчавадзе.

А передававшаяся из поколения в поколение легенда гласила: «Проникнуть в святилище можно только по цепи, приделанной к скале, но для этого надо быть чистым, святым человеком».

Казалось, тайна Бетлеми утеряна. Где может таиться пещера на склонах горы? Но легенда стала былью. Председатель сельсовета мастер спорта Леван Суджашвили, охотясь, увидел чернеющий в скалах проем. Поднявшись, наткнулся на ржавую цепь.

Под руководством известной альпинистки заслуженного мастера спорта Александры Джапаридзе исследователи проникли в Бетлеми.

Под высеченным в горе куполообразным сводом они увидели трапезу. В ней изготовленную семь веков назад хоругвь, бронзовый шандал, предметы старины.

А скоро мы станем свидетелями того дня, когда сможем купить билет на станцию, которая будет

Ананурская крепость и древний собор

называться «Пещера Бетлеми». Один тбилисский институт закончил проектирование подвесной дороги на Казбек: легкий вагончик двинется над селениями, над Тереком к склонам Казбека.

Несколько часов пути, и перед вами разверзшиеся трещины стекающего с горы Гергетского ледника.

И в Пашети, и во многих других селениях вдоль дороги встречаем мы боевые башни. По их цепи передавались некогда тревожные сигналы: враг идет, к оружию, грузины!

Коби можно назвать перекрестком четырех ущелий: Хевского, Ухатского (слева от дороги), Труссов-

ского (справа от дороги) и Байдарского, по которому проложен путь.

Вдоль трассы выросла еще одна дорога: нитка газопровода Орджоникидзе — Тбилиси.

Вплотную к спускающейся в Пасанаури дороге подступают скалы. Вот и Пасанаури с туристской базой, живописным Гудамакарским ущельем, водопадом Чабарухи (Шумиха).

Мы вблизи места, где текут в общем потоке воды Белой и Черной Арагви, спускающихся с гор в долину.

В селении Ананури расположена крепость самых могущественных из правителей Восточной Грузии XVII—XVIII веков, ананурских эриставов. Верхняя и нижняя крепости, купольный храм, колокольня и памятники создают замечательный ансамбль.

Мцхета. Здесь воочию видишь, как сливаются «обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры». Предание приписывает основание города легендарному родоначальнику картвел, грузин Картлосу.

Воздвигнутый в XI веке собор Светицховели — один из прославленных памятников грузинского зодчества.

На пути к Тбилиси минуем Земо-Авчальскую ГЭС, построенную по ленинскому плану ГОЭЛРО вскоре после Волховской станции.

Вечер. Яркие огни реклам. Зеркальный фасад нового кафе «Метро». Фары автомашин. Здравствуй, красавец Тбилиси!

ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА

№ 41. Военно-Грузинская дорога: Орджоникидзе — 2 д., авт.— Казбеги — 3 д., авт.— Пасанаури — 3 д., авт.— Мцхета — 2 д., авт.— Тбилиси — 2 д., ж. д.— 1 д., Зеленый Мыс — 5 д. Всего — 19 д. Май — октябрь. 70 руб.

№ 79. Кахетинский: Орджоникидзе — 3 д., авт.— Казбеги — 2 д.— авт.— Пасанаури — 2 д.— поход по Кахетии — 3 д.— Телави — 3 д.— авт.— Тбилиси — 3 д., ж. д.— 1 д., Сухуми «Синоп» — 5 д. Всего — 20 д. Май — октябрь. 67 руб.

Турбаза на колесах

Началось это четыре года назад. В подъезд одного из ленинградских домов, что по Красной улице, деловой походкой вошли два энергичных, хотя еще не вполне уверенных в своей затее, человека. Установили на лестничной площадке этого учрежденческого дома стол. Повесили на улице написанное от руки объявление: «Вниманию любителей путешествий! Все желающие могут совершить увлекательную поездку на пароходе по Ладожскому озеру. Побывать на острове Валаам. Отправление после окончания рабочего дня в субботу. Возвращение в воскресенье вечером. Оставшиеся путевки продаются в бюро путешествий».

Они малость покривили тогда душой: «оставшимися» на данном отрезке времени были еще все сто процентов путевок на уже зафрахтованный ими пароход «Короленко». Да и все бюро воплощал тогда один стол, внесенный в подъезд.

Но затея имела успех. Оказалось, что ленинградцы хотят путешествовать. Очень даже хотят! И ле-

нинградцы, и выборжцы, и петрозаводцы — словом, жители многих городов, ибо нам доводилось встречать с путевкой Ленинградского бюро путешествий жителей заполярного Мончегорска, Мурманска и даже араба из Багдада — земляка сказочной Шахразады и Гарун аль Рашида.

Тогда, в первое лето, туристские плавания привлекли до трех тысяч туристов. Кстати сказать, теперь за одно только погожее воскресенье это же бюро путешествий снаряжает в путь вдвое и втрое больше, чем тогда за весь год. Это ли не свидетельство того, что затея двух отражала назревшие потребности многих.

Первый успех окрыляет. Вслед за пароходом ленинградцы отправили в одну из ближайших субборт туристский поезд на Таллин. Он еще только возвращался на берега Невы, а там уже вывешивали аншлаг: проданы все путевки на все запланированные восемнадцать рейсов туристского поезда.

И тут пошло. Разместившееся во Дворце культуры имени С. М. Кирова бюро путешествий отправит теперь не семьдесят тысяч любителей туризма, как в 1961 году, а более двухсот двадцати тысяч.

Вы можете плыть по великим озерам русского Севера, где неповторимые памятники древнего зодчества соседствуют с возникшими здесь могучими индустриальными гигантами, а то, начав путь с причала на Неве, двинуть по Волге до Каспия, видя отраженные в зеркале вод огни возникших здесь огромных плотин и уникальных ГЭС. В бюро давно уже задумываются и над тем, чтобы не ограничивать рамками обслуживания одних только горожан. Ведь если ленинградца тянет в тень леса, то жителям далекого поселка хотелось бы дни своего отдыха провести в музеях и театрах Ленинграда. И туристский теплоход «Циолков-

ский» везет в город на Неве лесорубов Карелии. Та разновидность встречных перевозок, против которых не приходится возражать.

В распоряжении бюро международные комфортабельные автобусы «Икарус-люкс» и «Шкода», последние модели воздушных лайнеров ТУ и ИЛ, более десятка теплоходов.

Можно вместо одного длительного путешествия приобрести в бюро абонемент на несколько более коротких: по ленинским местам близ Ленинграда, в Москву, в столицу Эстонии, по Карельскому перешейку.

Путешествия на любой вкус и любой достаток могут предложить вам в бюро. Стоимость их от 50 копеек (цена воскресной путевки школьника на однодневную лыжную базу) и до... впрочем, потолок уже зависит от вашего аппетита.

Не так то уж давно, всего лишь пять лет назад, от перрона одного из вокзалов провожал в путь первый туристский поезд начальник Московского туристско-экскурсионного управления Н. М. Роговский. Как на проходящей обкатку автомашине, можно было бы вывести мелком на вагонах: «Проба». Сама жизнь апробировала новую форму туризма: в нынешнем 1965 году из Москвы, Ленинграда, Краснодара, Караганды и многих других мест двинется в путь до двухсот таких турбаз на колесах.

На одной из них, по имени «Ленинградец», и начали свой путь от перрона Балтийского вокзала в Ленинграде и мы. Нам предстояло, не расставаясь со своей базой, которая, так сказать, следовала за нами, побывать на территории шести республик, повидать четырнадцать городов, восемьдесят три реки, четыре хребта, одно море, три рыцарских замка, девятнад-

цать современных ГЭС — и все это за один маршрут в 7 тысяч километров с лишним.

Мы все знали, конечно, о самом протяженном в мире железнодорожном маршруте «Москва — Владивосток», который дальневосточный экспресс пробегает почти за восемь суток. Нам же предстояло прожить в купированных вагонах «Ленинградца» двадцать дней и девятнадцать ночей.

Многое увидели триста туристов без рюкзаков, со многим познакомились.

...Овеянные дыханием утренних туманов Карпаты и подобный бессменному часовому огонь вечной славы над могилами освободителей Севастополя. Огромные корпуса заводов и верфей Киева, Одессы, Херсона и миниатюрные мастерские виртуозов-резьбарей села Ясиня. Гулкое безмолвие заботливо сохраняемого кафедрала в Вильнюсе и деловую суету дома проектов в той же столице Литвы, где трудятся те, кто преобразуют старые города, создают новые. И повсюду, куда бы мы ни приехали, от величавого Днепра до берегов миниатюрного Ужа в Закарпатье, повсюду, словно символ труда и роста, первыми встречали нас приветственно воздетые стальные руки работяг кранов.

Поезд зажил своим походным укладом. Первые знакомства. Новые впечатления, не прошло и суток, а мы уже прибываем в третью республику на нашем пути.

«Я, конечно, представлял себе, что такое ваша страна. Но я и не думал, что еще из окна вагона увижу столько нового, интересного, поучительного», — сказал нам Хикмет Шубар. Двадцатипятилетний аспирант из Багдада специализируется по международному праву в Ленинградском университете. Его

мы и имели в виду, говоря о земляках Шахразады и Гарун аль Рашида. Ведь вторая из посещенных нами республик — Украина по своей территории намного превосходила Францию, а Италия заняла бы не больше половины нашей Украины.

Хорош ты, древний Киев, привольно раскинувшийся на высоком берегу величавого Днепра. С 1934 года «мать городов русских» стала столицей Украины. После Москвы и Ленинграда это крупнейший по числу жителей город страны. На памятнике Владимиру Ильичу Ленину, открытом на обновленном после войны Крещатике, вещице слова: «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи».

Про туристские походы можно сказать словами афиши футбольного матча: «Состоится при любой погоде». И теплый летний грибной дождик не может отпугнуть тех, кто отправлялся с первым визитом столице одного из крупнейших государств Европы — нашей Украине. Кому же не хотелось увидеть с платформы станции первой очереди метрополитена панораму города, древние купола которого напоминают о том, что еще в далеком IX столетии возникло здесь славянское государство. А сам старик Днепр не только свидетель старины, но и участник битвы за вызволение Украины, а ныне исходный пункт многих туристских маршрутов.

А теперь подземка связала набережную Днепра с окраинной частью города в районе Святошина. А вскоре метро перекинется и в Дарницю.

Направляясь в город, мы видели бесконечные эшелоны с продукцией киевских заводов: она идет во многие страны.

Поезд — эта маленькая туристская республика на колесах — зажил своей походной жизнью. Только его директор Г. М. Акопов — штатный работник бюро путешествий. Врач и инструктор туризма, библиотечарь и географ, масовик и радист — все они общественники из актива Дворца культуры имени Кирова.

Верховным органом управления станет у нас избранный на эти двадцать суток совет старост.

Мерно ведут счет километрам колеса. Днем поезд отдыхает: туристы путешествуют. А ночью поезд снимается с места и до утра в пути. Таков график. В туристском графике нынешнего дня встреча со Львовом.

Львовщина расположена на крайнем западе территории СССР, вблизи государственной границы с братскими социалистическими странами. Пошел уже восьмой век, как над рекой Полтвой, одним из притоков Западного Буга, на проходившем здесь торговом пути от Черного моря к Балтике возник новый славянский град.

Жители поезда повидали здесь древнюю Пороховую башню 1554 года и новые, просторно раскинувшиеся кварталы «Львовских Черемушек», осмотрели 600-летний армянский собор и один из живописнейших в Европе — Стрыйский парк. Академический театр оперы и балета имени Франко знаменит теперь не только своими каменными и бронзовыми скульптурами, занавесом работы Семирадского. В его зале в памятном октябре 1939 года народное собрание приняло декларацию о воссоединении с братской Украиной.

Поезд приближается к Карпатам.

Фото Ю. Чернышова

Когда мы движемся из Львова к Карпатам, увидим не только неповторимые горные ландшафты, но и свидетельство созидательной деятельности народов-соседей. Над стремительными реками через уходящие в небо хребты шагнули ажурные мачты энергетической системы «Мир», уходит в тень лесов нитка нефтепровода «Дружба», а вблизи поблескивают рельсы электрифицированной магистрали Львов — Прага — крупнейшей в Европе.

Туристы поднялись на верхнюю площадку Холма Славы. Возложили цветы на могилу легендарного разведчика Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова, о подвигах которого знали они по книгам партизанского полковника Героя Советского Союза Д. Н. Медведева.

На Холме Славы похоронены и тринадцать героев Советского Союза. Здесь же могилы русских солдат, павших в 1914—1915 годах.

С парапета, окаймляющего холм, предстал весь большой, наполненный ритмом труда и созидания город.

Ночью наш поезд, словно заправский альпинист, начинает восхождение. На пути от Львова к Ужгороду несколькими ступенями встали хребты Закарпатья, области, где не больше пятой части территории занято равниной. Все выше карабкается состав к Ужокскому перевалу (889 м). На западных отрогах покрытых лесами гор — одна из наиболее молодых областей Советского государства — Закарпатская, расположенная близ границ с Чехословакией, Польшей, Венгрией, Румынией. В будущем 1966 году ей исполнится двадцать лет. Закарпатье уже в незапамятные века было заселено племенами восточных славян. Существовавшее на этой земле в IX—XI веках славянское государство на долгие столетия подпадает под иго иноземных захватчиков. Башни и стены замков хранят память о крепостниках-феодалах.

А в памятном 1944 году, перевалив через Горганы и Бескиды, Советская Армия вступила в сердце Закарпатья, неся освобождение народам.

Административный центр области расположен в Бескидах — крайнем западном хребте Карпат.

По имени реки город, раскинувшийся по обоим берегам Ужа, и назвали Ужгородом. Историки счита-

В старинном замке.
Фото Ю. Чернышова

ют его одним из древнейших городов Киевской Руси, летописи называют его под 903 годом. И в наши дни неподалеку от новых фабрик, созданного в 1945 году университета, массивов новых жилых домов темнеют тронутые дыханием времени строения замка. Но теперь в его стенах, где тысячу сто лет назад держал свою ставку древнерусский князь Лаборец, бродят шумливые стайки школяров. Они пришли знакомиться с экспонатами краеведческого музея либо местной картинной галереи.

На нашем снимке — жители туристского поезда направляются в филармонию. Здесь мы познакомились с поэтичным, глубоко народным искусством гуцулов.

Так совершили мы, правда не выходя из поезда, переход через перевалы Лесистых Карпат, как называют географы восточные отроги горной системы. Водораздельный хребет тянется здесь с северо-запада на юго-восток. Время, работа воды, ветра, тепла и холода, сами силы земли расчленили его на три самостоятельных массива. Это Высокие Бескиды, их высшая точка Ровна (1482 м); тянущиеся между Воловецким и Яблоницким перевалами Горганы, высшая точка Сивуля (1863 м); Черногора, главная вершина которой Говерла (2058 м) — самая высокая в советских Карпатах.

Поезд останавливается в сердце горной страны, селе Ясиня, прилепившемся у склонов Лесистых Карпат. Куда ни глянь, уходят по склонам леса и, словно ступени, отчетливо выделяются сменяющие одна

Закарпатская филармония.

Фото Ю. Чернышова

другую породы. Сначала дуб, метров на двести выше зеленую эстафету примет граб, дальше бук и выше хвойные леса.

Выше 1000—1200 метров сочная зелень полонин, как зовут в Закарпатье альпийские луга. С лесом и горами связаны исконные промыслы сердца Раховщины — поселка Ясиня, где наши туристы, особенно туристки, спешили запастись изделиями искусных резчиков. Само село расположено в котловине долин рек Черная Тиса и Лазощина, дома его взбираются по склонам гор. Высота — 650 метров над уровнем моря. На пути в горы туристы идут мимо пятирубной деревянной Струковской церкви (1824 г.). Из села уходят на восхождения на Говерлу.

А любители пеших походов поднимаются на гору Боркан тропой. Первые шаги — и вы словно погружаетесь в хвойный прибой: легче дышится, отлично шагается. И если у вас есть время, силы да добрый спутник, вы совершите преотличное путешествие.

Вот и высота «1405». Вершина, по имени Великий Менчул. От нее легкая пологая тропа выведет на изумрудную с вкрапленными пятнами цветов Драгобратскую полонину.

А сколько еще диковинок впереди... Поднятая до 1883 метров Близница с открывающейся отсюда панорамой Карпат: выстроились бесчисленные шеренги хребтов, скалистые купола и шпили гуцульских Альп.

Поднятые к самым облакам Говерла, Петрос, Догяска, Унгарьяска. А там блеснуло среди скал зеркало высокогорного озера Верхне-Горешанска. Можно, перевалив через гору Околе, спуститься к Усть-Черному, где тишину леса сменит гул тракторов, где рядом

с туристской тропой тянутся желоба ризей, по которым спускают с лесосек бревна.

А туристский поезд, посетив четыре города и села Закарпатья, берет курс на юг. Впереди встреча еще с одной союзной республикой — Молдавией. Ее столица — Кишинев расположен точно в географическом центре республики. Это о ней писал А. С. Пушкин: «Здесь долго светится небесная лазурь. Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь». Мы увидели залитый жарким солнцем город-сад, где сомкнувшиеся кроны деревьев образуют зеленый свод над тротуаром. Ведь в летние месяцы на улицах Кишинева высаживается до семи миллионов различных цветов.

На пути к горным лугам.

Фото Ю. Чернышова

А как приятно окунуться в воды Комсомольского озера в долине реки Дурлешты, побывать у памятника Г. И. Котовскому, отведать молдавские плоды и, что греха таить, преотличные местные вина.

В прошлом захолустный городок стал теперь крупным культурным и индустриальным центром страны.

Мы снова вернулись на территорию Украины, хотя наш «Ленинградец» движется все вперед и дальше. Одесса! Стосемидесятилетняя южная красавица, о которой мы помним по бессмертному фильму С. М. Эйзенштейна, рассказам И. Бабеля, стихам Э. Багрицкого, прозе К. Паустовского и В. Катаева. Город, о котором упоминает еще бальзаковский отец Горио: «О, я опять займусь торговлей. Поеду в Одессу за зерном». Впрочем, попади он в нынешнюю Одессу, негоциант не узнал бы ее в этом кипучем благоустроенном индустриальном центре. Гуляя в тени каштанов по его улицам, мы вспоминали имена Чижикова, Смирнова-Ласточкина, деда Трофима, Котовского, Жанны Лябурб, тех, кто боролся за Советскую власть.

А можно ли забыть семьдесят три дня железной обороны в дни Великой Отечественной войны, после которой Одесса вошла в гвардейский строй городов-героев.

Одесса началась с моря, морских ворот, через которые, как сказал встретивший путников с одесским радушием старший инженер Черноморского пароходства С. С. Гурфильд, проходят суда из двухсот портов шестидесяти государств мира. А выстроившиеся в очереди на погрузку автомашины и сложные станки, различные машины и комбайны, все то, что носит мету «Сделано в СССР», наглядно свидетель-

Домик, где провел последние годы жизни писатель
Александр Грин.

Фото Ю. Чернышова

ствуем о том, что прежний зерновой порт стал своего рода выставкой достижений народного хозяйства и всей нашей индустриальной державы и одесских заводов.

Гордость Одессы — ее театр. Общительные одеситы при первой же встрече скажут вам: «Кто не бывал в нашем оперном театре, тот не видел еще Одессы». Если символами Ленинграда стали Медный всадник и Адмиралтейская игла, Парижа — Эйфелева башня, то облик Одессы символизируют Потемкинская лестница и театр.

Ступая на священные камни еще одного города-героя, Севастополя, многие могли вспомнить слова участника его обороны Льва Толстого: «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не притекло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтобы кровь ваша не стала быстрее обращаться в жилах».

Величественные эпопеи двух оборон — Крымской и Великой Отечественной войны — запечатлены в панораме 1854—1855 годов и в памятниках битвы за советский Севастополь на Сапун-горе.

Близ юго-восточной оконечности Крымского полуострова в раскинувшемся амфитеатре заливе лежит Феодосия. Город, основанный еще двадцать пять столетий назад мореплавателями из Милеты (Малая Азия).

Курортная, веселая и трудовая Феодосия надолго запоминается туристам.

А море — в брызгах солнца, белых крыльях яхт, бурунах судов на подводных крыльях — напоминает о тех, кто с такой любовью и вдохновением воспевал его. Феодосия — город прославленного русского мариниста Ивана Константиновича Айвазовского. В доме, где он жил и творил, хранится более двух тысяч полотен того, кто уже в свои двадцать семь лет стал академиком живописи.

Побывали мы и в лежащем неподалеку Старом Крыме, в доме, где провел последние годы писатель-романтик А. С. Грин.

Один из самых бывалых туристов похода трехсот заведующий одной из ленинградских поликлиник шестидесятисемилетний Вячеслав Матвеевич Винокуров сказал: «Идея путешествий на туристских поездах полностью оправдана. Сам я занимаюсь ту-

Снова мачты электролинии близ Ленинграда, куда возвращается туристский поезд.

Фото Ю. Чернышова

ризмом с 1912 года, одним из первых в стране был награжден значком «Турист СССР». С удовольствием и пользой проделал весь маршрут «Ленинградца».

* * *

Мы познакомились с планами бюро, с нынешнего года оно стало «Ленинградским бюро путешествий и экскурсий». Всех, кто любит побродить в свой выходной по заснеженному лесу, обслуживали поезда «Лыжная стрела». Они увозят вас утром, поджидает в Приозерске или Сиверской; в поезде — и гардероб, и ресторан. Только за первый месяц «Стрелой» воспользовалось шестнадцать тысяч любителей загородных прогулок.

По традиции в ночь на 22 апреля уходит поезд, пассажиры которого ознакомятся с ленинскими местами Москвы и Подмосковья. Можно на борту парохода добраться с берегов Невы до лиманов Одессы. Съездить в свой выходной в Кижы, а если у вас есть несколько дней, побывать на воспетом еще Державинным водопаде Кивач и полюбоваться городами наших северных морей. Словом, только ленинградское бюро предлагает вам более шестидесяти маршрутов.

ТУРИСТСКИЕ ПОЕЗДА

От вокзалов Алма-Аты, Баку, Барнаула, Вильнюса, Владимира, Волгограда, Воронежа, Горького, Донецка, Еревана, Ижевска, Кемерово, Киева, Краснодара, Куйбышева, Ленинграда, Львова, Минеральных Вод, Минска, Москвы, Новосибирска, Орджоникидзе, Петрозаводска, Риги, Ростова-на-Дону, Свердловска, Симферополя, Тбилиси, Харькова, Целинограда, Черновиц, Ярославля отходят железнодорожные составы в туристские рейсы.

Четыре основных маршрута: 1) Москва — Ленинград; 2) кавказское направление: Ростов-на-Дону — Кисловодск — Пятигорск — Дербент — Баку — Ереван — Тбилиси — Батуми — Сухуми — Гагра — Гудауты — Адлер; 3) украинское направление: Киев — Львов — Ужгород — Свалява — Ясиня — Рахов — Черновицы — Кишинев — Одесса — Херсон — Евпатория — Севастополь — Феодосия; 4) Прибалтика: Минск — Вильнюс — Рига — Таллин — Ленинград. Продолжительность — от 6 до 26 дней. Стоимость — от 43 до 205 руб.

Кроме этих направлений Московский совет по туризму организует рейс на Байкал: Москва — Свердловск — Омск — Красноярск — Братск — Иркутск — оз. Байкал — Ангарск — Томск — Новосибирск — Москва: 22 дня — 210 руб.

Ленинградское бюро путешествий организует рейсы: 1) В Среднюю Азию: Ленинград — Куйбышев — Оренбург — Ташкент — Самарканд — Бухара — Душанбе — Ашхабад — Ленинград: 19 дней — 170 руб.;

2) Карелия и Кольский полуостров: Ленинград — Волховстрой — Петрозаводск — Беломорск — Кивач — Сортавала — Ленинград: 12 дней — 96 руб.

В стоимость путешествия входит оплата проезда в плацкартном или купированном вагоне, трехразовое питание в вагоне-ресторане, экскурсионное и культурное обслуживание.

Путевки продаются в советах по туризму, Ленинградском и Московском бюро путешествий и экскурсий.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Макаров М. Т. и Артишевская Н. С. Москва — Ростов. Путеводитель. М., «Транспорт», 1965. 231 стр. с илл.

Москва — Владивосток. Путеводитель по железной дороге. М., Географиз, 1962, 267 стр. с илл.

Москва — Кавказ. Железнодорожный путеводитель. М., Трансжелдориздат, 1962. 186 стр. с илл. и карт.

Москва — Крым. Железнодорожный путеводитель. М., Трансжелдориздат, 1962. 104 стр. с илл. и карт.

Москва — Ленинград — Мурманск. Железнодорожный путеводитель. М., Трансжелдориздат, 1962. 192 стр. с илл.

Москва — Средняя Азия. Железнодорожный путеводитель. М., Трансжелдориздат, 1962. 207 стр. с илл.

Наравцевич З. А. и Ходаков Н. М. Участнику туристского похода. 40 стр. с илл. (Науч.-попул. мед. литература).

Брошюра знакомит с организацией похода, обеспечением правильного снаряжения, одежды и питания. Даны советы, как оказать помощь при несчастных случаях и некоторых заболеваниях.

По туристским маршрутам (Туристские базы и маршруты Моск. совета по туризму МГСПС). Справочник. М., Профиздат, 1963. 200 стр. с карт. и илл.

Туристские маршруты по СССР.

Попадейкин В. И. Москва — Минск — Брест. Путеводитель по автомобильной дороге. М., Автотрансиздат, 1961. 168 стр. с илл.

Просторы зовут. Редактор-составитель Л. Г. Трипольский. М., «Физкультура и спорт», 1963. 304 стр. с илл.

Ромашков Е. Г. Туристский поход в выходной день, изд. 2. М., Профиздат, 1964. 72 стр. с илл.

Как выбрать маршрут и правильно подобрать одежду и снаряжение, как ориентироваться на местности и разбить лагерь.

Симонов Е. Шагай по земле, турист. М., «Физкультура и спорт», 1963. 79 стр. с илл. (Спорт — детям).

Книга очерков о занимательных туристских маршрутах.

Соловьев В. Б. и Хоциалова Л. В. Путешествие по пяти рекам. Путеводитель Москва — Уфа. М., «Речной транспорт», 1961. 197 стр. с илл. и карт.

Справочник-путеводитель по паиссионатам и кемпингам для автотуристов. Под ред. А. И. Бурова, изд. 3, доп. и переработ. М., Госторгиздат, 1961. 104 стр. с илл.

Спутник туриста, изд. 2, переработ. и доп. М., «Физкультура и спорт», 1963. 528 стр. с илл.

Книга знакомит начинающих туристов с наиболее распространенными и популярными формами туризма в нашей стране и помогает выбрать подходящий маршрут. В отдельном разделе описаны путешествия по пещерам.

Туристские базы профсоюзов. М., Профиздат, 1965. 413 стр. с илл. и карт.

Сведения о туристских базах и маршрутах по СССР.

Туристские тропы. Альманах, кн. 6. М., «Физкультура и спорт», 1962. 247 стр. с илл.

В книге помещены рассказы, стихи, очерки, посвященные путешествиям по Советскому Союзу и зарубежным странам. В отдельном разделе «Советы туристам» даны сведения о новинках снаряжения, консультации по технике передвижения, указания по организации и обеспечению похода.

Широкие просторы. Туристские маршруты. М., «Советская Россия», 1963. 182 стр. с илл.

Алексеев В. И. и др. Москва — Горький — Москва. Путеводитель по каналу имени Москвы, Волге, Оке и Москве-реке. М., «Транспорт», 1964. 104 стр. с илл. и карт.

Кириллов И. А. Один день в Москве. Осмотр города. М., Географгиз, 1963. 142 стр. с илл. и планом.

Куделии П. Г. **Вокруг Москвы**. Краткий справочник. М., «Московский рабочий», 1963. 240 стр. с илл. и карт.

Круглов А. Ф. **Звенигород**. Турбазы, маршруты туристских походов и экскурсий. М., Профиздат, 1963. 24 стр. с илл.

Марков А. И. **Туристские маршруты по Тульской области**. Тула, 1963. 46 стр. с илл. и карт.

Попадейкин В. И. и Струков В. В. **В поход, друзья туристы!** Однодневные маршруты, изд. 2, доп. М., «Московский рабочий», 1964. 495 стр. с илл. и карт.

Путеводитель по Московской области для туристов.

Соколовский Ю. Е. **По Оке**. Путеводитель. М., «Транспорт», 1964. 141 стр. с илл.

МОЛДАВИЯ

Пилат И. Н. **Туристские маршруты по Молдавии**. Кишинев. «Карта Молдовеняскэ», 1964. 216 стр. с илл. и схем.

УКРАИНА

Архипец Е. **Киев — Одесса**. Туристский маршрут. Киев, Изомузгиз УССР, 1962. 28 стр. с илл.

Батушан О. Д. и др. **По земле Киевской**. Путеводитель-справочник (на укр. яз.). Киев, Обл. кн.-газ. изд-во, 1963. 379 стр. с илл.

Бобылев М. И. и Пашута В. В. **Туристские маршруты по Советской Буковине**. Винница, Кн.-газ. изд-во, 1963. 118 стр. с илл.

Описание туристских маршрутов по Черновицкой области.

Мирошниченко Б. А. **Днепр**. Путеводитель. Киев, Обл. кн.-газ. изд-во, 1962. 333 стр. с илл.

Пантелеев В. А. **По голубой дороге трех республик**. Смоленск, Кн. изд-во, 1963. 140 стр. с илл.

О водных туристских маршрутах по р. Днепру.

Русаков М. Г. и др. **Киев**. Маршруты экскурсий. Киев, Изд-во Киевского ун-та, 1960. 155 стр. с илл. и схем.

Чопп И. Л. **Туристские тропы Одессщины**. Одесса, Кн. изд-во, 1964. 147 стр. с илл.

КРЫМ

Воронцов Е. А. **Ай-Петри — Большой каньон**. Путеводитель-справочник. Симферополь, «Крым», 1964. 64 стр. с илл.

Путеводитель по Крымской области.

Кудрявцева Н. И. **Ливадия — Ореанда**. Очерк-путеводитель. Симферополь, Крымиздат, 1962. 55 стр. с илл.

Лебединский В. И. **По вулканическим местам Крыма**. Симферополь, Крымиздат, 1961. 59 стр. с илл.

Макаров М. Н. **Гурзуф**. Очерк-путеводитель. Симферополь, Крымиздат, 1961. 84 стр. с илл.

Мень Г. Я. **На солнечной магистрали**. Краткий справочник-путеводитель по автотрассе Москва — Ялта. Белгород, Кн. изд-во, 1962. 116 стр. с илл.

Олнянский М. Я. и Шляпошников В. И. **Крым**. Путеводитель-справочник, изд. 5. Симферополь, Крымиздат, 1963. 203 стр. с илл.

Хохряков Ю. А. **Южный берег Крыма**, изд. 2. Симферополь, Крымиздат, 1963. 164 стр. с илл.

Швец В. Н. **Дорогами Крыма**. Спутник авто туриста. Симферополь, 1964. 136 стр. с илл. и схем.

Озеро зеркальных плесов

Глубоко вздыхая, парходик выполз на большую воду, и мы встретились с Селигером. «Старик» принял нас отменно. Кипела искрами вода под солнцем, обжигая глаза блеском плавающей стали. Упругий порыв ветра пахнул свежестью. А работяга парходик миновал выросшую над водой глыбу изумруда — остров Городомлю — и втиснулся в такую узкую протоку, что на борту повеяло клевером и свежескошенным сеном с лугов.

Еще в поезде, отходившем от Ленинградского вокзала в Москве, нас охватила атмосфера, не похожая на обычную для железной дороги. Вместо обязательных чемоданов у многих пассажиров рюкзаки или тюки с торчащими из них разборными веслами. Где-то в купе поскуливал кудрявый спаньель. У окна в коридоре два уже немолодых человека с азартом спорили о преимуществах ловли рыбы на мормышку и конспиративно замолкали, когда к ним приближался по-

сторонний: как и у всех завязтых рыболовов, у них были свои потаенные, только им известные места, где «щучки кишмя кишит».

Утро застает нас на пристани «Осташков». Глядя на множество снующих по заливу моторок и лодок с сетями и спиннингами, вспоминаем, что само основание русского городка связывают с поселившимся здесь рыбаком Осташкой или Евстафием.

Издревле заселяло эти живописные берега славянское племя кривичей. Летописи восьмисотлетней давности хранят память о проходившем по здешним рекам большом торговом и дипломатическом пути. Земли Селигера и Верхней Волги входили в одну из пятин господина Великого Новгорода. Реки Селижаровка, Пола выдали торговых гостей из Ганзейских портов Европы.

По сей день в областном музее хранится потемневший от времени крест с надписью, гласящей о том, что Иванко Павлович разведывал здесь новый речной выход на Волгу и Каспий. Об этом и свидетельствовал установленный над озером Стерж памятный крест с датированной 1137 годом надписью: здесь Иванко «почах рыти реку сю».

Но стоит ли углубляться в далекое прошлое, когда видишь так много интересного с пароходика, который убегает все дальше то по широким плесам, то по соединяющим их протокам, таким узким, что склонившиеся с обрывов ветви почти касаются бортов суденышка.

На пристани «Неприе» пароходик принял новую партию пассажиров. Мы прислушались к тому, что рассказывала им седовласая женщина с ясными приветливыми глазами. Нина Петровна Федорова более полувека водит экскурсии по родной стране. А начи-

ная с 1909 года, когда она побывала здесь впервые, главной ее любовью стал Селигер.

«Новые Ельцы». В просторном, увешанном картами и снимками методическом кабинете нам рассказывают методисты туристской базы. Лет пятьдесят назад тихие улочки Осташкова огласили веселые молодые голоса. Экскурсию учителей из Петербурга вела легкая на подъем кудрявая девушка. Учительницу русской истории Нину Федорову озеро Селигер поразило тихой и скромной по-русски величавой красотой: серебряная гладь, вправленная древним ледником в каменную чашу и окаймленная хвоей сказочного бора.

Вслед за весной света пришла весна воды. Туристская навигация на байдарках открыта.

Фото В. Руйковича

— Приезжающих к нам туристов надлежит классифицировать по трем подвидам,— сказала нам Федорова,— «лешие», «водяные» и, наконец, наиболее инертный контингент — «домовые». — И заметив наш недоуменный взгляд пояснила: — К «лешим» мы относим охотников, грибников, всех любителей пеших походов; «водяные» — те, кто снуют по плесам и озерам на всех типах судов: от швертботов до лодок — «фифанов»; «домовые» — те, кто бирюками отсиживаются в пределах усадьбы турбазы.

...За окном перешептывался с ветром темно-синий берендеев бор. Осколком стекла поблескивала между стволами глубоко вклинившаяся в гущу леса лагуна. Звали тропы и сливающиеся с небосводом плесы.

Полутру мы вступили в борьбу. Увы, пока что вовсе не со штормовой пятибалльной волной или километровыми волоками на проходившем некогда здесь пути «из варяг в греки».

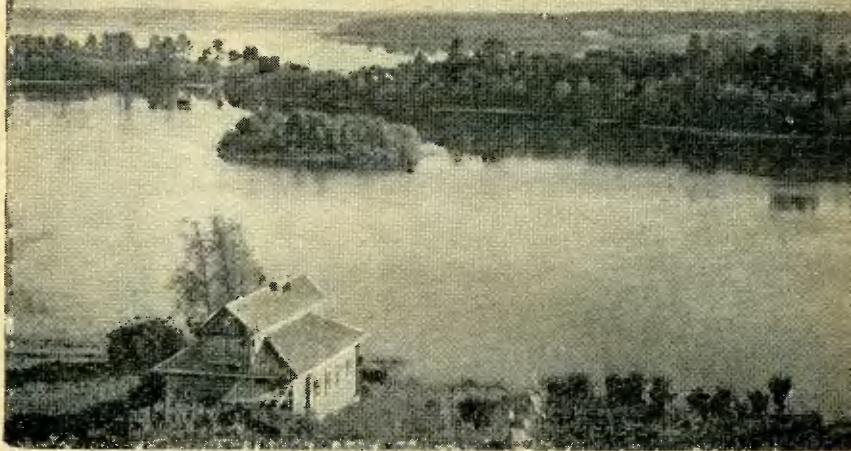
...На траве в строгом соответствии с заводской спецификацией лежали тросточки стрингеров, дуги шпангоутов, похожие на вопросительный знак привальные брусья, не говоря уже о фальшбортах или тех постромках, которыми ноги приводят в движение руль.

Сборка байдарки, носящей, кстати сказать, марку некоего вполне солидного машиностроительного предприятия, длится от двадцати семи (оптимистические прогнозы завода) до двухсот семидесяти минут (печальный опыт практики). Впрочем, при регулярном повторении эта процедура не только успокоительно

На подсыхающих берегах возникают первые биваки.

Фото В. Руйковича

Селигер и острова. Тихие плесы.

действует на особо возбудимых, но даже становится средством заполнения досуга для любителей головоломок и кроссвордов.

Самое же неожиданное и отрадное — концовка в стиле О'Генри. Когда вы, вконец возненавидевшие друг друга, отшвыриваете заводской паспорт и встаете, сплошь залитые потом, который по клейкости превзошел уже силу эпоксидовой смолы или эмалита; когда вы безнадежно запутались среди нежелающих стыковаться деталей с одной стрелкой и вопреки всему совпадающих с ними деталей с тремя стрелками; когда вы с желчным лицом Каренина идете узнавать график отвала обратных пароходов,— в этот-то именно момент все встает вдруг на свои места, и вот уже

фото В. Руйковича

легко покачивается на плаву весьма симпатичное суденышко.

Теперь, если не хотите прослыть сухопутной крысой, ради всего святого не произносите крамольного слова «веревка». Даже ту, что в кольцо на носу байдарки, величайте фалинем. Забыли это мудреное слово, тогда возьмите отныне за правило называть концом любую веревку, даже в тех случаях, когда в руках у вас только ее начало.

Приготовьтесь еще к одному испытанию... Вечером вместе с кисеей тумана потянутся со своих засекренных мест любители рыбалки. Даром, что ли, на гербе, дарованном селигерцам лет двести назад, изображены три серебряные рыбы; водится же их здесь не

один десяток. И каждый вечер жарко пылают костры, булькает янтарная уха, шипят на сковородках лещи, а подобные крыловскому Демьяну рыболовы подстерегают доверчивых новичков на предмет усиленного потчевания их всеми видами рыбных яств.

В благодной тишине вечера долетает мерное и сильное дыхание плещущегося о берега Селигера, и терпко дышат сосны, и перекликаются в колдовском полумраке ночные птицы, и на черной, маслянистой, как нефть, воде уже не видна подплывающая байдарка, и только светлая борозда разрезанной корпусом воды отмечает ее движение.

Селигер, куда закинула нас беспокойная судьба туриста, оказался не просто водоемом, одним из многих, знакомых нам по Подмоскovie, не просто «радикальным маршрутом № 5» согласно номенклатуре Центрального совета по туризму.

Это совсем особый мир и находится он недалеко от Москвы.

...Княжа и Свапуца. Троице-Переволока и Николо-Рожок. Залучье и Волховщина. Разве не различаешь в этих названиях и звон меча, и поступь оратая, и эхо русской старины, что живет здесь рядом с теми, кто возделывает лен или дубит отменное шевро и прочный чепрак на местном заводе, начало которого писцовые книги относят к 1624 году.

И так везде...

Большак от деревни, по имени «Руна», где росла наша героиня комсомолка Лиза Чайкина, приведет к взлетевшим, будто громадные стрелы, трем ярусам церкви села Широково. Не забив ни одного гвоздя, срубил ее своим чудодейным топором восемь веков назад тверской плотник. А деревянная вязь на домах Заплавья. А тропы, ведущие мимо курганов кривичей

И по сей день любители рыбалки бороздят озеро.

Фото В. Руйкович

к могиле советского генерала Шевчука! Или запрятанный в лесах острова Хачина потаенный каналчик Копанка и открывшийся за ним неохватный простор плесов!

Глаза становятся до ненасытного жадными в этом привольном краю, где даже тину озер следует внушительно именовать сапропелем, ибо она тоже наделена какими-то целительными свойствами.

Уже с борта парохода видишь на прихотливо изрезанных берегах каменные глыбы среди сосен, чистейший песок пляжей. Местами озеро раздвигается вширь и вдаль и с трудом углядишь темнеющий на горизонте берег. Но дальше, где-нибудь на реке Полновке, можно двигаться только самым малым ходом.

Наступил вечер. Пора отдохнуть.

Фото В. Руйковича

Как явствует из справочников, Селигер — одно из двух тысяч трехсот озер Калининской области. Правильнее было бы говорить о двух цепочках из протянувшихся на 91 километр отдельных озер, которые называют здесь плесами.

Водную гладь оживляют поднимающиеся там и сям зеленые массивы. Это острова. Их здесь сто шестьдесят: от таких, что на поверхности с трудом найдется местечко для двух рыболовов, до подобных Хачину. На его территории пять селений. В его лесах поблескивают зеркала одиннадцати своих внутренних озер, и, пользуясь байдаркой, можно проникнуть по воде в глубь острова.

Присоединимся к колонне, которая держит путь по Березовскому плесу. После водных просторов показались желтеющие от спелых хлебов поля и небольшие селения. Названия их — Залучье (расположенное за лукой, поворотом), Березовый Рядок — напоминают еще раз о тех веках, когда здесь проходил великий торговый путь старой Руси. В деревеньке Березовый Рядок рядились, сходились для переговоров в IX—XII веках купцы Востока и Запада.

Село Свапуща. Стеной встали по обочинам могучие сосны. После привала у озера, прозванного Гитара, путники направляются к живописному селению Коквино, а утром в Волгино Верховье.

Небольшой деревянный сруб. Здесь выбивается из болотца на дневную поверхность родничок, стекает небольшой мутноватый ручеек. Но он дает начало величайшей из рек Европы — Волге. Нелегко представить себе, что узенький ручеек дает начало реке, ширина которой в дни весенних разливов может достигать 40 километров.

Селигер был плацдармом ожесточенных боев в дни Великой Отечественной войны. Гитлеровцы, изгнанные из этих мест, в бессильной злобе сожгли домик. Воины той части, которая вышибала отсюда захватчиков, отложив автоматы, взяли за топоры. Уходя на запад — до Вены, Белграда, Берлина, — они восстановили сруб над истоками великой русской реки. И в эти дни неизвестный солдат родом из Сибири начертал на стене: «Земной поклон матушке-Волге от батюшки-Енисея».

* * *

Если говорить всерьез, Селигер, как, впрочем, и все другие замечательные туристские места, обладает

одним свойством: тот, кто хоть раз побывал здесь, не может не вернуться.

Мы плавали здесь по прозрачным плесам и зловеще черным, устланым торфом Собенским озерам. Переволакивали байдарки через перешеек Картуни и шагали к срубу, из которого выходит названный выше младенец ручеек, чтобы стать могучей Волгой. И с каждым годом встречали все больше тех, кто, не без осторожности усевшись на жесткое фанерное сидение байдарки и ощутив под ее кормой бег воды, по сей день бороздит воды Селигера. Реки, озера, протоки, что были некогда первыми путями на Руси, ныне обрели множество новых союзников во образе рек рукотельных, как звались когда-то каналы и водохранилища, которые создает по своей воле человек.

И пусть не так велик Селигер, но уже лет шесть назад обитатели местной туристской базы предпринимали более трехсот походов по воде и суше за сезон. Прошли тогда расстояние, достаточное, чтобы добраться от Москвы до Южного полюса.

СЕЛИГЕР

№ 5. По Селигеру — 20 д. Май — сентябрь. 60 руб.

№ 163. На турбазе «Сокол» на Селигере — 20 д. Июнь — август. 56 руб.

№ 163с. На турбазе «Сокол» на Селигере (водный, «с» — самодельный) — 10 д. Июнь — август. 20 руб.: путевка на 4 человека без питания, с прокатом лодки, палатки, походного инвентаря — 10 дней.

Федорова Н. П. **Озеро Селигер.** Путеводитель. М., Профиздат, 1960. 84 стр. с илл. и карт.

Озеро Селигер. Путеводитель. Калинин, Обл. ки. изд-во, 1963. 33 стр. с илл. и карт.

Одинокий запоздалый парус...

Фото В. Руйковича

Содержание

I. Шире дорогу — турист идет

<i>Алексей Леонов.</i> Турист космоса — туристам Земли	5
<i>Владимир Солоухин.</i> Торопитесь видеть Землю	7
<i>Генрих Анохин.</i> Сеньор Кон-Тики в гостях у советских туристов	13
<i>Тур Хейердал.</i> Лощман «Кон-Тики» — советским туристам	23

II. Бывалые путешественники рассказывают

<i>Г. С. Орешко.</i> Здесь путешествовал Ильич .	29
<i>В. Песков.</i> Музыка древнего топора	44
<i>Б. Базунов.</i> Гуцульский орнамент	55
<i>Ю. Кириллова.</i> В кольце дорог	87
<i>Н. Швытов.</i> Обелиск севера	110
<i>Г. Анохин.</i> В краю Синих гор	133
<i>Е. Алексеева и В. Алексинский.</i> Жемчуг Дивьей пещеры	157
<i>К. Матвеев.</i> По далям таежных рек	171
<i>К. Симонов.</i> Прощай, Удокан	188
<i>Н. Тарасов.</i> В краю лесов и водопадов . .	199
<i>В. Туголуков.</i> На поиск загадочных баргу- тов	225
<i>Н. Беркова.</i> В стране контрастов	238

<i>Е. Симонов. Шестеро на перевале, включая ишака</i>	<i>256</i>
---	------------

III. Страна большого туризма

Чудесен мир странствий	269
---	------------

IV. Полный рюкзак советов

<i>В. А. Милицын. Какого вкуса воздух странствий?</i>	<i>305</i>
<i>А. В. Яров. Рюкзак</i>	<i>311</i>
<i>А. В. Яров. Костровое хозяйство</i>	<i>315</i>
<i>К. Бардин. Вы идете в таежный маршрут</i>	<i>322</i>
<i>В. Т. Козулицын. Постройка плота</i>	<i>327</i>
<i>В. П. Стрешнев. Лодия плавания на плотах</i>	<i>332</i>
<i>Л. В. Руф. Спасательный жилет</i>	<i>347</i>

V. Странствия с фотокамерой

Чудесный край — Приэльбрусье	351
Нас ждет Военно-Грузинская	385
Турбазы на колесах	397
Озеро зеркальных плесов	417

ВСЕГДА В ПУТИ

М., «Мысль», 1966.

431 с. с илл. и карт.

На обороте тит. л. сост. Д. Е. Дмитриев

7А6 1

Редактор *С. Я. Проходцева*

Младший редактор *В. В. Леонова*

Редактор карт *В. В. Рязанова*

Художественный редактор

С. С. Верховский

Технический редактор

Э. Н. Виленская

Корректоры *П. И. Чивикина,*

В. С. Матвеева

Сдано в набор 25/V 1965 г. Подписано
в печать 21/I 1966 г. Формат бумаги
70×108¹/₃₂. Бумажных листов 6,75. Печ-
чатных листов 18,49. Учетно-издательских
листов 17,78. Тираж 35000 экз. А-11609
Цена 72 коп. Заказ № 95.

Св. темплан обществ.-полит. лит-ры
1965 г. № 879.

Издательство «Мысль»

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова

Главполиграфпрома

Комитета по печати при Совете

Министров СССР.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

52

72 коп.

Любите ли вы путешествовать? Хотели бы встретиться с бывальыми путешественниками, послушать их рассказы?.. Наш сборник — это своеобразный клуб таких путешественников. Встречу с ними открывает первый человек, проделавший „туристский маршрут“ в космосе, — Алексей Леонов.

Если он за десять минут своего похода продвинулся от Крыма до Сахалина, то другим нашим авторам за семь дней похода удалось пройти... 8 метров. Это была группа московских спелеологов в лабиринтах Дивьей пещеры.

Среди авторов сборника Тур Хейердал и наши туристы, которые на советских „Кон-Тики“ преодолевали пороги рек Алтая, Саян, Тувы.

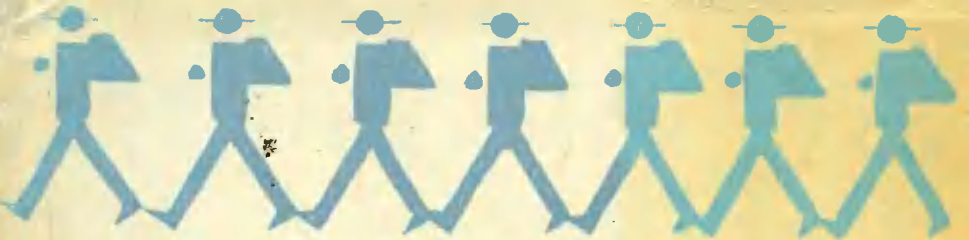
О своих путешествиях рассказывают лауреат Ленинской премии В. Песков, писатель В. Солоухин. Немало полезного найдете вы и в разделе „Полный рюкзак советов“.

72 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

137 602

ВСЕГДА В ПУТИ

